

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ **XXI** | Общероссийский
журнал
о мире образования
ВЕК

3 / 2022
часть 2

С требованиями к предоставляемым материалам
и сопутствующей информацией можно ознакомиться
на сайте журнала

www.prepodavatel-xxi.ru

Журнал зарегистрирован Государственным комитетом РФ по печати
(Свидетельство ПИ № 77-14961 от 03 апреля 2003 г.)

Редакция журнала «Преподаватель XXI век»
117571, Москва, пр-т Вернадского, д. 88, комн. 446
Телефон/факс: 8 (499) 730-38-61, **e-mail:** prepodavatel-XXI@inbox.ru
Сайт журнала: www.prepodavatel-xxi.ru

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

XXI

Общероссийский
научный журнал
о мире о бразования

3

2022

часть 2

ВЕК

Журнал основан в 2003 году
Выходит 4 раза в год
Издается в 2 частях

Учредитель и издатель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
образования «Московский
педагогический государственный
университет»

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий Высшей
аттестационной комиссии (ВАК)

Журнал зарегистрирован
Федеральным агентством
по печати и массовым
коммуникациям РФ.
Свидетельство ПИ № 77-
14961 от 03 апреля 2003 г.

Подписной индекс журнала
по Объединенному каталогу
«Пресса России» — **85009**

Адрес редакции: 117571,
Москва, пр-т Вернадского, д. 88,
комн. 446

Тел.: +7 (499) 730-38-61,

e-mail:

prepodavatel-XXI@inbox.ru

Сайт журнала:

prepodavatel-xxi.ru

При полной или частичной
перепечатке материалов ссылка
на журнал «Преподаватель XXI
век» обязательна

Мнение редакционной коллегии
по материалам дискуссионного
характера может не совпадать
с мнением авторов

Редакционный совет

Каракозов Сергей Дмитриевич (главный редактор),
доктор педагогических наук, профессор, директор Института
математики и информатики МПГУ

Блох Марк Яковлевич, доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой грамматики английского
языка МПГУ, почетный академик Российской академии
естественных наук, почетный академик Международной
академии наук педагогического образования

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук,
профессор, заместитель директора Института языкознания РАН

Левицкий Михаил Львович, доктор педагогических наук,
профессор, академик РАО

Мурын Тереза, доктор наук, профессор французской
филологии, Краковский педагогический университет (Польша)

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук,
директор Института российской истории РАН

Попова-Велева Иванка, кандидат филологических наук,
кафедра романистики, Университет св. Кирилла и Мефодия,
Велико Тырново (Болгария)

Рогожин Николай Михайлович, доктор исторических наук,
профессор, директор Центра истории русского феодализма
Института российской истории РАН

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических
наук, профессор, академик РАО; директор Института
педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального
университета

Уваров Александр Юрьевич, доктор педагогических
наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института
образовательной информатики ФИЦ «Информатика и
управление» Российской академии наук

Уваров Павел Юрьевич, доктор исторических наук,
профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Отделом
западноевропейского средневековья и раннего нового времени
Института всеобщей истории РАН

Чубарьян Александр Оганович, доктор исторических наук,
академик РАН, научный руководитель Института всеобщей
истории РАН

Штольценберг Юрген, доктор философии, профессор,
кафедра истории философии, Университет Мартина Лютера,
Галле-Виттенберг (Германия)

Редакционная коллегия

Воробьева Ольга Владимировна (ответственный редактор), кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН; доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета; член правления Российского общества интеллектуальной истории

Бойко Светлана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы новейшего времени Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной филологии Института филологии Московского городского университета

Брейтгим Элеонора Константиновна, доктор педагогических наук, профессор кафедры алгебры и методики обучения математике Алтайского государственного педагогического университета

Веряев Анатолий Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры информационных технологий Алтайского государственного педагогического университета; профессор кафедры педагогики высшей школы и информационных образовательных технологий Алтайского государственного университета

Гвоздецкая Наталья Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета

Гончаров Михаил Анатольевич, доктор педагогических наук, директор Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета; доцент, член бюро Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки

Грифцова Ирина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Катханова Юлия Федоровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры дизайна и медиатехнологий в искусстве Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета

Ким Татьяна Константиновна, доктор педагогических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретических основ физической культуры и спорта Московского педагогического государственного университета

Колесникова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета

Кузьменко Галина Анатольевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Кафедры теоретических основ физической культуры и спорта Московского педагогического государственного университета

Лазарева Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета, доцент Кафедры русской литературы, заместитель проректора

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени С.П. Королева

Николай Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

Николина Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета

Никулина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой фонетики и лексики английского языка Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета

Осипова Ольга Петровна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры управления образовательными системами им. Т.И. Шаповой Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Рыжова Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института содержания и методов обучения Российской академии образования

Славина Валентина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и медиакommunikаций Московского педагогического государственного университета

Трубина Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, проректор по учебно-методической работе, заведующий кафедрой русской литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета, член Союза журналистов РФ

Хазина Анна Васильевна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

Цибульникова Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, помощник заместителя руководителя Рособнадзора; доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластёнина Московского педагогического государственного университета

Черкашин Илья Афанасьевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Мастер-тренинг и национальные виды спорта» ИФКиС ФГАОУ ВО «Северо-восточный федеральный университет имени М.К. Амосова»

Шутикова Маргарита Ивановна, доктор педагогических наук, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин Академии социального управления

Янченко Владислав Дмитриевич, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета

The journal was founded in 2003
Published quarterly
Issued in 2 volumes

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Moscow Pedagogical State University”

Journal is included by Higher Attestation Commission of RF in the List of leading peer-reviewed scientific editions, published in the Russian Federation

The Journal is registered in the State Press Committee of the Russian Federation Certificate of registration ПИ № 77-14961 of April 03, 2003

Subscription index in the United Catalogue «Pressa Rossii» – **85009**

Address: 119571, Moscow, Vernadskogo avenue, 88, office 446

Tel.: +7 (499) 730-38-61

E-mail: prepodavatel-xxi@inbox.ru

Website: prepodavatel-xxi.ru

Editor’s views may differ from the authors’ opinions

In case of partial or complete reproduction of the journal materials, the reference to “Prepodavatel XXI vek” journal is mandatory

Editorial Council

Sergey D. Karakozov (Editor-in-Chief), ScD in Pedagogy, Professor, Director, Institute of Mathematics and Computer Science, Moscow Pedagogical State University

Mark Ya. Bloch, ScD in Philology, Professor, Chairman, English grammar Department, Moscow Pedagogical State University, Honorary Member of Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Member of International Academy of Sciences in Pedagogical Education

Valery Z. Demyankov, ScD in Philology, Professor, Deputy Director, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Mikhail L. Levitsky, ScD in Pedagogy, Professor, Academician, Russian Academy of Education

Theresa Muryn (Poland), ScD, Professor in French Philology, Krakow Pedagogical University

Yury A. Petrov, ScD in History, Director, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Ivanka Popova-Veleva (Bulgaria), PhD in Philology, Romance Philology Department, St Cyril and St Methodius University, Veliko Turnovo

Nikolay M. Rogozhin, ScD in History, Professor, Director, Center of Russian Feudalism History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

Olga G. Smolyaninova, ScD in Pedagogy, Professor, Academician, Russian Academy of Education; Director, Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University

Jurgen Stoltzenberg (Germany), ScD in Philosophy, Professor, History of Philosophy Department, Martin Luther University, Halle-Wittenberg

Alexander Yu. Uvarov, ScD in Pedagogy, Professor, Chief Researcher, Institute of Educational Informatics, Federal Research Center “Informatics and Management”, Russian Academy of Science

Pavel Yu. Uvarov, ScD in History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Head of the Department of West European Middle Ages and Early Modern Times, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Alexander O. Chubaryan, ScD in History, Academician, Russian Academy of Sciences, Academic Director, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Editorial Board

Olga V. Vorobiova (Executive Editor), PhD in History, Leading Researcher, Department of Historical and Theoretical Research, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, History and Theory of Humanitarian Knowledge Department, Russian State University for the Humanities; Academic Secretary, Russian Society of Intellectual History

Svetlana S. Boiko, ScD in Philology, Professor, Modern Russian Literature Department, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities

Irina A. Bubnova, ScD in Philology, PhD in Psychology, Professor, Chairperson, Foreign Philology Department, Institute of Philology, Moscow City University

Eleonora K. Breitigam, ScD in Pedagogy, Professor, Department of Algebra and Mathematics Teaching Methods, Altai State Pedagogical University

Anatoly A. Veryaev, ScD in Pedagogy, Professor, Information Technologies Department, Altai State Pedagogical University; Professor, Higher School of Pedagogy and Information Educational Technologies Department, Altai State University

Mikhail A. Goncharov, ScD in Pedagogy, Professor, Director, Institute "Higher School of Education", Moscow Pedagogical State University; Associate Professor, Member of the Bureau of the Scientific Council on the Issues of History of Education and Pedagogical Science

Irina N. Griftsova, ScD in Philosophy, Professor, Chairperson, Philosophy Department, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

Natalya Y. Gvozdetskaya, ScD in Philology, Professor, Chairperson, English Philology Department, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities

Anatolii R. Kantorovich, ScD in History, Professor, Chairperson, Archeology Department, Historical Faculty, M.V. Lomonosov Moscow State University

Yulia F. Kathanova, ScD in Pedagogy, Professor, Design and Media Technologies in Art Department, Institute of Fine Arts, Moscow Pedagogical State University

Tatiana K. Kim, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical Foundations of Physical Culture and Sports, Moscow Pedagogical State University

Svetlana M. Kolesnikova, ScD in Philology, Professor, Chairperson, Russian Language Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

Galina A. Kuzmenko, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor at Chair of Theoretical Basis of Physical Culture and Sports, Moscow Pedagogical State University

Elena Y. Lazareva, PhD in Philology, Associate Professor, Director, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Associate Professor, Department of Russian Literature, Deputy Vice-Rector

Olga B. Leontieva, ScD in History, Professor, Russian History Department, S.P. Korolev Samara National Research University, Russian Federation

Fyodor V. Nikolai, PhD in History, Associate Professor, World History, Classical Disciplines and Law Department, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Natalya N. Nikolina, PhD in Philology, Professor, Russian Language Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

Elena A. Nikulina, ScD in Philology, Professor, Chairperson, English Phonetics and Lexicology Department, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University

Olga P. Osipova, ScD in Pedagogy, Professor, T.I. Shamova Department of Educational Systems Management, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University

Natalya I. Ryzhova, ScD in Pedagogy, Professor, Chief Researcher, Institute of Contents and Teaching Methods, Russian Academy of Education

Valentina A. Slavina, ScD in Philology, Professor, Chairman, Department of Journalism and Media Communications, Moscow Pedagogical State University

Lyudmila A. Trubina, ScD in Philology, Professor, Vice-Rector of Training Development, Moscow Pedagogical State University; Honorary Worker of Higher Education, Member of the Russian Union of Journalists

Anna V. Khazina, PhD in History, Chairperson, World History, Classical Disciplines and Law Department, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

Viktoria E. Tsibulnikova, PhD in Pedagogy, Assistant to the Deputy Head of Federal Service for Supervision in Education and Science (Rosobrnadzor), Associate Professor, V.A. Slastyonin Department of Pedagogics and Psychology of Professional Education, Moscow Pedagogical State University

Ilya A. Cherkashin, ScD in Pedagogy, Professor, Institute of Sports and Physical Education, M.K. Amosov North-Eastern Federal University

Margarita I. Shutikova, ScD in Pedagogy, Professor, General Education Disciplines Department, Academy of Public Administration

Vladislav D. Yanchenko, ScD in Pedagogy, Professor, Chairperson, Department of Russian Language Teaching Methods, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

10.02.00 — Языкознание	5.9. Филология
10.02.01; 10.02.02; 10.02.03; 10.02.04; 10.02.05; 10.02.22; 10.02.20	<i>Находится на перерегистрации</i>
10.02.19	<i>Актуальна до 16.10.2022</i>
07.00.00 – Исторические науки и археология	5.6. Исторические науки
07.00.02; 07.00.03; 07.00.06; 07.00.09; 07.00.10; 07.00.15	5.6.1; 5.6.2; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6; 5.6.7
13.00.00 – Педагогические науки	5.8. Педагогика
13.00.01; 13.00.02; 13.00.08	5.8.1; 5.8.2; 5.8.7
13.00.04	<i>Находится на перерегистрации</i>
13.00.05	<i>Актуальна до 16.10.2022</i>

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА

Педагогические науки (13.00.00)

Проблемы профессионального образования

- Каракозов С.Д., Рыжова Н.И.** Тенденции подготовки научных кадров высшей квалификации, способствующие повышению качества диссертационных педагогических исследований 11
- Барский Е.Д.** Нормативно-правовые и дидактические основания моделирования дистанционного обучения в России 29
- Никитская Е.А.** Полипарадигмальность в системе подготовки и профессиональной социализации специалистов социальной сферы 46
- Ван Хаоин.** Опыт совместной подготовки магистрантов Столичным педагогическим университетом (КНР) и Московским государственным лингвистическим университетом (Россия). 54
- Латыпова Э.А.** Социокультурная обусловленность динамики образования в поликультурной и полилингвальной среде: факторы, задающие динамику 67
- Афанасьева О.П., Никифорова И.Н., Чесновицкая Е.А.** Теоретические подходы к изучению проблемы успешности учебной деятельности подростков в современной общеобразовательной школе. 81

Содержание и технологии образования

- Грибова Г.В., Штоббе И.А., Гусева А.В.** Междисциплинарные связи в преподавании естественнонаучных дисциплин студентам фармацевтического факультета медицинского университета. 89
- Мокляк Д.С.** Критерии оценки программы подготовки будущих учителей к продуктивному обучению физике с учетом возможностей информационной образовательной среды 102

Сарычева И.А., Грибкова Ю.В., Голицына Е.В., Запатрина Н.В. О проведении педагогического эксперимента по дифференцированному подходу к обучению высшей математике в вузе.	114
Матвеева В.А., Самсикова Н.А. Метод заблуждений в обучении математике.	122
Буковский С.Л. Ролевая игра как вид речевого упражнения при креативном обучении устному иноязычному профессионально-ориентированному общению в аграрном вузе	129
Жань Лин, Глумова Е.П. Особенности формирования иноязычной региональной компетенции у студентов направления подготовки «Зарубежное регионоведение»	139
Ерохина О.В. Интернет-ресурсы и возможность их использования в преподавании истории России XVIII – начала XX века в вузе	149

Язык и образование

Фань Цзиньхуэй, Чепкова Т.П. Обучение языку специальности китайских студентов музыкального профиля на материале текстов о творческом наследии русских композиторов XIX–XX веков	159
Зацепин А.В., Кайсарова С.Н. Специфика преподавания русского языка как иностранного китайским студентам-музыкантам.	169
Нве Нве Лвин. Этноориентированная методика обучения русскому языку как иностранному в Мьянме (на примере глаголов движения)	178

Образование и физическая культура

Ким Т.К., Кузьменко Г.А., Эссеббар К.М., Марьин И.С. Конкретизация системы требований к качеству и результатам деятельности как условие совершенствования образовательного процесса студентов ИФКСИЗ	188
Филонов Л.В., Кручинина Г.А. Формирование универсальных компетенций будущих бакалавров физической культуры в системе профильных дисциплин с применением цифровых технологий.	200

Образование и художественное творчество

Катханова Ю.Ф., Юй Си, Корыгин А.И. Искусственный интеллект в образовательном пространстве.	215
Салтыкова Г.М., Васильева Д.А. Цифровые технологии в дизайн-образовании и проектной деятельности	224
Гусева В.В. Роль дисциплины «Скульптура» в подготовке будущих дизайнеров игрушек (философский аспект)	231

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА – ВУЗАМ

Исторические науки (07.00.00)

В пространстве интеллектуальной истории

Шемякин Я.Г. Концепция диалога М.М. Бахтина в контексте процесса смены общенаучных парадигм.	251
Назаров С.О. Проблема исторического синтеза в работах позитивистов и И.Г. Дройзена	261
Кирпичников И.А. Регионализм в истории Московской Руси: проблемы концептуализации	272

Политическая история и мировая политика

- Белова Т.А., Брицкая А.Л., Козлова А.А., Лобова Т.Г., Сивирин О.А.**
Традиции российского самодержавия 286
- Шемякина О.Д.** Конфликт и стратегии интеграции в «связанной истории» Евразии: проблема соотношения 296

Из истории экономики и социальной политики

- Блинова Е.В.** «Африканский» Лондон: топографический очерк (XVI – начало XX века) 307
- Рышкус В.В.** Земля и Власть: хозяйственно-экономический аспект 318
- Гапсаламов А.Р.** Организационные изменения в промышленности Татарской АССР в условиях форсированной индустриализации 330

История науки и образования

- Шпак Г.В.** Настольные игры в Англии эпохи Георгов как инструмент воспитания, обучения и распространения научных знаний. 337
- Зернов Д.В., Игаева К.В.** Историческая память и патриотическое воспитание в российских школах глазами молодых учителей 353

Филологические науки
Языкознание (10.02.00)

Дискурсивные исследования

- Попова А.В.** Особенности президентских выборов в США 2020 года: лингвокультурологический аспект 361
- Соколова М.А.** Современные формы дискриминации в американском политическом медиадискурсе. 373
- Сейранян М.Ю.** Дискурсивные маркеры речевого отгораживания как отражение национально-культурной специфики речевого общения 380
- Сергеева Ю.М., Ивасик Д.А.** Деконструкция бинарной гендерной модели в современной лингвокультуре (на материале англоязычного рекламного дискурса) 387

Лексикология, фразеология, компаративистика

- Ананьина Т.С., Тимофеева А.А.** Психолингвистические и семантические характеристики русских и европейских лексических и фразеологических единиц, возникших в период пандемии COVID-19 (сопоставительный аспект). 396
- Гливенкова О.А. Евенко Е.В., Морозова О.Н.** Слова-чемоданы как продуктивный способ образования «коронеологизмов» 413
- Мамедов А.Н.** Структурно-семантические типы терминов в текстах общественно-политической тематики и способы их перевода с немецкого на русский. 422

Стилистика

- Аль Абдали Юсра Акрам.** Метафора и жанр семейной хроники (на примере произведения Л. Улицкой «Медея и ее дети») 429

Некролог

- Памяти М.Я. Блоха (16.08.1924–16.09.2022). 441

SCIENCE, EDUCATION, CULTURE

Profession Education Pedagogy

- Karakozov S.D., Ryzhova N.I.** Trends in the Training of Highly Qualified Scientific Personnel to Improve the Quality of Pedagogical Dissertation Research 11
- Barsky E.D.** Regulatory and Didactic Fundamentals of Distance Learning Modeling in Russia 29
- Nikitskaya E.A.** Polyparadigmaticity in the Training System and Professional Socialization of Social Sector Specialists 46
- Wang Haoying.** Experience of Training Master Students Jointly by the Capital Normal University (PRC) and the Moscow State Linguistic University (Russia) 54
- Latypova E.A.** Social and Cultural Determinants of the Dynamics of Education in a Multicultural and Multilingual Environment: Factors That Set the Dynamics. 67
- Afanasyeva O.P., Nikiforova I.N., Chesnovitskaya E.A.** Theoretical Approaches to the Study of the Problem of the Success of Educational Activities of Adolescents in a Modern Secondary School 81

Educational Topics and Techniques

- Gribova G.V., Shtobbe I.A., Guseva A.V.** Interdisciplinary Links in Teaching Natural Sciences to Pharmacy Students of Medical Universities 89
- Moklyak D.S.** Criteria for Evaluating the Program of Training Future Teachers for Productive Teaching of Physics Taking Into Account the Possibilities of the Information Educational Environment 102
- Sarycheva I.A., Gribkova J.V., Golitsyna E.V., Zapatrina N.V.** On Carrying Out a Pedagogical Experiment on a Differentiated Approach to Teaching Higher Mathematics at the University 114
- Matveeva V.A., Samsikova N.A.** The Method of Delusions in Teaching Mathematics 122
- Bukovsky S.L.** Role Playing as a Type of Speech Exercise in Creative Teaching of Spoken Professionally-Oriented Foreign Language Communication in Agrarian Higher Education Institution 129
- Ran Ling, Glumova E.P.** Features of Forming Foreign-Language Regional Competence among Students of the "Foreign Regional Studies" Specialty. 139
- Erokhina O.V.** Internet Resources and the Possibility of Their Use in Teaching the History of Russia in the XVIII – Early XX Century at the University. 149

Education and Language

- Fan Jinhui, Chepkova T.P.** Teaching the Language of Specialty to Chinese Music Students on the Material of the Texts on the Creative Heritage of Russian Composers of the XIX–XX Centuries 159
- Zatsepin A.V., Kaisarova S.N.** Specifics of Teaching Russian as a Foreign Language to Chinese Music Students. 169
- Nwet Nwet Lwin.** Ethno-Oriented Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language in Myanmar (Using the Example of Verbs of Motion) 178

Education and Physical Culture

- Kim T.K., Kuzmenko G.A. Essebbar K.M., Marin I.S.** Specification of the System of Quality Requirements and the Results of Activity as a Condition for Improving the Educational Process of Students of Institute of Physical Culture, Sports and Health 188
- Filonov L.V., Kruchinina G.A.** Formation of Universal Competencies of the Future Bachelors of Physical Culture in the System of Specialized Disciplines with the Use of Digital Technologies 200

Education and Arts

- Katkhanova Yu.F., Yu Xi, Korygin A.I.** Artificial Intelligence in Educational Space. 215
- Saltykova G.M., Vasilyeva D.A.** Digital Technologies in Design Education and Project Activities 224
- Guseva V.V.** The Role of the Sculpture Discipline in the Training of Future Toy Designers (Philosophical Aspect) 231

249

FUNDAMENTAL SCIENCE TO HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

History

In the Field of Intellectual History

- Shemyakin Ya.G. M.M. Bakhtin`s Concept of Dialogue in the Context of the Process of Changing General Scientific Paradigms 251**
- Nazarov S.O.** The Problem of Historical Synthesis in the Works of Positivists and I.G. Droizen 261
- Kirpichnikov I.A.** Regionalism in the History of Muscovite Russia: Problems of Conceptualization 272

Political History and World Politics

- Belova T.A., Britskaya A.L., Kozlova A.A., Lobova T.G., Sivirina O.A.** Traditions of the Russian Autocracy 286

Shemyakina O.D. Conflict and Integration Strategies in the “Connected History” of Eurasia: The Problem of Correlation 296

From the History of Economics and Social Policy

Blinova E.V. The “African” London: Topographic Chronicles (XVI – Early XX Centuries) 307

Ryshkus V.V. Land and Power: Economic Aspect 318

Gapsalamov A.R. Organizational Changes in the Industry of the Tatar ASSR within the Forced Industrialization Conditions. 330

History of Science and Education

Shpak G.V. Board Games in England of the Georgian Era as a Tool of Education, Upbringing and Distribution of Scientific Knowledge 337

Zernov D.V., Igaeva K.V. Historical Memory and Patriotic Education in Russian Schools: Interviewing Young Teachers 353

Linguistics

Discourse Studies

Popova A.V. Main Features of the 2020 United States Presidential Election: Linguocultural Aspect 361

Sokolova M.A. Modern Forms of Discrimination in the American Political Mediadiscourse 373

Seiranyan M.Yu. Hedging as a Marker of National-Cultural Specifics of Communication 380

Sergeeva Yu.M., Ivasik D.A. Deconstruction of the Binary Gender Model in Modern Language (Based on English Advertising Texts) 387

Lexicology, Phraseology, Comparative Studies

Ananina T.S., Timofeeva A.A. Psycholinguistic and Semantic Characteristics of Russian and European Lexical and Phraseological Units Emerged During the COVID-19 Pandemic (Comparative Aspect) 396

Krivenkova O.A., Evenko E.V., Morozova O.N. Portmanteau as a Productive Way of Forming “Coroneologisms” 413

Mamedov A.N. Structural and Semantic Types of Terms in Socio-Political Texts and Ways of Their Translation from German into Russian 422

Stylistics

Al Abdali Yusra Akram. Metaphor and Genre of Family Chronicle (On the Example of L. Ulickaya’s “Medea and Her Children”) 429

Obituary

In memory of M.Ya. Blokh 441

КОНЦЕПЦИЯ ДИАЛОГА М.М. БАХТИНА В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА СМЕНЫ ОБЩЕНАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

Я.Г. Шемякин

Аннотация. Автор статьи обосновывает мысль о необходимости актуализации творческого наследия М.М. Бахтина, прежде всего, его концепции диалога; показывает, что основные положения этой концепции полностью соответствуют принципам новой, «пригожинской» общенаучной парадигмы, что обуславливает ключевую роль бахтинской «диалогии» как одного из главных факторов, необходимых для развертывания процесса смены парадигм в отечественных гуманитарных науках. Апеллируя как к собственному преподавательскому опыту, так и к опыту коллег, автор отстаивает идею, согласно которой утверждение бахтинского понимания характера диалогического общения (и, соответственно, принципов новой общенаучной парадигмы) в отношениях между преподавателем и обучающимися является необходимой предпосылкой и условием успешного решения задач преподавания в гуманитарной сфере.

Ключевые слова: научная парадигма, принцип дополнительности, диалог, монолог, монололизация диалога.

Для цитирования: Шемякин Я.Г. Концепция диалога М.М. Бахтина в контексте процесса смены общенаучных парадигм // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 251–260. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-251-260

M.M. BAKHTIN'S CONCEPT OF DIALOGUE IN THE CONTEXT OF THE PROCESS OF CHANGING GENERAL SCIENTIFIC PARADIGMS

251

Ya.G. Shemyakin

Abstract. The author of the article substantiates the idea of actualizing M.M. Bakhtin's creative heritage, and primarily his concept of dialogue. He shows that the basic provisions of this concept fully correspond to the principles of the new, "Prigozhin type" general scientific paradigm, which determines the key role of Bakhtin's "dialogics" as one of the main factors necessary for the development of the paradigm shift in the Russian humanities. Appealing to both his own teaching experience and the experience of his colleagues, the author supports the idea according to which the statement of Bakhtin's understanding of the nature of dialogical communication (and, consequently, the principles of the new general scientific paradigm) in the relationship between teachers and students is a necessary precondition and condition of the successful solution of the problems of teaching in the field of the humanities.

© Шемякин Я.Г., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *scientific paradigm, complementarity principle, dialogue, monologue, dialogue monologization.*

Cite as: Shemyakin Ya.G. M.M. Bakhtin's Concept of Dialogue in the Context of the Process of Changing General Scientific Paradigms. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 3, part 2, pp. 251–260. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-251-260

Термин «научная парадигма» обозначает, как известно, общепринятый на том или ином этапе развития науки способ построения научной теории, точнее, совокупность общих для всех сфер научного знания принципов создания систем логического объяснения мироздания во всем многообразии конкретных форм его существования и эволюции. Понимаемая таким образом научная парадигма составляет основу одного из двух главных полюсов духовного мира человека, двух главных способов духовно-практического освоения им мира — полюса рации, который находится в крайне противоречивой, но неразрывной взаимосвязи с другим полюсом, полюсом веры. В высшей степени напряженное взаимодействие между ними является источником развития человеческого духа [1, с. 30; 2; 3; 4, с. 24–28; 5]. Причем характер лежащей в основе полюса рации научной парадигмы во многом определяет и специфику его соотношения с полюсом веры, возможность (или невозможность) диалога между ними. Начиная по меньшей мере с эпохи Просвещения, сложившаяся на том или ином этапе научная парадигма определяет не только основные исследовательские стратегии в самых различных областях, но и базовые принципы системы образования.

Ситуация в мировой науке, начиная со 2-ой половины XX в., определяется процессом смены общенаучных парадигм. Старая парадигма базировалась на сформулированных в ходе «научной революции» XVII в. постулатах классического

естествознания. Эта условно «ньютоновская» наука, согласно И. Пригожину, И. Стенгере и О. Тоффлеру [6], утверждала принцип однозначной запрограммированности развития изначально заданными условиями, механистическую картину мира, из которой исключался фактор случайности и, соответственно, отрицала альтернативность и многовариантность истории человечества.

Ключевую роль в становлении новой парадигмы сыграла Брюссельская школа во главе с И. Пригожиным. Данная парадигма утверждает качественно иное соотношение между необходимостью и случайностью, признание чрезвычайно важной роли последней, отрицание (для значимого большинства случаев) принципа однозначной запрограммированности результатов развития того или иного процесса изначально заданными условиями, включение в научную картину мира (прежде всего в рамках концепции «точки бифуркации») в качестве необходимой составляющей представлений об альтернативности и многовариантности развития подавляющего большинства систем нашей вселенной, в том числе и социальных [там же, с. 14–16, 28–29, 226–227, 269 и др.].

В основу «пригожинской» парадигмы был положен принцип дополнительности, который впервые был сформулирован, как известно, Н. Бором применительно к квантовой механике. Однако впоследствии Н. Бор пришел к выводу о том, что данный принцип является общенаучным [7]. Опыт прошедших после

появления работ Н. Бора десятилетий свидетельствует о том, что принцип дополнительности имеет ключевое эвристическое значение, в том числе и для объяснения процессов, развертывающихся в самых различных областях жизни человеческих обществ. Для социокультурной сферы значимость данного общенаучного принципа определяется самим его содержанием, в соответствии с которым ни один научный подход, ни одна теория не могут претендовать на описание объекта исследования столь исчерпывающее, чтобы исключить возможность альтернативных подходов. Поэтому принцип дополнительности коренным образом противоречит старой парадигме, главным проявлением которой стал редукционизм — метод построения научной теории, который предполагал сведение всего многообразия детерминаций, воздействующих на «мир людей», к какой-либо одной, якобы определяющей поведение того или иного объекта или класса объектов. В том, что касается отечественных социальных и гуманитарных наук, главной проблемой в процессе становления новой парадигмы первоначально стало преодоление господствовавшего в советскую эпоху формационно-классового редукционизма (который представляет собой абсолютизацию принципов формационно-стадиального подхода как особого научного направления) [8, с. 22–23, 26–27], сторонники которого стремились свести все многообразие истории различных культур и цивилизаций к формационным характеристикам. Однако почти повсеместный отказ от этого вида редукционизма отнюдь не привел к исчезновению редукционистского типа построения научной теории. Появились и получили достаточно широкое распространение иные виды редукционизма, главными из которых стали природный (рассматривающий общество

исключительно как часть природы, подчиняющуюся ее общим закономерностям), духовный (сторонники которого видели лишь духовные факторы развития социума, игнорируя роль иных — экономических, социальных, природных, политических и др.), как правило, соединяющий их цивилизационный (приверженцы которого стремились свести все многообразие истории к цивилизационным характеристикам) [там же, с. 31–33; 9, с. 189–194]. Задача преодоления редукционистского способа мышления продолжает оставаться в высшей степени актуальной. Без ее решения невозможно становление принципов «пригожинской» парадигмы в социокультурной сфере.

В сложившейся ситуации особое значение приобретает, на наш взгляд, актуализация творческого наследия М.М. Бахтина, прежде всего, его теории диалога.

По нашему мнению, бахтинская «диалогика» полностью соответствует принципам новой парадигмы. Это обусловлено самим пониманием феномена диалога М.М. Бахтиным. Диалогическое общение рассматривается им как аналог жизненного процесса в «мире людей»: «Жизнь по природе своей диалогична. Жить — значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, отвечать, соглашаться и т. п. В этом диалоге человек участвует весь и всюю жизнью: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками» [10, с. 337]. Само бытие *homo sapiens* выступает в изложении М.М. Бахтина как диалог: «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается — все кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончиться» [11, с. 426]. Главное, что определяет специфику подхода М.М. Бахтина, — его трактовка характера взаимосвязи участников диалога. Диалогическая активность — это «активность в

отношении чужого живого и полноправного сознания. Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т. п.» [10, с. 328]. «Я осознаю себя и становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого. Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к ты). Отрыв, отъединение, замыкание в себя как основная причина потери себя самого. Не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, на пороге. И все внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизировано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече вся его сущность. Это высшая степень социальности (не внешней, не вещной, а внутренней). ...Быть — значит быть для другого и через него — для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого... Я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собой без другого; я должен найти себя в другом, найдя другого в себе (во взаимоотражении, во взаимовосприятии)» [там же, с. 329–330].

Понимание человеческой жизни на всех уровнях как диалога уже само по себе предполагает, что и познание в «мире людей» — это диалогический процесс, это всегда столкновение разных индивидуальностей, каждая из которых неповторима, сохраняет свою идентичность. Подлинный диалог, по М.М. Бахтину, это всегда напряженный спор равноправных сознаний, в котором каждый из участников отстаивает свою позицию: «Активное согласие — несогласие (если оно не предрешено догматически), стимулирует и

углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостным, не допускает взаимного растворения и смешения» [там же, с. 366].

Принципиально важно, что на самом глубинном уровне диалогической ткани человеческого бытия «общение... я с другим и с другими происходит на почве последних вопросов, минуя все промежуточные, ближайшие формы» [там же, с. 198]. Впрочем, и на других уровнях реальности диалога «ближайшие, обыденные житейские звенья, не пропускаются, а осмысливаются в свете последних вопросов как этапы или символы последнего решения» [там же, с. 329].

Свойственное М.М. Бахтину решение проблемы «Другого» как активного равноправного участника диалога, как неотъемлемой органической части собственного жизненного пространства необходимым образом предполагает «другой» взгляд на предмет спора и равноправного участника диалога на альтернативную точку зрения. Такой подход полностью соответствует принципу дополнительности. Впрочем, М.М. Бахтин и сам прекрасно сознавал, что принцип этот положен в основу его собственной концепции, правда, в соответствующей, «диалогической» интерпретации: «Принцип дополнительности я также воспринимаю диалогически» [там же, с. 393].

Критерием, в соответствии с которым различаются естественные и гуманитарные науки, является, по М.М. Бахтину, ориентация на принципиально различные познавательные пределы: «Познание вещи и познание личности. Их необходимо охарактеризовать как пределы: чистая мертвая вещь, имеющая только внешность, существующая только для другого и могущая быть раскрытой вся сплошь и до конца односторонним актом этого другого (познающего). Такая вещь, лишенная

собственного неотчуждаемого и непотребляемого нутра, может быть только предметом практической заинтересованности. Второй предел — ...диалог, вопрошание, молитва. Здесь необходимо свободное самооткровение личности. Здесь есть внутреннее ядро, которое нельзя поглотить, потребить, где сохраняется всегда дистанция, в отношении которого возможно только чистое бескорыстие; открываясь для другого, оно всегда остается и для себя» [там же, с. 429]. В этом отрывке открывается еще одна важная грань «диалогичности» М.М. Бахтина: ориентация на диалог веры и разума, на достижение баланса между ними как важнейшего принципа формирования диалогической ткани человеческого бытия.

«Точные науки — это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только *безгласная вещь*. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только *диалогическим*» [там же, с. 383].

Следует отметить, что М.М. Бахтин вполне в духе «пригожинской» парадигмы подчеркивает, что нельзя абсолютизировать противопоставление естественнонаучного («точного») и гуманитарного знания: «Отличие гуманитарных наук от естественных. Отказ от непреодолимой границы. Противопоставление (Дильтей, Риккерт) ...было опровергнуто дальнейшим развитием гуманитарных наук. Внедрение математических и иных методов — процесс необратимый, но одновременно развиваются и должны развиваться

специфические методы... (например, аксиологический подход). Строгое различие понимания и научного изучения» [там же, с. 369]. М.М. Бахтин обнаруживает прямые параллели между методами исследования микромира в физике и спецификой изучения «личностного предела» (то есть участников диалога) в гуманитарных науках: «Экспериментатор составляет часть экспериментальной системы (в микрофизике). Можно сказать, что и понимающий составляет часть понимаемого высказывания, текста (точнее, высказываний, их диалога, входит в него как новый участник). Диалогическая встреча двух сознаний в гуманитарных науках. Обрамление чужого высказывания диалогизирующим контекстом» [там же, с. 319].

Как подчеркивает русский мыслитель, сопоставляя разные виды научного знания, «нельзя забывать, что вещь и личность — *пределы*, а не абсолютные субстанции» [там же, с. 387]. При этом принципиально важно, как трактуется сам личностный предел: «Предел здесь не я, а я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и *другой*, я и *ты*» [там же, с. 391]. «Я» и «другой», участники диалога — это «разные смысловые миры», каждый из них представляет собой особый «хронотоп», особое личностное воплощение пространственно-временного континуума культуры. Смысл, согласно самому краткому и самому содержательному определению М.М. Бахтина, — это «ответ на вопрос». «То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [там же, с. 369]. И каждый из участников диалога дает свой ответ на тот или иной вопрос.

«Предмет гуманитарных наук — *выразительное* и *говорящее* бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и

значении» [там же, с. 430]. Поэтому воплощенный в этом бытии смысл «потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом... Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности... Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть «смысла в себе» — он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним. Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна в своем целом может быть реальной. В исторической жизни эта цепь растет бесконечно, и потому каждое отдельное звено снова и снова обновляется, как бы рождается заново» [там же, с. 370].

Несмотря на то, что в гуманитарном знании «критерий — не точность познания, а глубина проникновения», (проникновения в «Другого», в иного участника диалога) [4], в рамках этого знания есть свои представления о точности, суть которых предельно четко сформулировал М.М. Бахтин. Представления, обусловленные диалогическим характером гуманитарных наук: «В гуманитарных науках точность — преодоление чуждости чуждого без превращения его в чисто свое...» [там же, с. 392]. Обобщая специфику процесса познания в человеческом мире, М.М. Бахтин констатирует, что такое познание — «всегда диалог» между познающим и познаваемым, «то есть тоже общность, но особого — функционального — типа, предполагающая одновременно и неслиянность (невозможность субстанционального отождествления), и нераздельность (невозможность исключения

какого-либо участника диалога без того, чтобы умертвить сам диалог личностей)» [12, с. 392]. М.М. Бахтин в данном случае прямо применяет категории особой, «тринитарной» логики великих каппадокийцев IV в. н. э. (Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Назианзин), сформулировавших принципы соотношения трех Лиц Пресвятой Троицы: единосущность, равночестность, неслиянность, нераздельность. Г.С. Померанц предложил применить эти принципы к отношениям между культурами. К аналогичной идее пришли и представители творческого направления современной отечественной православной мысли (С.А. Чурсанов и др.) [13, с. 316–337; 14, с. 553–563; 15, с. 105–114]. Этот тип логики полностью соответствует принципам новой парадигмы, позволяет преодолеть формальную рациональность западного происхождения и характера, воплощающую «дух капитализма» и основывающуюся на формальной логике Аристотеля, прежде всего, на законе «исключенного третьего» с соответствующим запретом на противоречие согласно закону тождества [16, с. 60–63].

Охарактеризованные принципы «диалогики» М.М. Бахтина распространяются им как на межличностные отношения, так и на отношения между различными культурами и цивилизациями [10, с. 353–354].

Следует еще раз подчеркнуть, что в зоне контакта смысловых полей участников диалога неизменно наблюдается (если это подлинный диалог) высокий уровень духовного напряжения. Но трудности в осуществлении принципов диалога связаны не только с этим. Сама тенденция к диалогу пробивает себе путь вопреки контртенденции, разрушающей диалогические формы общения и воплощенной в монологе. «Монолог в пределе отрицает

наличие вне себя другого равноправного и ответно-равноправного сознания, другого равноправного я (ты). При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) *другой* всецело остается только объектом сознания, а не другим сознанием. От него не ждут такого ответа, который мог бы все изменить в мире моего сознания. Монолог завершен и глух к чужому ответу, не ждет его и не признает за ним решающей силы, монолог обходится без другого и потому в какой-то мере овеществляет всю действительность. Монолог претендует быть последним словом» [там же, с. 336]. «Монологизм в высшем смысле» есть «отрицание равноправности сознаний в отношении к истине (понятой отвлеченно и системно)» [там же, с. 327–328]. Сформулированные М.М. Бахтиным характеристики монологического подхода полностью приложимы к редукционизму как способу формирования научной теории во всех его разновидностях. С этой точки зрения последовательное утверждение М.М. Бахтиным диалогического характера гуманитарного знания есть последовательное отрицание любой редукционистской логики. Здесь необходимо уточнить, что монологизм как феномен сознания вторичен, поскольку межчеловеческое общение на всех уровнях имеет диалогическую основу. «Речь по своей природе диалогична», также как и язык. «Существенные различия» диалогической и монологической речи существуют «в пределах (и на основе) общей диалогичности языка» [12, с. 209, 212–213]. Из всего хода мысли М.М. Бахтина следует, что монолог и диалог — альтернативные по своей сути пути развертывания межчеловеческого общения (как на межличностном уровне, так и на уровне взаимодействия различных культур и цивилизаций). При господстве монолога как отдельные

человеческие сознания, так и отдельные культуры замыкаются в себе, связь между ними нарушается или вообще рвется. «Следовательно, в рамках монолога диалогическая основа человеческой, в том числе цивилизационной реальности, превращается в собственную противоположность. Именно монолог лежит в основе одного из трех основных типов межцивилизационного (межкультурного) взаимодействия — противостояния культур» [16, с. 59–60].

Как нетрудно заметить, тенденция к монологизации межчеловеческого, в особенности межцивилизационного общения, получила в первые десятилетия XXI в. гипертрофированное развитие. И, к сожалению, главный вывод, сделанный автором этих строк на основании результатов масштабного сравнительного цивилизационного исследования еще в 2010 г. [там же, с. 60–65], полностью подтвердился в самое последнее время: главной силой монологизации в мире был и остается Запад. Его цивилизационный монолог, похоже, практически доминирует в духовном космосе «фаустовской» цивилизации, почти полностью подавив в настоящее время иные тенденции, бесспорно, присутствующие в этом космосе. Тем более значима в современной ситуации актуализация принципов бахтинской «диалогичности», причем не только в научном дискурсе, но и в сфере высшего гуманитарного образования.

Если диалогическое общение — это основа, на которой создается человеком его собственный мир, это относится ко всем сферам социальности. До сих пор мы акцентировали диалогический характер гуманитарного знания. В этой связи неизбежно встает вопрос: каким образом принцип диалога проявляет себя (или, точнее, может проявиться) в практике преподавания гуманитарных дисциплин?

Главная задача здесь — преодоление опасности монологизации диалога, превращения его в собственную противоположность. И сделать это особенно сложно именно в сфере образования, учитывая, что в данном случае стороны диалогического (в глубинной своей сути) общения изначально находятся в неравном положении. Искушение свести все к монологу преподавателя всегда очень велико, и тогда о подлинном усвоении учебного материала говорить не приходится. Конечно, в том случае, если такое усвоение предполагает в качестве главной задачу научить мыслить тех, кто включен в процесс обучения, т. е. превратить *обучающегося* в *познающего*, а следовательно, в равноправного участника диалога. Такое возможно лишь при условии, что удастся создать ситуацию, при которой, говоря словами М.М. Бахтина, «активное согласие — несогласие... стимулирует и углубляет понимание, делает чужое слово более упругим и самостным, не допускает взаимного растворения и смешения» [10, с. 366]. Формирование подобной ситуации требует создания атмосферы доверия.

Достичь этой цели возможно лишь в том случае, если обучающиеся почувствуют, что преподаватель, во-первых, всю душу вкладывает в свое дело; во-вторых, позволяет, более того, поощряет студентов (или учащихся) высказывать собственное мнение по тому или иному вопросу. Очень важно в этом случае преодолеть страх ошибиться, довести до сознания слушателей мысль о том, что человек в процессе познания имеет право на ошибку, что такого рода ошибки неизбежны. Вопрос лишь в умении их преодолевать и идти дальше. При этом необходимо одновременно сохранять дистанцию между преподавателем и обучающимися и обеспечить возможность ее преодоления в ходе общения.

Разумеется, все эти рассуждения — не более чем попытка сформулировать самые общие принципы подхода к преподаванию в духе бахтинской диалогии. В них автор этих строк попытался обобщить опыт (как свой собственный, так и коллег) преподавания главным образом в ВУЗах (МГУ, МФТИ, РУДН), а также (в меньшей мере) в старших классах школы (Химический лицей 1303).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Радбиль, Т.Б.* Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. С. 23–36.
2. *Шемякин, Я.Г.* В поисках смысла: из истории философии и религии. М.: Рипол-классик, 2003. 430 с.
3. *Шемякин, Я.Г.* Вера и рацию в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка. 2007. № 3. С. 78–92.
4. *Шемякин, Я.Г.* Еще раз к вопросу о специфике гуманитарного знания в свете проблематики сравнительных цивилизационных исследований // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Вып. 8 (106). Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840016465-0-1/> (дата обращения: 06.07.2022).
5. *Шемякин, Я.Г., Шемякина, О.Д.* Соотношение веры и рацию в цивилизационном «пограничье»: российские параллели латиноамериканского опыта // Латинская Америка. 2007. № 11. С. 58–77.
6. *Пригожин, И., Стенгерс, И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

7. Бор, Н. Квантовая физика и философия // Успехи физических наук. 1959. Вып. 1. Т. 67. С. 37–42.
8. Шемякин, Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. 391 с.
9. Шемякин, Я.Г. Цивилизационный подход как одна из форм реализации общенаучного принципа дополнительности в исторических исследованиях // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого): материалы Всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во Томского университета, 2019. С. 189–194.
10. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 2013. 444 с.
11. Бахтин, М.М. Избранное. Т. 2. Поэтика Достоевского / сост. Н.К. Бонеецкая. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 512 с.
12. Бахтин, М.М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 732 с.
13. Померанц Г.С. Троица Рублева и тринитарное мышление // Выход из транса: сборник статей. М.: Юрист, 1995. С. 316–337.
14. Померанц, Г.С. Выбор XXI века // Выход из транса: сборник статей. М.: Юрист, 1995. С. 552–563.
15. Чурсанов С.А. Троичный принцип единства в различии в богословии великих каппадокийцев и православной антропологии XX–XXI веков // Духовное наследие Византии и Афона в истории и культуре России: материалы конференций (2007–2015). М.: Древлехранилище, 2015. С. 105–114.
16. Шемякин, Я.Г. Программа «Альянса цивилизаций» в свете проблемы межкультурного диалога в полицентричном мире // Альянс цивилизаций (трудный диалог в условиях глобализации). М.: ИЛА РАН, 2010. С. 43–65.

REFERENCES

1. Radbil, T.B. Vera kak osnova mirovospriyatiya i miroponimaniya v russkoi yazykovoi kartine mira [Faith as the Basis of World Perception and World Understanding in the Russian Language Picture of the World]. In: *Lingvokulturologicheskie issledovaniya. Logicheskij analiz yazyka. Ponyatie very v raznyh yazykah i kulturah* [Linguistic and Cultural Studies. Logical Analysis of Language. The Concept of Faith in Different Languages and Cultures]. Moscow, Gnozis, 2019, pp. 23–36. (in Russ.)
2. Shemyakin, Ya.G. *V poiskakh smysla: iz istorii filosofii i religii* [In Search of Meaning: From the History of Philosophy and Religion]. Moscow, Ripol-klassik, 2003, 430 p. (in Russ.)
3. Shemyakin, Ya.G. Vera i racio v duhovnom kosmose latinoamerikanskoj civilizacii [Faith and Rationality in the Spiritual Cosmos of Latin American Civilization], *Latinskaya Amerika = Latin America*, 2007, No. 3, pp. 78–92. (in Russ.)
4. Shemyakin, Ya.G. Eshche raz k voprosu o specifike gumanitarnogo znaniya v svete problematiki sravnitelnykh civilizacionnykh issledovaniy [Once Again to the Question of the Specifics of Humanitarian Knowledge in the Light of the Problems of Comparative Civilizational Studies], *Elektronnyj nauchno-obrazovatelnyj zhurnal "Istoriya"* = Electronic Scientific and Educational Magazine «History», 2021, iss. 8 (106), vol. 12. Available at: <https://history.jes.ru/s207987840016465-0-1/> (accessed: 06.07.2022). (in Russ.)
5. Shemyakin, Ya.G., Shemyakina, O.D. Sootnoshenie very i racio v civilizacionnom "pograniche": rossijskie paralleli latinoamerikanskogo opyta [The Ratio of Faith and Rationality in the Civilizational "Frontier": Russian Parallels of the Latin American Experience], *Latinskaya Amerika = Latin America*, 2007, No. 11, pp. 58–77. (in Russ.)

6. Prigozhin, I., Stengers, I. *Poryadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj* [Order from Chaos. The New Dialogue of Man with Nature]. Moscow, Progress, 1986, 432 p. (in Russ.)
7. Bor, N. Kvantovaya fizika i filosofiya [Quantum Physics and Philosophy], *Uspekhi fizicheskikh nauk* = Successes of Physical Sciences, 1959, iss. 1, vol. 67, pp. 37–42. (in Russ.)
8. Shemyakin, Ya.G. *Evropa i Latinskaya Amerika: vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирной istorii* [Europe and Latin America: Interaction of Civilizations in the Context of World History]. Moscow, Nauka, 2001, 391 p. (in Russ.)
9. Shemyakin, Ya.G. Civilizacionnyj podhod kak odna iz form realizacii obshchenauchnogo principa dopolnitelnosti v istoricheskikh issledovaniyah [Civilizational Approach as One of the Forms of Implementation of the General Scientific Principle of Complementarity in Historical Research]. In: *Tvorcheskaya laboratoriya istorika: gorizonty vozmozhnogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya B.G. Mogilnickogo* [Creative Laboratory of the Historian: Horizons of the Possible (To the 90th Anniversary of the Birth of B.G. Mogilnitsky): Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Tomsk, Izdatelstvo Tomskogo universiteta, 2019, pp. 189–194. (in Russ.)
10. Bakhtin, M.M. *Eстетика словесного творчества* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu, 2013, 444 p. (in Russ.)
11. Bakhtin, M.M. *Izbrannoe. T. 2. Poetika Dostoevskogo* [Favorites, vol. 2. Dostoevsky's Poetics], comp. N.K. Bonetskaya. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 2020, 512 p. (in Russ.)
12. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii. T. 5. Raboty 1940-kh — nachala 1960-kh godov* [Collected Works, vol.5. Works of the 1940s – Early 1960s]. Moscow, Russkie slovari, 1997, 732 p. (in Russ.)
13. Pomerants, G.S. Troitsa Rubleva i trinitarnoe myshlenie [Rublev's Trinity and Trinitarian Thinking]. In: *Vykhod iz transa* [Coming Out of Trance: a Collection of Articles]. Moscow, Yurist, 1995, pp. 316–337. (in Russ.)
14. Pomerants, G.S. Vybory XXI veka [The Choice of the XXI Century]. In: *Vykhod iz transa* [Coming Out of a Trance: A Collection of Articles]. Moscow, Yurist, 1995, pp. 552–563. (in Russ.)
15. Chursanov, S.A. Troichnyj princip edinstva v razlichii v bogoslovii velikih kappadokijscev i pravoslavnoj antropologii XX–XXI vekov [The Trinity Principle of Unity in the Difference in the Theology of the Great Cappadocians and Orthodox Anthropology of the XX–XXI Centuries]. In: *Duhovnoe nasledie Vizantii i Afona v istorii i kulture Rossii* [The Spiritual Heritage of Byzantium and Mount Athos in the History and Culture of Russia: Conference Proceedings (2007–2015)]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2015, pp. 105–114. (in Russ.)
16. Shemyakin, Ya.G. Programma “Alyansa civilizacij” v svete problemy mezhkulturnogo dialoga v policentrichnom mire [The Program of the “Alliance of Civilizations” in the Light of the Problem of Intercultural Dialogue in a Polycentric World]. In: “*Alyans civilizacij*” (*trudnyj dialog v usloviyah globalizacii*) [“Alliance of Civilizations” (Difficult Dialogue in the Context of Globalization)]. Moscow, Institut Latinskoj Ameriki Rossijskoj akademii nauk, 2010, pp. 43–65. (in Russ.)

Шемякин Яков Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт Латинской Америки РАН, shemyakin3@gmail.com

Yakov G. Shemyakin, ScD in History, Chief Researcher, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences, shemyakin3@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.08.2022. Принята к публикации 13.08.2022

The paper was submitted 02.08.2022. Accepted for publication 13.08.2022

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА
В РАБОТАХ ПОЗИТИВИСТОВ И И.Г. ДРОЙЗЕНА

С.О. Назаров

Аннотация. Проблема исторического синтеза впервые становится предметом дискуссий во второй половине XIX в. одновременно с формированием истории как академической дисциплины и обретением ею «классических» черт. В этот период, находясь в поисках ориентиров между естествознанием и философией, историки пытались определить свое место в системе наук как естественного, так и гуманитарного цикла. Одним из выражений такого поиска стала проблема синтезирующих возможностей исторической науки, породившая целый ряд воззрений на этот счет. В данной статье будет рассмотрен позитивистский идеал исторического синтеза и оригинальный подход к его осуществлению в работах И.Г. Дройзена.

Ключевые слова: исторический синтез, теоретический синтез, позитивизм, О. Конт, Г.Т. Бокль, И. Тэн, И.Г. Дройзен.

Для цитирования: Назаров С.О. Проблема исторического синтеза в работах позитивистов и И.Г. Дройзена // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 261–271. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-261-271

THE PROBLEM OF HISTORICAL SYNTHESIS
IN THE WORKS OF POSITIVISTS AND I.G. DROIZEN

S.O. Nazarov

261

Abstract. The problem of historical synthesis first became a subject of discussions in the second half of the 19th century at the same time as the formation of history as an academic discipline and its acquiring of “classical” features. During that period, historians tried to establish their place in the system of both the natural sciences and the humanities in their search for a reference point between natural science and philosophy. One manifestation of such a search was the problem of the synthesizing possibilities of historical science, which gave rise to a number of views on this subject. The article considers the positivist ideal of historical synthesis and the original approach to its implementation in I. G. Droysen’s works.

Keywords: historical synthesis, theoretical synthesis, positivism, A. Comte, G.T. Buckle I. Taine, I.G. Droysen.

Cite as: Nazarov S.O. The Problem of Historical Synthesis in the Works of Positivists and I.G. Droizen. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 261–271. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-261-271

© Назаров С.О., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

«Прошлое, подумал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой».

А.П. Чехов «Студент»

Понятие «синтез» впервые появляется в словарях в конце XVII в. Данное слово имеет греческое происхождение и означает соединение, сочетание, составление [1, с. 625]. Соответственно исторический синтез — это наиболее полное и всестороннее представление исторической действительности во всей ее сложности, многоаспектности, взаимозависимости. Очевидно, его достижение требует не только определенных мировоззренческих установок, но и способов верификации получаемого знания путем опоры на соответствующие исследовательские установки, в том числе теоретико-методологического характера. Поэтому каждый этап исторического познания формирует свои представления о синтезе, требования к нему и одновременно открывает новые возможности для его достижения в историографической практике.

Интерес к проблеме исторического синтеза впервые отчетливо проявился в исторической науке в конце XIX — начале XX века и был связан с т. н. методологическим кризисом, обозначившим переход от классической рациональности к неклассической. Тогда дискуссии главным образом велись вокруг вопроса о научном (и аналитическом) статусе истории. Их тон, как известно, был задан философами В. Дильтеем, В. Виндельбантом и Г. Риккертотом, полагавшими, что история изучает индивидуальное и, следовательно, является не номотетической наукой, использующей метод генерализации (обобщения), а наукой идиографической (описательной).

С тех пор проблема синтетических возможностей как способа достижения

единства исторического знания не теряет своей актуальности. Это выражается и в очередном витке дискуссий по этой проблеме в конце XX в., и в сегодняшнем повышенном интересе к междисциплинарному и трансдисциплинарному синтезам, и, наконец, в появлении новых концепций, направленных на их достижение. Как точно отметил А.Я. Гуревич, «основной и решающей в историческом знании остается именно проблема синтеза» [2, с. 33].

Однако на сегодняшний день в историографии недостаточно освящен вопрос складывания классического представления о синтезе в период формирования истории как академической дисциплины. При этом очевидно, что без анализа этого «научного слоя» невозможно целостное понимание становления проблемы формирования и развития исторического синтеза на протяжении двух столетий. В данной статье мы попытаемся рассмотреть два противоположных взгляда на способы осуществления теоретического синтеза, сформулированные в русле классической рациональности. Объектами для анализа стали работы О. Конта, Г.Т. Бокля, И. Тэна и И.Г. Дройзена. Во многом концепции именно этих ученых станут отправными точками дальнейших дискуссий между сторонниками и противниками синтеза.

Классическая модель исторического синтеза наиболее полно была выражена в таком интеллектуальном течении, как позитивизм. Его основоположник — французский философ Огюст Конт — ставя перед собой задачу создания единой науки о человечестве, полагал, что истинное знание может быть получено только через

наблюдение [3, с. 6] как главный метод классической рациональности [4], используемый в естественных науках. При этом философ задумывается и о проблеме синтеза наблюдаемого. Подчеркивая важность теоретической основы этого метода, он пишет: «...если, с одной стороны, всякая положительная теория должна непременно опираться на наблюдения, то, с другой стороны, для того, чтобы приступить к наблюдениям, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории...» [3, с. 6]. На эту роль О. Конт возводит разработанную им «позитивную философию», в которой явления общественной жизни считаются «подчиненными» действиям законов наподобие явлений в природе [5, с. 6], и, следовательно, утверждается универсальность естественнонаучного метода.

Исходя из этого, своей целью позитивизм ставит переход от первого этапа исследования (сбор фактов) ко второму (систематизация фактов и выведение законов), как отмечает О. Конт: «...чистая эрудиция, где реальные, но не связанные знания заключаются в фактах, а не в законах, не могла бы, очевидно, удовлетворительно руководить нашей деятельностью» [6, с. 26]. Правда, он подчеркивает, что выведение общественных законов невозможно без рассмотрения явлений в их историческом развитии, поэтому в его философии центральное место занимает также и исторический метод, или, как он его определяет, «метод исторического сравнения различных последовательных состояний человечества» [7, с. 14]. С его помощью О. Конт открывает «закон интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий». Согласно этому закону движущая сила развития человечества — идеи — проходят следующие стадии: 1) теологическая или фиктивная; 2) метафизическая или абстрактная; 3) положительная или реальная (научная) [3,

с. 4; 6, с. 10]. В положительной стадии появляется «здоровая философия» О. Конта, которая отказывается от предрассудков теологической и метафизической стадий, а именно от попыток искать первопричины явлений, обращая внимание лишь на поиск связей между ними [там же, с. 8; там же, с. 28].

Однако, применяя сравнение исторических эпох, О. Конт относит историю к описательным наукам и отказывает ей в возможности проводить синтетические операции с фактами. В его иерархии наук нет места истории, но располагаются следующие дисциплины: математика, астрономия, физика, химия, биология и, наконец, социальная физика, которую в 1839 г. (47-я лекция «Курса положительной философии») О. Конт переименует в социологию [6, с. 72].

Именно социология становится «единой наукой о человечестве» [там же, с. 71], соединяющей в себе как естественные, так и общественные науки. Если до этого науки начинали с анализа единичных фактов, а потом путем синтеза составляли целое, то в «социологии же, наоборот, — пишет О. Конт, — мы начинаем с синтеза, чтобы потом путем анализа получить элемент» [8, с. 121]. Таким образом, социология объявляется синтетичной в своей основе, как ее определяет философ, это «история, в которой нет имен индивидов и даже имен народов» [9, с. 317], т. е. объектом исследования становится прошлое человечества как целого [10, с. 90].

Идеи О. Конта имели большое влияние на общественные науки второй половины XIX в., поскольку являлись отражением устоявшегося в научном сообществе представления о естествознании как «эталоне» объективности [11, с. 96]. Однако позитивизм не был однородной философской доктриной. Признавая значимость

теоретической основы наблюдений, О. Конт не довел эту мысль до конца, оставив после себя множество противоречивых суждений. Уже такие его последователи, как Д.С. Милль и Г. Спенсер, не только развили идеи основоположника социологии, но и имели принципиальные расхождения с ним [8, с. 77–90; 12, с. 73–110], пытаясь каждый по-своему заполнить оставленные пробелы в теоретическом основании синтеза. В исторической науке второй половины XIX в. идеи О. Конта развили Генри Томас Бокль и Ипполит Тэн.

В своем труде «История цивилизации в Англии» Г.Т. Бокль обосновывает необходимость применения методологических принципов позитивистского исследования к истории для возведения ее в «ранг науки» [13]. Признавая значимость работ О. Конта, которого Г.Т. Бокль называет «живым писателем, сделавшим больше, чем кто-либо другой для поднятия уровня истории» [14, с. 3], он разделяет его идею о том, что переход от описания к обобщению является ключевым показателем научности, поскольку «усиливающее понимание правильности природы ниспровергает учение о случае и заменяет его учением о необходимой связи» [там же, с. 5]. И пока история задерживается на поиске и описании фактов, считает Г.Т. Бокль, она остается неполноценной наукой, находящейся в состоянии «младенчества». Но он не отказывает ей в возможности синтезировать факты. Острие его критики направленно на современную ему историческую науку потому, что историки до сих пор не применяли эту операцию в своих исследованиях, полагая, что их задача — «только рассказывать факты» [там же, с. 2], что привело к неестественному разрыву отдельных отраслей исторического знания и узкой специализации.

В отличие от О. Конта Г.Т. Бокль считает, что каждое действие в обществе

обусловлено какими-либо побуждениями, а побуждения, в свою очередь, зависят от конкретных причин. «Правильность явлений, действия людей зависят от причин, действия людей не бывают последовательными», — пишет Г.Т. Бокль [там же, с. 14–15]. Установить эти причины и построить на их основе законы исторического развития — новая задача историка. Таким образом, синтез фактов в исследовании должен проводиться путем нахождения причинно-следственных связей, что, как известно, является одной из вариаций процедуры объяснения. При этом Г.Т. Бокль приходит к выводу, что выполнение этой задачи возможно только путем изучения «однообразных действий» (т. е. повторяющихся, типических) всего человечества или масс [там же, с. 9]. Его «научная» история в отличие от истории «описательной» не следует «культу героев» [15, с. 51], но изучает «множество умов» [14, с. 61].

Помочь выполнить поставленную перед историей задачу, по мнению Г.Т. Бокля, может статистика [там же, с. 15], которая, с одной стороны, основываясь на индуктивном методе и математических данных, дает историку пример, как можно связать факты между собой, заимствуя метод из точных наук. А с другой — статистические данные позволяют выявить «единообразные причины», изучить историю масс. При этом Г.Т. Бокль считает, что статистика применима не только к изучению материальной стороны жизни, но может дать представление и о нравственных особенностях общества. Статистика как «вспомогательное средство» истории позволяет проводить синтез как на уровне объединения фактов, так и на уровне соединения двух областей знания — природы и социума.

Схожие идеи развил И. Тэн. Систематически пытаясь подчинить весь ход

своих исследований позитивистской философии [16, с. 239], он обрел в литературе имидж «пионера позитивизма» или «чистого позитивиста» [17, с. 195–196; 18, с. 33]. Однако было бы ошибочно сводить метод И. Тэна исключительно к позитивизму. Большое влияние на его мировоззрение оказала немецкая философия, поэтому его творческое наследие, скорее, следует рассматривать как «компромисс между гегельянством и позитивизмом» [19, с. 29].

И. Тэн убежден, что прошлое, исторические события, разные стороны жизни общества можно не только описать, но и «почти измерить», и поэтому «историку следует позволить действовать, как натуралисту» [20, с. 5–6], идти тем же путем, что и естественные науки. Эти «указанные пути» [21, с. 11] представляются И. Тэну следующим образом. Первый этап исследования заключается в сведении понятий к фактам, т. е. с помощью опыта (наблюдения) явления группируются в факты или общие понятия. При этом опыт у И. Тэна лишен какой-либо теоретической базы. Затем следует «распознавание оттенков» отдельных фактов или «рассмотрения факта вблизи», что позволяет путем анализа «размножить» факты на составные элементы [22, с. 10]. Это второй этап исследования, и ему отводится важная роль, поскольку именно с него начинается настоящая наука [18, с. 13–14]. К этому этапу должна перейти и история, как подчеркивает философ: «Всюду начинают понимать, что нет отдела истории, в котором не следовало бы разрабатывать этот тучный назем, если хотят увидеть богатые восходы на его бороздах» [21, с. 13].

Однако эти «размноженные факты» должны быть сведены в некий «каталог», таким образом, второй этап исследования завершается классификацией, т. е. на

основе какого-либо общего признака факты разделяются по отдельным группам [там же, с. 48–49]. И только после того, как все факты соединены в группы, исследователь переходит к третьему этапу — соединению групп фактов между собой и выведению законов [22, с. 10] или «формул», как называет их И. Тэн.

Группы фактов имеют общие черты, благодаря которым они соприкасаются друг с другом. Вслед за Г.Т. Боклем И. Тэн важное место отводит причинам как связующим звеньям между собранными и приумноженными фактами. По И. Тэну, причина есть «факт, из которого можно вывести природу, отношение и изменение других фактов» [18, с. 15], и таких причин он выделяет три: раса, среда, момент [21, с. 21–31]. Они связывают воедино все явления в цепи фактов, которые в свою очередь образуют формулы. Эти формулы связаны и зависимы между собой, т. е. тоже образуют цепи. Изменится одно звено — поменяется вся формула [там же, с. 47–59]. Таким образом, цель науки — найти причину причин, свести все факты к одной формуле, иначе — найти основной закон. «Наука истории изменится в настоящее время именно в этом смысле и в этом направлении; именно такая работа может обратить историю из простого рассказа в науку и позволит ей заняться установлением законов после изложения фактов... В этом отношении история человечества воспроизводит, как верная копия, философию естественной истории» [там же, с. 59], — полагает И. Тэн. Вместе с этим в его концепции существует еще и высший уровень, тот уровень, на котором возможно постичь главный закон. Подняться до этого уровня можно только с помощью метафизики [16, с. 245]. Поэтому в концепции И. Тэна на всех этапах исследования постижение фактов возможно не только с помощью

наблюдения, но и с помощью «отвлечения» [там же, с. 243–244]. Тем самым он невольно допускает спекулятивный элемент в процесс исторического исследования.

И. Тэн также видит необходимым переход от изучения личности к изучению целого человечества, поскольку общие признаки у всех индивидуумов вне зависимости от времени и пространства те же самые [21, с. 57; 22, с. 372]. И если Г.Т. Бокль в качестве вспомогательной науки для изучения масс предлагает историкам статистику, то И. Тэн на это место ставит психологию. Он пишет: «Так же, как астрономия есть в сущности механическая проблема, физиология — химическая проблема, так история в сущности не что иное, как психологическая проблема» [21, с. 39]. По И. Тэну, психология способна «заглядывать в душу» отдельной личности, постичь «скрытый мир», но она же может быть «всеобщей» наукой, превратив человеческое «я» в «вереницу событий» [18, с. 37–39].

Эти попытки историков-позитивистов добиться желаемого выведения исторических законов путем механического суммирования фактов и абстрактных обобщений не были встречены всеобщим одобрением. И одним из тех, кто попытался пересмотреть позитивистское представление о синтезе, подняв проблему методологического основания исторической науки, был И.Г. Дройзен [23].

Обращаясь напрямую к концепциям О. Конта и Г.Т. Бокля, немецкому историку очевидна ложность их убеждений в том, что историю необходимо возвести в «ранг науки», наделяя ее методами естествознания. И.Г. Дройзен задает вопрос позитивистам: «Разве есть только один путь, один метод познания? Разве не являются методы в зависимости от их предмета иными, как и органы чувств для

различных форм чувственного восприятия, как и органы для их по-разному работающих функций?» [24, с. 532]. Для И.Г. Дройзена «научность» истории заключается не в подведении ее под методы естественных наук или под какие-либо еще общие для всех наук методы, а в определении ее специфических черт, следовательно, в ее «независимой» методологической основе [25, с. 258]. Этот исторический метод И.Г. Дройзен попытался представить в курсе лекций «Энциклопедия и методология истории», который читал студентам Берлинского университета с 1857 по 1883 гг. и опубликовал краткие тезисы этого курса под названием «Очерк историки» (1858; 1862).

В отличие от устоявшегося в эпоху классического рационализма мнения, И.Г. Дройзен полагает, что историческая наука не познает прошлое объективно, следовательно, она не может ограничиваться использованием «чистого эмпиризма» [26, с. 106]. Ни наблюдать, ни «измерить» прошлое, как в этом был уверен И. Тэн, или воспроизвести, «как это действительно было» по призыву Л. фон Ранке, невозможно. Мы можем только расширить и углубить наши знания о прошлом, как пишет историк: «Не былые времена проясняются — их уже нет, а то, что непреходящего от них осталось в нашем Здесь и Теперь» [24, с. 461]. По мнению И.Г. Дройзена, исследователь, подвергая источники критическому анализу, только «подготавливает» материал для его дальнейшей интерпретации [там же, с. 474]. Эта подготовка заключается в установлении подлинности источника, распознавании более раннего и более позднего, определении верности и, наконец, завершается упорядочиванием верифицируемого материала [там же, с. 165]. Последний этап критики особо важен в концепции теоретического синтеза

И.Г. Дройзена, поскольку определяется им как «первый шаг», позволяющий выработать определенное мнение о прошлом. Необходимость упорядочивания, по И.Г. Дройзену, исходит из самого стиля исторического исследования, где весь ход исторических событий представлен как непрерывная линия [там же, с. 223].

Критическое упорядочение дает представление, насколько исследуемый материал полон за счет того, что устанавливает «точки» (верифицируемый материал) и «лакуны» между этими «точками», которые исследователь связывает между собой. Эта критическая процедура производится с помощью установления хронологической последовательности, а затем группировки материала по отдельным аспектам (монеты, донесения, воспоминания и т. д.), позволяющим создавать «перекрещивающиеся линии» [там же, с. 228]. Таким образом, критическое упорядочивание позволяет «расставить» материал по времени, пространству и отдельным видам источников [там же, с. 238]. Однако, как утверждает И.Г. Дройзен, критика не устанавливает «подлинный исторический факт», поскольку в источниках этих фактов уже нет, есть только отпечатки «волевых актов» [там же, с. 162–164]. Эти «волевые акты» представляют собой деятельность каждого отдельного индивида в истории.

«Волевой акт» подобен клетке или атому [там же, с. 293], это тот единичный фрагмент истории, который позволяет вычленил критика источника. Именно «волевые акты» определяют ход истории, ее содержание, а не законы, как считали историки-позитивисты [25, с. 265]. Однако «волевые акты» есть бесчисленные моменты одного процесса, и задача историка заключается в том, чтобы найти действующие в них «импульсы», объединяющие единичное с общим. «Только

простое перечисление друг за другом этих фактов, каковое дала нам критика, ничего нам не говорило, но, само собой разумеется, оно включало имплицитно прагматическую связь. Ее я ищу и нахожу путем интерпретации, конкретно воспринимаемая в качестве подлинного хода событий моменты, заключающиеся в этой внешней последовательности. Имеется ли в наших источниках эта каузальная связь, эти прагматические мотивы или нет, они вытекают из природы вещей» [24, с. 240], — пишет И.Г. Дройзен. На критике заканчивается эмпирическая часть исторического исследования, после чего историк переходит к интерпретации собранного материала или к установлению связей между «волевыми актами».

С интерпретации начинается собственно историческое исследование, и И.Г. Дройзен главным методом исторической науки выдвигает понимание. Он пишет: «...если где-либо индукция и дедукция достигли великолепных результатов, то это не значит, что наука истории должна пользоваться тем или иным методом; и, к счастью, между небом и землей есть вещи, которые относятся иррационально как к дедукции, так и к индукции, которые одновременно требуют наряду с индукцией и аналитическим методом дедукции и синтеза, чтобы их постичь не полностью, а постигать все более, не целиком, а приблизительно, до некоторой степени, нужно альтернативно применять и те и другие методы; эти вещи желают быть не изложенными, не объясненными, а быть понятыми» [там же, с. 538].

По И.Г. Дройзену понимание включает в себя одновременно анализ и синтез, дедукцию и индукцию [там же, с. 464]. При этом синтез в естественных науках не равен синтезу в истории, поскольку первый лишь механически суммирует факты или обобщает их, но не позволяет познать

индивидуальное [там же, с. 555–557]. Синтез в истории сложнее, он заключается в том, что, проходя через разные «формы» интерпретации, устанавливает связи. Эти «формы» следующие: 1) прагматическая интерпретация; 2) интерпретация условия; 3) психологическая интерпретация; 4) интерпретация по нравственным началам или идеям.

Прагматическая интерпретация представляет собой первый уровень синтеза. На этом уровне исследователь с помощью аналогий (компаративный метод) и гипотез устанавливает «внутренние связи» между историческим материалом, «постигает внутреннюю логику движения» [там же, с. 241]. Затем исследователь переходит к интерпретации условий, в которой материалы погружаются в контекст, а именно устанавливается связь с пространством и временем соответствующей эпохи при учете материальных и моральных средств. Далее психологическая интерпретация предполагает распознавание воли и выражения отдельного индивида, который есть «мир в себе» и, следовательно, в этой «форме» интерпретации необходимо показать, как совокупность нравственных отношений, личных качеств взаимосвязаны в одном индивидууме. Наконец, исходя из положения И.Г. Дройзена, что «исторический мир есть космос нравственного мира» [там же, с. 289–293], интерпретация нравственных сил и идей образует наивысший синтез. Нравственные силы и идеи пронизывают всю историю человеческого развития, они связывают отдельные «волевые акты» в единое целое. «Становление и рост нравственной идеи есть движение и жизнь истории... Такая идея, комплекс идей, которые прослеживает и постигает интерпретация, с точки зрения исторического исследования становится главной для характеристики человека,

народа, времени» [там же, с. 274–275], — утверждает историк.

Обобщая сказанное, можно сделать следующий вывод. Историки-позитивисты, разделявшие во многом воззрения О. Конта о возможности соединения природной и духовной сфер и, следовательно, ставящие перед собой цель создания научной истории по принципу естествознания, пытались доказать необходимость проведения синтетической операции для выведения законов, в результате чего неизбежно обратились к понятию «факта». И Г.Т. Бокль, и И. Тэн не сомневались в том, что история должна соединить разрозненные факты прошлого в единую формулу или закон путем построения причинно-следственных связей, основанных на статистике или психологии. Отрицая философию или отводя ей роль высшего уровня исследования, историки-позитивисты пытались сделать историю точной наукой, не замечая специфики этой области знания, а также собственных философских и теоретических предпосылок.

В свою очередь И.Г. Дройзен, критикуя позитивистскую парадигму исторического синтеза, отрицал возможность объективной «точной» передачи прошлого и определил методологической основой исторической науки понимание в противовес объяснению, используемому в естествознании. Он полагал, что целостность прошлого может быть достигнута с помощью многоуровневой интерпретации. На каждом этапе интерпретации, прокладывая свой путь от частного к общему, историком соединяются разные объекты исследования, где наивысшим уровнем синтеза определяется нахождение обобщающей идеи или «нравственной силы», которая связывает «волевые акты» в единое целое, замыкая «круг понимания». При этом синтез у И.Г. Дройзена достигается с помощью причинно-следственных

связей только на уровне прагматической интерпретации, а далее в дело включаются процедуры, которые далеки от непосредственного выведения цельного знания из фактов.

Таким образом, уже в эпоху классической рациональности проблема синтеза была поставлена и имела разные точки зрения на пути ее решения, что во многом

корректирует представление о «монолитности» методологической основы историографии этого периода. Следовательно, отмеченные выше дискуссии конца XIX — начала XX вв. возникли не на пустом месте. И сторонники, и противники синтеза, строя свою аргументацию, немало почерпнули из теоретического опыта предшествующих лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Skeat, W.W.* An Etymological Dictionary of the English Language, London: Oxford University Press, 1953. 780 p.
2. *Гуревич, А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М.; СПб., 2014. 432 с.
3. *Конт, О.* Курс положительной философии. Т. 1. СПб., 1900. 302 с.
4. *Мамардашвили, М.К.* Классический и неклассический идеал рациональности. Тбилиси, 1984. 82 с.
5. *Конт, О.* Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб., 1912. Вып. IV. С. 1–6.
6. *Конт, О.* Дух позитивной философии. СПб., 1910. 76 с.
7. *Кон, И.С.* Позитивизм в социологии. Исторический очерк. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1964. 205 с.
8. *Оршанский, И.Г.* Позитивизм и контизм. СПб., 1894. 148 с.
9. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / отв. ред. И.М. Савельева, А.Н. Полетаев. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 536 с.
10. *Арон, Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992. 608 с.
11. *Лубский, А.В.* Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. 352 с.
12. *Нарский, И.С.* Очерки по истории позитивизма. М., 1960. 200 с.
13. *Fling, F.M.* Historical Synthesis. The American Historical Review. 1903. Vol. 9. No. 1. URL: <https://www.jstor.org/stable/1834216> (дата обращения: 23.01.2022).
14. *Бокль, Г.Т.* История цивилизации в Англии: в 2 т. СПб., 1906. 628 с.
15. *Соловьев, Е.А.* Г.Т. Бокль. Его жизнь и научная деятельность. СПб., 1895. 80 с.
16. *Страхов, Н.Н.* Заметки о Тэне // Русский вестник. 1893. № 4. С. 238–258.
17. *Горнфельд, А.Г.* Творческая личность Тэна. К десятилетию его смерти (1893) // ...На западе: лит. беседы. СПб.: Мир, 1897. С. 190–230.
18. *Тэн, И.* Тит Ливий: критическое исследование / под ред. В.И. Герье. М., 1900. 398 с.
19. *Шишков, И.З.* Гносеологическая концепция И. Тэна и позитивизм (к 100-летию со дня смерти философа) // Историко-философский ежегодник — 92. М.: Наука, 1994. С. 28–34.
20. *Тэн, И.* Происхождение общественного строя современной Франции. СПб., 1880. 543 с.
21. *Тэн, И.* О методе критики и об истории литературы. СПб., 1896. 64 с.
22. *Тэн, И.* Об уме и познании / пер. с фр. Н.Н. Страхова. СПб., 1894. 512 с.
23. *Iggers, G.G.* The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century. Syracuse Scholar. 1988. Vol. 9. Iss. 1. Art. 7. URL: <https://surface.syr.edu/suscholar/vol9/iss1/7> (дата обращения: 15.01.2022).

24. Дройзен, И.Г. Очерк истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. 584 с.
25. Савельева, И.М., Полетаев, А.В. Классическое наследие. М.: Высшая школа экономики, 2010. 336 с.
26. Лукоянов, В.В., Николаи, Ф.В. От «Историки» И.Г. Дройзена до «Историки» Н.И. Кареева // *Textum Historiae: исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам всеобщей истории*. Н. Новгород, 2014. Вып. 5. С. 105–120.

REFERENCES

1. Skeat, W.W. *An Etymological Dictionary of the English Language*. London, Oxford University Press, 1953, 780 p.
2. Gurevich, A.Ya. *Istoricheskij sintez i shkola "Annalov"* [Historical Synthesis and the "Annales" School]. Moscow; St. Petersburg, 2014, 432 p. (in Russ.)
3. Comte, A. *Kurs položitelnoj filosofii. T. I* [Positive Philosophy Course, vol. I]. St. Petersburg, 1900, 302 p. (in Russ.)
4. Mamardashvili, M.K. *Klassicheskij i neklassicheskij ideal racionalnosti* [Classical and Non-Classical Ideal of Rationality]. Tbilisi, 1984, 82 p. (in Russ.)
5. Comte, A. *Kurs pozitivnoj filosofii* [Positive Philosophy Course], *Rodonachalniki pozitivizma = The Founders of Positivism*. St. Petersburg, 1912, iss. IV, pp. 1–6. (in Russ.)
6. Comte, A. *Duh pozitivnoj filosofii* [The Spirit of Positive Philosophy]. St. Petersburg, 1910, 76 p. (in Russ.)
7. Kon, I.S. *Pozitivizm v sociologii. Istoricheskij ocherk* [Positivism in Sociology. Historical Outline]. Leningrad, Leningradskij universitet, 1964, 205 p. (in Russ.)
8. Orshanskiy, I.G. *Pozitivizm i kontizm* [Positivism and Kontism]. St. Petersburg, 1894, 148 p. (in Russ.)
9. *Klassika i klassiki v socialnom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classics in Social and Humanitarian Knowledge], ed. by I.M. Savelyev, A.N. Poletaev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 536 p. (in Russ.)
10. Aron, R. *Etapy razvitiya sociologicheskoy mysli* [Stages in the Development of Sociological Thought]. Moscow, Progress, 1992, 608 p. (in Russ.)
11. Lubskij, A.V. *Alternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative Models of Historical Research]. Moscow, 2005, 352 p. (in Russ.)
12. Narskij, I.S. *Ocherki po istorii pozitivizma* [Essays on the History of Positivism]. Moscow, 1960, 200 p. (in Russ.)
13. Fling, F.M. Historical Synthesis. *The American Historical Review*, 1903, vol. 9, No. 1. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1834216> (accessed: 23.01.2022).
14. Buckle, G.T. *Istoriya civilizacii v Anglii: v 2 t.* [The History of Civilization in England: in 2 vol.]. St. Petersburg, 1906, 628 p. (in Russ.)
15. Solovev, E.A. *G.T. Bohl. Ego zhizn i nauchnaya deyatel'nost* [G.T. Bockle. His Life and Scientific Activity]. St. Petersburg, 1895, 80 p. (in Russ.)
16. Strahov, N.N. *Zametki o Tene* [Notes on Taine], *Russkij vestnik = Russian Bulletin*, 1893, No. 4, pp. 238–258. (in Russ.)
17. Gornfeld, A.G. *Tvorcheskaya lichnost Tena. K desyatiletiju ego smerti (1893)* [Ten's Creative Personality. By the Decade of His Death (1893)]. In: *...Na zapade* [...In the West: literary conversations]. St. Petersburg, Mir, 1897, pp. 190–230. (in Russ.)

18. Taine, I. *Tit Livij: kriticheskoe issledovanie* [Titus Livius: Critical Research], ed. by V.I. Guerrier. Moscow, 1900, 398 p. (in Russ.)
19. Shishkov, I.Z. Gnoseologicheskaya koncepciya I. Tena i pozitivizm (k 100-letiyu so dnya smerti filozofa) [I. Ten's Epistemological Concept and Positivism (To the 100th Anniversary of the Philosopher's Death)], *Istoriko-filosofskij ezhegodnik — 92 = Historical and Philosophical Yearbook — 92*. Moscow, Nauka, 1994, pp. 28–34. (in Russ.)
20. Taine, I. *Proiskhozhdenie obshchestvennogo stroya sovremennoj Francii* [The Origin of the Social System of Modern France]. St. Petersburg, 1880, 543 p. (in Russ.)
21. Taine, I. *O metode kritiki i ob istorii literatury* [About the Method of Criticism and the History of Literature]. St. Petersburg, 1896, 64 p. (in Russ.)
22. Taine, I. *Ob ume i poznanii* [About Mind and Knowledge]. St. Petersburg, 1894, 512 p. (in Russ.)
23. Iggers, G.G. The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century. *Syracuse Scholar*, 1988, vol. 9, iss. 1, art. 7. Available at: <https://surface.syr.edu/suscholar/vol9/iss1/7> (accessed: 15.01.2022).
24. Droysen, I.G. *Ocherk istoriki* [Essays Historians]. St. Petersburg, Vladimir Dal, 2004, 584 p. (in Russ.)
25. Saveleva, I.M., Poletaev, A.V. *Klassicheskoe nasledie* [Classic Heritage], Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki, 2010, 336 p. (in Russ.)
26. Lukoyanov, V.V., Nikolai, F.V. Ot “Istoriki” I.G. Drojzena do “Istoriki” N.I. Kareeva [From the “Historian” by I.G. Droyzen to the “Historian” by N.I. Kareev]. In: *Textum Historiae: issledovaniya po teoreticheskim i empiricheskim problemam vseobshchej istorii* [Textum Historiae: Studies on Theoretical and Empirical Problems of World History]. N. Novgorod, 2014, iss. 5, pp. 105–120. (in Russ.)

Назаров Сергей Олегович, магистр, младший научный сотрудник, Архив Российской академии наук, sergey_nazarov13@mail.ru

Sergey O. Nazarov, Master of Arts, Junior Research Assistant, Archive of the Russian Academy of Sciences, sergey_nazarov13@mail.ru

271

Статья поступила в редакцию 25.07.2022. Принята к публикации 19.08.2022

The paper was submitted 25.07.2022. Accepted for publication 19.08.2022

РЕГИОНАЛИЗМ В ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ РУСИ: проблемы концептуализации

И.А. Кирпичников

Аннотация. В статье анализируются концептуальные основания ключевых историографических подходов к проблеме регионализма в истории Московского государства раннего Нового времени. Историография данной темы представлена как конкуренция трех теоретических проектов, центральные положения которых подвергнуты систематической реконструкции. В рамках этатистского прочтения российской истории, которое являлось доминирующим вплоть до последних десятилетий XX в., регионы рассматриваются как временные препятствия на пути строительства централизованного государства. Федералистская концепция, сформировавшаяся в атмосфере реформаторских ожиданий середины XIX в. и не получившая развития в последующей историографии, описывает Московское государство как ассоциацию областей. Наконец, современные исследования регионализма фокусируются на сложной структуре взаимоотношений между государством и регионами, опираясь на понятие интеграции и интеракционный подход. Предложенный способ историографического анализа дает исследователю инструмент концептуальной рефлексии и может стать ресурсом теоретического воображения.

Ключевые слова: историография, историческое знание, интеллектуальная история, национальный нарратив, государственная школа, областничество, регион, Московское государство, Смутное время.

Для цитирования: Кирпичников И.А. Регионализм в истории Московской Руси: проблемы концептуализации // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 272–285. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-272-285

Благодарности. Статья написана при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)». Я благодарю участников Байкальской международной школы социальных исследований 2022 г. за плодотворное обсуждение некоторых идей, развиваемых в настоящей статье.

REGIONALISM IN THE HISTORY OF MUSCOVITE RUSSIA: Problems of Conceptualization

I.A. Kirpichnikov

Abstract. The article analyzes the conceptual foundations of the key historiographical approaches to the problem of regionalism in the history of the early Muscovite state. The

© Кирпичников И.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

historiography of this topic is presented as a competition of three theoretical projects, the central provisions of which are subjected to systematic reconstruction. Within the framework of the “statist” interpretation of Russian history, which was dominant until the last decades of the 20th century, the regions were considered as temporary barriers to the establishment of a centralized state. The federalist conception, which emerged in the atmosphere of reformist expectations of the mid-19th century and has not been developed in subsequent historiography, describes the Muscovite state as an association of regions. Finally, recent studies of regionalism focus on the complex structure of relations between the state and regions, relying on the notion of integration and interactional approach. The proposed method of historiographical analysis gives the researcher a tool for conceptual reflection and can become a resource for theoretical imagination.

Keywords: *historiography, historical knowledge, intellectual history, national narrative, regionalism, region, federalism, Muskovy, Time of Troubles.*

Cite as: Kirpichnikov I.A. Regionalism in the History of Muscovite Russia: Problems of Conceptualization. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 3, part 2, pp. 272–285. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-272-285

Acknowledgement: This paper was supported by the Russian Science Foundation, project No 22-18-00151 “The Changes in the Composition and Image of the Ruling Elite of the Russian State During the Turning Periods of Russian History in the 16-17th Centuries (Boyars rule, Oprichnina, Time of Troubles, Reigns of Alexey Mikhailovich, Fedor Alexeevich, the Regency of Princess Sophia)”. I would like to acknowledge the participants of the Baikal International School of Social Research 2022 for the fruitful discussion of some of the ideas of the article.

Вопрос о роли теории в историческом исследовании — одна из узловых проблем эпистемологии истории. Историки нередко воспринимают свои занятия как «ремесло», в котором для теории отводится чрезвычайно скромное место. Традиционный академический жанр *обзора историографии* транслирует образ кумулятивного накопления эмпирического «позитивного знания» о предмете. Между тем на

поверку оказывается, что построения историков содержат множество теоретических предположений, которые лишь в редких случаях обретают форму систематических концепций и нуждаются в критической реконструкции [1].

В данной статье предложен один из возможных подходов к анализу теоретических оснований исторического исследования¹. Историография рассматривается не

273

¹ Отмечу три перспективных подхода к историографии российской истории, которые отчасти близки к замыслу, реализованному в настоящей статье. 1) А.С. Усачев предложил метод анализа «историографических констант» (представлений, которые являлись инвариантными для исследователей различных поколений вне зависимости от теоретико-методологических и идеологических предпочтений) и сделал вывод о существовании «большого времени» (*longue durée*) российской историографии [2; 3]. Генеалогию этих идей можно возвести к наблюдениям П.Н. Миллюкова над «аксиомами» отечественного историописания [4, с. 127–159]. В некоторых отношениях к этой линии примыкает и интерпретация Д. Блэком «государственной школы» как преемственной по отношению к предшествующей историографии [5]. 2) А.А. Тесля изучает основоположения различных версий национального исторического нарратива [6–8]. Для данной традиции исследований немалое значение имеет известная критика «обычной схемы русской истории» М.С. Грушевским [9], среди любопытных реакций на которую профессиональных историков следует отметить размышления А.Е. Преснякова [10, с. 1–11]. 3) Н.Ш. Коллманн совершает в одной из своих работ примечательный экскурс в историю мысли об обществе и помещает идеи российских авторов относительно роли принуждения и консенсуса в контекст западноевропейской социальной теории [11, с. 277–288].

в качестве перечня достижений отдельных авторов, но как ряд теоретических проектов, сформировавшихся внутри дисциплины применительно к конкретной теме. Такой способ взаимодействия с идеями предшественников имеет неизбежные ограничения (производимой реконструкции легко поставить в упрек некоторую произвольность и недостаточное внимание к контексту), однако может стать для историка ценным инструментом рефлексии (экспликация и прослеживание генеалогии концептуальных допущений создают значимый эффект остранения) и сравнительного анализа, а также ресурсом теоретического воображения.

Центральный сюжет статьи — проблема регионализма в истории Московской Руси XVI–XVII вв.² Историография данной темы представлена как конкуренция трех концептуализаций. Первая предполагает, что регионы являются временными препятствиями, которые должны исчезнуть в ходе государственного строительства. Такой этатистский взгляд доминировал в историописании вплоть до последних десятилетий XX в., став для нескольких поколений исследователей неререфлексивным основанием мышления о российской истории. Вторая концептуализация представляет Московское государство как ассоциацию регионов. Предложенная в середине XIX в. историками-федералистами, эта идея не получила систематического развития в историографии. Наконец, третий теоретический проект, в фокусе которого находится структура взаимоотношений государства

и регионов, продолжает формироваться, и сегодня можно наметить лишь общие контуры этого нового направления.

Государство против регионов

Исчезновение регионального измерения — одна из парадоксальных черт традиционного нарратива российской истории. Привычное для читателя повествование организовано так, что в определенный момент разнообразие «собранных» московскими князьями земель магическим образом превращается в «централизованное государство». При описании периода, который предшествует этой трансформации, в поле внимания автора удерживаются соседние политические образования (например, Новгородская земля), однако после нее единственной данностью остается гомогенное пространство единого Московского государства. Подобная смена кадра (которая обеспечивается, как правило, делением текста на главы) характерна для абсолютного большинства обобщающих и учебных работ по истории России.

Рассмотрим основания такой логики. Важнейшей чертой традиционного нарратива является, во-первых, москвоцентризм. Давно отмечено, что представление о наследовании столичности по линии Киев — Владимир — Москва составляет одну из устойчивых констант историописания XVI–XX вв. [4, с. 149–159]. Генеалогия этой идеи восходит к династической истории московского правящего дома, сконструированной

² Систематический обзор исследований регионализма в Московской Руси не является задачей настоящей статьи. Единицами предложенного анализа являются традиции сходных теоретических решений, и ссылки на конкретные работы приводятся главным образом в иллюстративных целях. Некоторые общие соображения относительно истории и современного состояния изучения региональной проблематики в России можно найти в работах С. Смит-Петер (напр., [12]), применительно к периоду раннего Нового времени — С.О. Шмидта (напр., [13]). Кроме того, за рамками рассмотрения здесь остается обширный и самостоятельный историографический сюжет, связанный с украинскими землями.

древнерусскими книжниками. Как убедительно показал А.С. Усачев, данная схема была некритически перенесена из «Степенной книги» (памятника эпохи Ивана IV) на страницы исторических сочинений Нового времени [3]. Внимание исследователя, следующего в русле этой традиции, с неизбежностью фокусируется на Москве как безальтернативном «собирателе русских земель», наделенном эксклюзивными качествами.

Вторая фундаментальная характеристика традиционного нарратива — его государствоцентричный характер. В трудах классиков «государственной школы» XIX в., вдохновлявшихся философией Г. Гегеля, именно развитие государства (как «высшей формы общезития») было представлено в качестве лейтмотива истории России [14]. В этой логике абсолютное доминирование организующего «государственного начала» обуславливалось исходной неструктурированностью и кочевой природой народной массы. Неудивительно, что наследием «государственной школы» стало не только плодотворное изучение процессов колонизации [15, с. 342], но и туманное представление о допетровской Руси как однородном равнинном пространстве с чрезвычайно подвижным, неукорененным (и в то же время инертным) населением.

Наконец, третий концептуальный ингредиент традиционной схемы — конфликтоцентричное видение социальной динамики, также в значительной степени восходящее к историкам-гегельянцам [2, с. 104]. Московские князья рассматриваются в качестве носителей прогрессивного «государственного начала», которому

противостояла уходящая в прошлое «родовая старина». Рудиментом последней, в свою очередь, являлись удельные княжества. Процесс формирования государства фактически отождествляется с «собираанием земель», в ходе которого нивелировались слабые ростки местной жизни [16, с. 49–59]. В этой логике всякое проявление регионального разнообразия ассоциируется, прежде всего, с архаикой и воспринимается как признак несовершенства государства. Несовместимость государственной организации с любой формой фрагментации закрепляется в терминологической оппозиции «централизованного государства» и «феодальной раздробленности». Центр и регионы мыслятся как противоположности [17, с. 36], а их взаимоотношения описываются в качестве игры с нулевой суммой³.

Итак, единственный способ вообразить регионы в рамках данной традиции — рассмотрение их в качестве временных препятствий, успешно преодоленных московскими правителями на пути государственного строительства. Такая концептуальная рамка оказала значительное влияние на развитие историографии. Показательны в этом отношении выводы, к которым на основе изучения исследовательской литературы приходили иностранные авторы, специально интересовавшиеся региональной проблематикой и стремившиеся встроить российский опыт в свои сравнительные проекты. В эссе немецкого историка Д. Герхарда утверждалось, что организация московского общества XVI–XVII вв. гораздо больше напоминает текучесть американского Дикого Запада, чем

³ Удачное выражение из доклада Я. Глете, который констатирует распространенность такого взгляда: “In political history and historical sociology, central and local power have often been analysed as antagonistic. Interaction between them has in the past usually been described as a zero-sum game where the gain of one side equals the loss of the other. In this perspective the growth of central state power is regarded as a decline of local power while the presence of powerful local societies indicates that the central state must be weak” [18, с. 1].

западноевропейский сословный регионализм [19]. Знакомые по трудам «государственной школы» мотивы неукорененности населения и отсутствия провинциального партикуляризма в России прозвучали и в монографии классика французской историографии Р. Мунье о крестьянских восстаниях раннего Нового времени [20, с. 153–229; 21, с. 190–192]. В этих текстах в эксплицитной форме воспроизведены идеи, которые являлись непроблематичными, по умолчанию принимаемыми предпосылками для нескольких поколений исследователей российской истории.

Господство такой системы представлений привело к тому, что региональная тематика длительное время игнорировалась историографическим мейнстримом. Целый пласт сочинений провинциальных авторов, посвященных местным сюжетам, «видели, но как будто не замечали» [22, с. 18]; их находки использовались в лучшем случае как «источник уточнений отдельных деталей в исторических построениях обобщающего характера» [23, с. 41]. Следуя сложившемуся канону, профессиональные историки доводили изучение отдельных земель до момента ликвидации независимости и не уделяли внимания их дальнейшей судьбе в составе Московского государства [15, с. 244]. Так, в 1909 г. С.Ф. Платонов отмечал, что «ни одной книжки» не написано по истории Новгорода XVI–XVII вв. [24, с. 11]. Много десятилетий спустя В.Б. Кобрин вновь констатировал, что «историю княжеств в нашей литературе обычно завершают тогда, когда они стали частью единого государства» [25, с. 49; 26, с. 3; 27, с. 7].

Исследователи обращались к проблеме регионального разнообразия Московской

Руси главным образом в историко-географическом жанре [28, с. 3–11]. Под этой рубрикой написана, в частности, фундаментальная монография М.Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии» [там же]. Ключевыми единицами анализа в ней выступают отдельные регионы, особенности которых подвергнуты систематическому и детальному изучению. Однако для того, чтобы вписать исследование в конвенциональную теоретическую рамку, автор последовательно подчеркивает «незавершенность процессов централизации». Государству предстояло в результате «длительной борьбы» ликвидировать «пережитки феодальной раздробленности», просто произошло это не в начале XVI в., как обычно считалось, а столетием позже⁴. Легитимировать предмет своего интереса исследователю позволило ленинское высказывание о «живых следах прежней автономии», которые «сохранились вплоть до XVII века». Характерно, что заключение к этому масштабному труду занимает лишь полтора абзаца и начинается с фразы о том, что проделанная работа «не нуждается» в выводах [28, с. 524]. В отсутствие концептуальных новаций богатый материал, свидетельствующий о высокой сложности региональной структуры Московского государства, оказался невостребованным для обобщений.

Таким образом, в рамках рассмотренной историографической традиции не было создано концептуализации, которая позволяла бы описывать региональное разнообразие в условиях существования единого государства. Регионализм оставался неразличимым для историков Московской Руси, поскольку предполагалось, что он исчезает в результате «процессов централизации». Рассуждая о

⁴ Представление о борьбе московских правителей с рудиментами «раздробленности» на всем протяжении XVI в. («XVI столетие — не борьба дворян и бояр, а борьба с уделами») нашло яркое выражение в концепции опричнины А.А. Зимина [29; 30].

перспективах исследования локальных служилых объединений, идею этого теоретического тупика ярко сформулировал В.Б. Кобрин: «В этой связи возникает еще один вопрос, требующий ответа. Каковы были судьбы уездных служило-землевладельческих корпораций, о которых речь шла в книге? Формально они сохранились и в XVII в. Но прежней ли была их социальная роль? В XVI в. они во многом были реликтами удельного времени, тормозом на пути консолидации феодалов разных земель в общерусский класс. Но ведь в XVII в. эта консолидация как будто завершилась» (курсив мой — И.К.) [25, с. 221].

В историографических анналах между тем можно обнаружить забытую линию, в рамках которой был предложен иной способ мышления о регионах в российской истории.

Государство как федерация регионов

На рубеже 1850–1860-х гг. региональная проблематика стала предметом устойчивого интереса со стороны историков, за которыми закрепилось название федералистов. Последовательно критикуя «теорию государственной централизации», они позиционировали свои взгляды в качестве альтернативы господствовавшему нарративу. Получив стремительную популярность в атмосфере реформаторских ожиданий, эти идеи вскоре были оставлены самими авторами и не имели дальнейшего развития [23]. Воззрения федералистов вдохновили несколько поколений сибирских областников, но не оказали значимого влияния на историографию. Наибольший интерес в свете рассматриваемого нами сюжета представляет земско-областная теория А.П. Щапова, систематическая реконструкция которой представлена в исследованиях Й. Вахендорфа [31] и В.В. Боярченкова [16].

Краеугольным элементом этой концепции является представление о «начале общности», развитием которого можно объяснить весь ход российской истории — «до централизации и после централизации». А.П. Щапов предлагает рассматривать историю России как эволюцию ассоциаций областей (или провинций, т. е. регионов) от «особно-областного» к «соединенно-областному» союзу. Содержание первого этапа составляет «органическое саморазвитие» независимых областных общин, которые сохранили самобытный характер и в московский период. Централизация являлась для регионов исключительно внешним фактором (механическим «собираанием земель», справленным насилием и административным принуждением), не порождая «внутренней органической связи областей с Москвой». В Смутное время — один из изблюбленных исторических периодов А.П. Щапова [32] — эта непрочная федерация распалась, восстав против централизаторского давления столицы («земско-областной переворот»), чтобы после периода розни добровольно соединиться на более прочных основаниях.

Прочтение всей истории допетровской Руси как эволюции форм сосуществования регионов — сильный теоретический ход, который дает значимые преимущества. Концепция А.П. Щапова не предполагает момента, в котором разнообразие обособленных земель парадоксальным образом сливается в гомогенное «централизованное государство». В этой логике происходит последовательный отказ от московцентричного взгляда: место главных исторических субъектов занимают регионы, развитие которых в XVI–XVII вв. становится легитимным предметом для самоценного изучения.

Однако цена отказа от традиционной схемы повествования оказывается высокой.

Гипостазируя областность в качестве вневременного «начала» и постулируя континуитет в истории отдельных областей, подход федералистов остается недостаточно чувствительным к трансформациям региональных структур и не позволяет полноценно охарактеризовать роль центральной власти в таких изменениях. Так, например, рассмотренная концептуализация дает весьма ограниченные возможности для анализа случая Новгородской земли, где московское правительство произвело «вывод» (насильственное переселение с конфискацией собственности) ключевых групп населения и демонтировало традиционные политические институты. Насколько уместно утверждение о преемственном и самодостаточном развитии «области» при подобных качественных изменениях социально-политической организации, и можно ли в данном случае вынести за скобки государство (роль которого — лишь «внешнее обобщение областности»)? Сама постановка таких вопросов потребует, как представляется, пересмотра базовых положений федералистской концепции, которая остается тем не менее оригинальным и важным опытом осмысления региональной проблематики в историографии Московской Руси.

Государство и регионы: интеграция и регионализм

Первый из теоретических проектов, представленных в настоящей статье, можно считать исчерпанным после более чем столетнего доминирования в российском историописании; вторая из обозначенных программ оказалась на долгое время забытой и осталась нереализованной в исследовательской практике. В отличие от них третья концепция продолжает динамично развиваться,

поэтому сегодня можно лишь предварительно наметить некоторые черты и возможные перспективы этого направления. Единственной попыткой систематического осмысления современного состояния историографии являются программные работы С.Н. Богатырева, на которые мы будем опираться в дальнейшем анализе [17; 33].

Центральной категорией исследований регионализма в Московской Руси становится понятие *интеграции*, которое позволяет проблематизировать формирование единства из множественности как длительный и сложный трансформационный процесс. Такой подход преодолевает этатистские представления о естественной гомогенизации пространства и исчезновении местного своеобразия после присоединения очередной территории. Напротив, для исследователя интеграции именно этот момент — точка отсчета в изучении наиболее интересных явлений. Например, работа об интеграции Нижегородской земли может охватывать полтора столетия с момента ликвидации независимости княжества [34]. В фокусе внимания историка оказывается проблема соотношения преемственности и изменений, что дает возможность уйти и от федералистского постулата о непроблематичном континуитете «областной» жизни. Открывается широкое поле сравнительного исследования путей интеграции — вариантов развития этого процесса в локальных контекстах [35; 36].

Процесс интеграции обуславливается взаимодействиями различных акторов. Интеракционный подход означает последовательный отказ от картины, при которой регионы в одностороннем порядке подвергаются целенаправленному централизаторскому воздействию со стороны государственной власти. Такая политика (рассматриваемая как набор различных

«стратегий»)⁵, является важным, но далеко не единственным фактором развития интеграции. Вполне закономерными становятся, в частности, вопросы о субъектности региональных сообществ и влиянии новоприсоединенных территорий на центр⁶. Однако более значимое усложнение происходит при различении множества разнообразных акторов, ролей, отношений, лояльностей и интересов, которые скрываются за условной дихотомией реифицированных «государства» и «региона»⁷. Историк оказывается перед необходимостью использования подхода, который можно вслед за А.И. Миллером (специалистом по более поздней эпохе) назвать ситуационным: «Задача в том, чтобы выявить участвовавших во ... взаимодействии акторов и понять логику их поведения, т. е. реконструировать ситуацию взаимодействия в возможной полноте» [38, с. 18].

Такая исследовательская повестка делает менее принципиальным вопрос о содержании понятия региона, но не снимает этой важной проблемы. Справедливо отмечено, что попытки дать эссенциалистское определение и сформулировать объективные критерии вычленения регионов имеют весьма ограниченный потенциал. Более продуктивным видится предложение рассматривать регион как изменчивый и относительный элемент воображаемой географии, «результат взаимодействия внутренних и внешних факторов» [17, с. 40; 37, с. 9–15]. Предметом специального изучения становятся способы

репрезентации пространственной структуры государства [39; 40] и значение региональных аффилиаций в иерархиях идентичности его жителей [37, с. 58–100]. Последний сюжет приводит к вопросу о том, в какой мере, при каких обстоятельствах и под воздействием каких механизмов разрозненные социальные группы могли выступать в качестве единого территориального сообщества [33].

Переосмысление роли регионализма в Московской Руси связано с влиятельными работами последних десятилетий, авторы которых подвергли критике идею деспотической власти московских государей. В условиях ограниченности ресурсов фискально-военные государства раннего Нового времени могли успешно развиваться только с опорой на локальные сообщества, которые сохраняли значительные пространства автономии [11; 33; 37; 39; 41]. Регионализм мыслится, таким образом, не как препятствие, но как конструктивный элемент государственного устройства. Постулирование перманентной конфликтности между центром и регионами сменяется акцентом на консенсусе и сотрудничестве, благодаря которым достигалась долговременная устойчивость самодержавия. Перспективной представляется дискуссия историков-русистов о концепции «композиционной монархии» [42], которая позволяет в сравнительном ключе осмысливать сложную неоднородность территориальной структуры династических государств раннего Нового времени.

⁵ Выражение «стратегии интеграции», вошедшее в употребление среди историков-русистов после работы Н.Ш. Коллманн [11], необходимо, впрочем, использовать с осторожностью. Вопрос о наличии таких политических «стратегий», как спланированных долгосрочных сценариев, в каждом случае нуждается в специальном исследовании.

⁶ Например, правящая элита Московского государства («государев двор») может быть рассмотрена как сложный конгломерат групп регионального происхождения («корпорация корпораций» [35]), в рамках которого включение каждой новой группы меняло ранее сложившуюся констелляцию.

⁷ Такая постановка проблемы характерна, в частности, для исследований локальных администраторов, в практике которых, как отмечает В. Кивельсон, размывалась граница между «государством» и «обществом» [37, с. 129–131].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мегилл, А. Роль теории в историческом исследовании и историописании // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Либроком, 2011. С. 24–40.
2. Усачев, А.С. Longue duree российской историографии // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 102–113.
3. Усачев, А.С. «Долгий XVI век» российской историографии // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 104–115.
4. Миллюков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М.: Типолиитография товарищества И.М. Кушнерева, 1898. Т. 1. 396 с.
5. Black, J.L. The “State School” Interpretation of Russian History: A Re-Appraisal of Its Genetic Origins // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1973. Bd. 21. H. 4. P. 509–530.
6. Тесля, А.А. В спорах о марксистской концепции русской истории: между автономией государства и НЭПом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6. № 1. С. 213–232.
7. Тесля, А.А. Революционная версия русского национального исторического нарратива: «О развитии революционных идей в России» А.И. Герцена // Социология власти. 2021. Т. 33. № 2. С. 59–79.
8. Тесля, А.А. «Русский народ» и «Российское государство»: Н.А. Полевой vs Н.М. Карамзин // Тетради по консерватизму. 2016. Т. 3. № 4. С. 81–95.
9. Грушевский, М.С. Звичайна схема “русскої” історії й справа раціонального укладу історії східного слов’янства // Статті по славяноведінню. Вып. 1. СПб.: Типографія Імператорської Академії наук, 1904. С. 298–304.
10. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории: Киевская Русь. М.: Соцэкгиз, 1938. 280 с.
11. Коллманн, Н.Ш. Соединенные чеством. Государство и общество в России раннего нового времени. М.: Древнехранилище, 2001. 240 с.
12. Smith-Peter, S. How to Write a Region: Local and Regional Historiography // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. № 3. P. 527–542.
13. Шмидт, С.О. Региональная история России XVI и XVII вв. в российской историографии // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. P. 15–37.
14. Киреева, Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М.: ОГИ, 2004. 512 с.
15. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография / под ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2008. 938 с.
16. Боярченков, В.В. Историко-федералисты: концепция местной истории в русской мысли 20–70 годов XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 256 с.
17. Bogatyrev, S. Регионализм в Московской Руси // Studia slavica finlandensia. Helsinki: Neuvostoliitto instituutti, 2003. Т. 20. P. 35–47.
18. Glete, J. Local Elites and Complex Organisations. Interaction, Innovations and the Emergence of the Early Modern Fiscal-Military States. Paper to the conference “War and the Golden Age: the Netherlands in comparative perspective, c. 1550–1700”, Rijswijk, 19–21 December, 2005. URL: https://www2.historia.su.se/personal/jan_glete/Glete-Local_Elites_Complex_Org.pdf (дата обращения: 01.08.2022).
19. Gerhard, D. Regionalismus und Ständisches Wesen als ein Grundthema Europäischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. Bd. 174. P. 307–337.

20. *Mousnier, R.* Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia, and China. London: George Allen & Unwin LTD, 1972. 358 p.
21. *Кром, М.М.* Введение в историческую компаративистику. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с.
22. *Севастьянова, А.А.* История и историки в провинции и столицах. М.: Квадрига, 2020. 368 с.
23. *Боярченков, В.В.* «Русская история в самой основе своей есть... история областей»: провинциализм, народность и колонизация в историческом дискурсе федералистов эпохи Великих реформ // Регионы Российской империи. Идентичность, репрезентация, (на)значение / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 30–51.
24. *Платонов, С.Ф.* Великий Новгород до его подчинения Москве в 1478 году и после подчинения до Ништадского мира 1721 г. (конспект лекции, читанный в 1909 году в Новгородском обществе любителей древности). Новгород: Губернская типография, 1916. 11 с.
25. *Кобрин, В.Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М.: Мысль, 1985. 279 с.
26. *Пронштейн, А.П.* Великий Новгород в XVI веке: очерк социально-экономической и политической истории русского народа / под ред. акад. М.Н. Тихомирова. Харьков: Издательство ХГУ, 1957. 288 с.
27. *Масленникова, Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л.: Издательство ЛГУ, 1955. 196 с.
28. *Тихомиров, М.Н.* Россия в XVI столетии. М.: АН СССР, 1962. 584 с.
29. *Базанов, М.А.* От «москвоцентризма» к «полицентризму»: эволюция взглядов А.А. Зимина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2009. № 4 (142). Вып. 29. С. 140–147.
30. *Зимин А.А.* Опричнина (авт. предисл. А.Л. Хорошкевич). М.: Территория, 2001. 447 с.
31. *Wachendorf, J.* Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Ščapov. Köln: Universität zu Köln, 1964. 216 p.
32. *Щапов, А.П.* Великорусские области и смутное время (1606–1613) // Сочинения А.П. Щапова: в 3 т. Т. 1. СПб.: Издательство М.В. Пирожкова, 1906. С. 648–709.
33. *Bogatyrev, S.* Localism and Integration of Muscovy // *Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present* / ed. by S. Bogatyrev. Helsinki: Academy of Sciences and Finnish Letters, 2004. P. 59–127.
34. *Чеченков, П.В.* Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2004. 140 с.
35. *Бенцианов, М.М.* «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.
36. *Флоря, Б.Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975. С. 281–290.
37. *Kivelson, V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford: Stanford University Press, 1996. 372 p.
38. *Миллер, А.И.* Новая история Российской империи: региональный или ситуационный подход? // Азиатская Россия: люди и структуры империи / под ред. Н.Г. Суворовой. Омск: Издательство ОмГУ, 2005. С. 7–23.
39. *Кивельсон, В.* Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 358 с.

40. Хорошкевич, А.Л. Отражение представлений о регионах государства всяя Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. P. 102–127.
41. Александров, В.А., Покровский, Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
42. Filyushkin, A. Why Did Russia Not Become a Composite State? // Russian History. 2021. Vol. 47. № 3. P. 201–223.

REFERENCES

1. Megill, A. Rol teorii v istoricheskom issledovanii i istoriopisanii [Role of Theory in Historical Studies and History-Writing]. In: *Istoricheskaja nauka segodnja: Teorii, metody, perspektivy* [Historical Studies Today. Theories. Methods. Perspectives], ed. by L.P. Repina. Moscow, Librokom, 2011, pp. 24–40. (in Russ.)
2. Usachev, A.S. Longue duree rossijskoj istoriografii [The Longue Durée of Russian Historiography], *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Current Times, 2002, No. 2, pp. 102–113. (in Russ.)
3. Usachev, A.S. “Dolgii XVI vek” rossijskoj istoriografii [“The Long 16th Century” of Russian Historiography], *Obshchestvennye nauki i sovremennost* = Social Sciences and Current Times, 2002, No. 2, pp. 104–115. (in Russ.)
4. Miljukov, P.N. *Glavnye techenija russkoj istoricheskoi mysli* [Main Currents of the Russian Historical Thought]. Moscow, Tipolitografija tovarishhestva I.M. Kushnereva, 1898, vol. 1, 396 p. (in Russ.)
5. Black, J.L. The “State School” Interpretation of Russian History: A Re-Appraisal of Its Genetic Origins. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1973, Bd. 21, H. 4, pp. 509–530.
6. Teslya, A.A. V sporah o marksistskoj koncepcii russkoj istorii: mezhdru avtonomiej gosudarstva i NEPom [In Disputes over the Marxist Concept of Russian History: Between the Autonomy of the State and the NEP], *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* = Philosophy. Journal of the Higher School of Economics, 2022, vol. 6, No. 1, pp. 213–232. (in Russ.)
7. Teslya, A.A. Revolyucionnaya versiya russkogo nacionalnogo istoricheskogo narrativa: “O razvitii revolyucionnyh idej v Rossii” A.I. Gercena [Revolutionary Version of the Russian National Historical Narrative: Herzen’s “On the Development of Revolutionary Ideas in Russia”], *Sociologija vlasti* = Sociology of Power, 2021, vol. 33, No. 2, pp. 59–79. (in Russ.)
8. Teslya, A.A. “Russkij narod” i “Rossijskoe gosudarstvo”: N.A. Polevoj vs N.M. Karamzin [“Russian People” and “Russian State”: N.A. Polevoy vs N.M. Karamzin], *Tetradj po konservatizmu* = Notebooks on Conservatism, 2016, vol. 3, No. 4, pp. 81–95. (in Russ.)
9. Grushevskij, M.S. Zvichajna shema “russkoj” istorii j sprava racionalnogo ukladu istorii shidnogo slovjanstva [The Traditional Scheme of “Russian” History and the Problem of a Rational Organization of the History of the East Slavs], *Stati po slavyanovedeniju* = Articles on Slavic Studies, 1904, No. 1, pp. 298–304.
10. Presnjakov, A.E. *Lekcii po russkoj istorii: Kievskaya Rus* [Lectures on Russian History: Kievan Rus]. Moscow, Socekgiz, 1938, 280 p. (in Russ.)
11. Kollmann, N.S. *Soedinjonnye chestju. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia]. Moscow, Drevnehranilishe, 2001, 240 p. (in Russ.)

12. Smith-Peter, S. How to Write a Region: Local and Regional Historiography. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004, vol. 5, No. 3, pp. 527–542.
13. Shmidt, S.O. Regionalnaja istorija Rossii XVI i XVII vv. v rossijskoj istoriografii [Regional History of Russia in the 16th and 17th Centuries in Russian Historiography]. In: *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* [The History of Russia in the 16th and 17th Centuries from the Perspective of Its Regions]. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2004, pp. 15–37. (in Russ.)
14. Kireeva, R.A. *Gosudarstvennaja shkola: istoričeskaja koncepcija K.D. Kavelina i B.N. Chicherina* [State School: Historical Theory of K.D. Kavelin and B.N. Chicherin]. Moscow, Obedinennoe gumanitarnoe izdatelstvo, 2004, 512 p. (in Russ.)
15. Rubinshtejn, N.L. *Russkaja istoriografija* [Russian Historiography], ed. A.J. Dvornichenko, J.V. Krivosheev, M.V. Mandrik. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij universitet, 2008, 938 p. (in Russ.)
16. Bojarchenkov, V.V. *Istoriki-federalisty: koncepcii mestnoj istorii v russkoj mysli 20–70 godov XIX veka* [Federalist Historians: Concepts of Local History in Russian Thought in the 20s–70s of the 19th Century]. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2005, 256 p. (in Russ.)
17. Bogatyrev, S. Regionalizm v Moskovskoj Rusi [Regionalism in Muscovy]. In: *Studia slavica finlandensia*, vol. 20. Helsinki, Neuvostoliitto instituutti, 2003, pp. 35–47. (in Russ.)
18. Glete, J. Local Elites and Complex Organisations. Interaction, Innovations and the Emergence of the Early Modern Fiscal-Military States. *Paper to the conference “War and the Golden Age: the Netherlands in comparative perspective, c. 1550–1700”*, Rijswijk, 19–21 December, 2005. Available at: https://www2.historia.su.se/personal/jan_glete/Glete-Local_Elites_Complex_Org.pdf (accessed: 01.08.2022).
19. Gerhard, D. Regionalismus und Ständisches Wesen als ein Grundthema Europäischer Geschichte. *Historische Zeitschrift*, 1952, Bd. 174, pp. 307–337.
20. Mousnier, R. *Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia, and China*. London, George Allen & Unwin LTD, 1972, 358 p.
21. Krom, M.M. *Vvedenie v istoričeskiju komparativistiku* [An Introduction to Historical Comparison]. St Petersburg, Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015, 248 p. (in Russ.)
22. Sevastjanova, A.A. *Istorija i istoriki v provincii i stolichah* [History and Historians in the Provinces and Capitals]. Moscow, Kvadriga, 2020, 368 p. (in Russ.)
23. Bojarchenkov, V.V. “Russkaja istorija v samoj osnove svoej est... istorija oblastej”: provincializm, narodnost i kolonizacija v istoričeskom diskurse federalistov epohi Velikih reform [“Russian History at Its Very Core is... the History of the Regions”: Provincialism, Nationality and Colonization in the Historical Discourse of the Federalists of the Era of the Great Reforms]. In: *Regiony Rossijskoj imperii. Identičnost, reprezentacija, (na)znachenie* [Regions of the Russian Empire. Identity, Representation, Meaning], ed. E. Boltunova, W. Sunderland. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2021, pp. 30–51. (in Russ.)
24. Platonov, S.F. *Velikij Novgorod do ego podčinenija Moskve v 1478 godu i posle podčinenija do Nishtadskogo mira 1721 g.* [Veliky Novgorod before Its Subjugation to Moscow in 1478 and After Its Subordination until the Peace of Nishtad in 1721]. Novgorod, Gubernskaja tipografija, 1916, 11 p. (in Russ.)
25. Kobrin, V.B. *Vlast i sobstvennost v srednevekovoj Rossii (XV–XVI vv.)* [Power and Property in Medieval Russia (15th–16th Centuries)]. Moscow, Mysl, 1985, 279 p. (in Russ.)

26. Pronshtejn, A.P. *Velikij Novgorod v XVI veke: ocherk socialno-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii russkogo naroda* [Veliky Novgorod in the XVI Century: An Essay on the Socio-Economic and Political History of the Russian People], ed. M.N. Tikhomirov. Harkov, Harkovskij gosudarstvennyj universitet, 1957, pp. 3–7. (in Russ.)
27. Maslennikova, N.N. *Prisoedinenie Pskova k Russkomu centralizovannomu gosudarstvu* [The Incorporation of Pskov to the Russian Centralized State]. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1955, 196 p. (in Russ.)
28. Tihomirov, M.N. *Rossija v XVI stoletii* [Russia in the 16th Century]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1962, 584 p. (in Russ.)
29. Bazanov, M.A. Ot “moskvocentrizma” k “policentrizmu”: evolyuciya vzglyadov A.A. Zimina [From “Moscow-Centrism” to “Polycentrism”: The Evolution of A.A. Zimin Conception], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* = Bulletin of the Chelyabinsk State University, Ser. History, 2009, No. 4 (142), iss. 29, pp. 140–147. (in Russ.)
30. Zimin, A.A. *Oprichnina* (avt. predisl. A.L. Horoshkevich) [Oprichnina (Author’s Preface by A.L. Khoroshkevich)]. Moscow, Territorija, 2001, 447 p. (in Russ.)
31. Wachendorf, J. *Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Ščapov*. Köln, Universität zu Köln, 1964, 216 p.
32. Shchapov, A.P. *Velikoruskie oblasti i smutnoe vremya (1606–1613)* [Great Russia Regions and Time of Troubles (1606–1613)]. In: *Sochinenija A.P. Shchapova* [Works by A.P. Shchapov, vol. 1]. St. Petersburg, Izdatelstvo M.V. Pirozhkova, 1906, pp. 648–709. (in Russ.)
33. Bogatyrev, S. Localism and Integration of Muscovy. In: *Russia Takes Shape: Patterns of Integration from the Middle Ages to the Present*, ed. S. Bogatyrev. Helsinki, Academy of Sciences and Finnish Letters, 2004, pp. 59–127.
34. Chechenkov, P.V. *Nizhegorodskij kraj v konce XIV — tretej četverti XVI v.: vnutrennee ustrojstvo i sistema upravlenija* [Nizhny Novgorod Region at the End of the 14th — the Third Quarter of the 16th Century: Internal Structure and Administrative System]. Nizhnij Novgorod, Komitet po delam arhivov Nizhegorodskoj oblasti, 2004, 140 p. (in Russ.)
35. Bentsianov, M.M. “Knyazya, boyare i deti boyarskie”. *Sistema sluzhebnykh otnoshenij v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv.* [“Princes, Boyars and Boyar Children”. The System of Official Relations in the Moscow State in the XV–XVI Centuries]. Moscow, Centropoligraf, 2019, 351 p. (in Russ.)
36. Florya, B.N. O putyah politicheskoy centralizacii Russkogo gosudarstva (na primere Tverskoj zemli) [On the Ways of Political Centralization of the Russian State (On the Example of Tver Land)]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo feodalnoj Rossii* [Society and the State of Feudal Russia]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 281–290. (in Russ.)
37. Kivelson, V.A. *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. Stanford, Stanford University Press, 1996, 372 p.
38. Miller, A.I. Novaja istorija Rossijskoj imperii: regionalnyj ili situacionnyj podhod? [New History of the Russian Empire: Regional or Situational Approach?]. In: *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asiatic Russia: People and Structures of the Empire], ed. by N.G. Suvorova. Omsk, Omskij gosudarstvennyj universitet, 2005, pp. 7–23. (in Russ.)
39. Kivelson, V. *Kartografii carstva: Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 358 p. (in Russ.)
40. Horoshkevich, A.L. Otrazhenie predstavlenij o regionah gosudarstva vseja Rusi i Rossijskogo carstva v velikoknjazheskoj i carskoj titulature XVI v. [Representation of Regionalism in the

Grand Ducal and Royal Titles of the 16th Century]. In: *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen* [The History of Russia in the 16th and 17th Centuries from the Perspective of Its Regions]. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2004, pp. 102–127. (in Russ.)

41. Aleksandrov, V.A., Pokrovskij, N.N. *Vlast i obshchestvo. Sibir v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 401 p. (in Russ.)
42. Filyushkin, A. Why Did Russia Not Become a Composite State? *Russian History*, 2021, vol. 47, No. 3, pp. 201–223.

Кирпичников Иван Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, ivkirs@mail.ru

Ivan A. Kirpichnikov, PhD in History, Senior Researcher, St. Petersburg State University, ivkirs@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.08.2022. Принята к публикации 02.09.2022

The paper was submitted 15.08.2022. Accepted for publication 02.09.2022

ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Т.А. Белова, А.Л. Брицкая, А.А. Козлова, Т.Г. Лобова, О.А. Сивирина

Аннотация. *Статья посвящена проблеме становления системы российского самодержавия со времен монголо-татарского ига до XVIII–XIX веков. Авторы анализируют основные факторы, повлиявшие на возникновение особой системы правления в России, а также процесс эволюции абсолютной монархии. Большое внимание уделяется различным аспектам неограниченной монархии в России: от монгольского влияния и особенностей внешней политики до опоры монархии на такие социальные институты, как церковь и крестьянская община.*

Ключевые слова: *самодержавие, абсолютизм, монархия, крестьянская община, менталитет, Россия.*

Для цитирования: *Белова Т.А., Брицкая А.Л., Козлова А.А., Лобова Т.Г., Сивирина О.А. Традиции российского самодержавия // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 286–295. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-286-295*

TRADITIONS OF THE RUSSIAN AUTOCRACY

T.A. Belova, A.L. Britskaya, A.A. Kozlova, T.G. Lobova, O.A. Sivirina

Abstract. *The article deals with the issue of Russian autocracy system formation from the time of Mongol-Tatar yoke to the XVIII-XIX centuries. The authors analyze the main factors that influenced the emergence of a special system of government in Russia, as well as the process of evolution of absolute monarchy. Much attention is given to various aspects of unlimited monarchy in Russia: from the Mongol influence and peculiarities of foreign policy to the monarchy's reliance on social institutions such as the church and the peasant community.*

Keywords: *autocracy, absolutism, monarchy, peasant community, mentality, Russia.*

Cite as: *Belova T.A., Britskaya A.L., Kozlova A.A., Lobova T.G., Sivirina O.A. Traditions of the Russian Autocracy. Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 286–295. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-286-295*

Каждое государство имеет исторически сложившуюся форму правления, и в России это разные формы монархии: от раннефеодальной до абсолютной.

Сложность эволюции зависела от различных внутренних и внешних факторов, имеющих сходства и различия с европейскими и восточными государствами.

© Белова Т.А., Брицкая А.Л., Козлова А.А., Лобова Т.Г., Сивирина О.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

В результате в многочисленных исследованиях отечественных авторов все чаще встречается ставший для нас абсолютно привычным термин «самодержавие». Проблема самодержавия интересовала исследователей еще в XIX в.: что понимать под этим термином, всегда ли его значение было одинаковым, какие факторы повлияли на формирование такой системы управления страной, идентичны ли термины самодержавие и абсолютизм и многие подобные вопросы. Целью данной статьи является попытка проблематизации опыта политической власти в России в форме самодержавия.

Власть самодержца в управлении имеет тенденцию быть всеобъемлющей, и хотя государь почти всегда создает себя с помощью различных органов власти, он может вмешаться в любое время в деятельность помощников. Процесс рождения и становления абсолютной монархии охватывает несколько столетий и, безусловно, имеет свои отличительные особенности для разных государств, в том числе и для России. Трудно не согласиться с И. Солоневичем, который говорит об уникальности истории каждого народа, в том числе и русского, который имел свою собственную уникальную идентичность, отличную как от Европы, так и от Азии [1, с. 27].

Поэтому интересной является попытка проблематизации опыта политической власти в России в форме самодержавия с позиций методологических установок «аппликативной концепции цивилизации», которую предложил К.С. Пигров [2]. Последняя представляет собой герменевтический подход в «прочтении» и понимании феномена самодержавия не только и не столько как монархической формы правления, сколько как своеобразной системы представлений, смыслов и значений, которые придавались носителями культурной

традиции тому, что можно назвать реальностью, процессами складывания и институционализации государственной власти. Иначе говоря, речь идет о признании понимания «самодержавия», обусловленного конкретной культурно-исторической традицией, цивилизацией. С основой цивилизации связано производство, трансляция и усвоение (через различные формы и действие, через мироощущение) смыслов, которые обнаруживают себя в определенном времени (различные исторические эпохи в судьбе цивилизации) и пространстве (местопребывание цивилизации).

В нашем случае определяющим является признание связи процесса формирования и развития русской культурной и социально-политической, хозяйственной жизни и процесса складывания русской государственности. Тогда нужно говорить о самодержавии как феномене русской цивилизации. Данный шаг, согласно позиции авторов, позволяет, во-первых, уйти от традиционной историографической полемики вокруг прояснения «объективной» природы русского самодержавия и его типизации (от «азиатской деспотии» до специфичной формы монархической власти), включая поиск его специфических черт; во-вторых, приблизиться к пониманию причин страстного желания русской общественности реформировать, а затем свергнуть самодержавную власть. Притом, что достаточно длительное время эта форма государственного устройства устойчиво воспроизводилась, представляя собой незыблемую основу всей русской истории, по Н.Я. Данилевскому [3, с. 128], а также единственную силу, организующую «русский мир» и дисциплинирующую женственную «душу русского народа», по Н.А. Бердяеву [4].

Согласно обозначенной концепции, различные культурные феномены (включая социально-политические, в нашем

случае — самодержавную власть) конституируется и существует в разделяемых и воспроизводимых стереотипах, которые определяют действия «участников процесса». Одновременно эти же участники определенным образом интерпретируют и привносят в свое исполнение вариативность, таким образом конкретизируя эти смыслы и превращая их из идеалов культуры в реальный исторический процесс. Пока существует признание смыслов и готовность их исполнения, даже при условии влияния различного рода внешних обстоятельств, к этим смыслам (какими бы невероятными они ни были) будут относиться как к «объективной реальности».

Каково же само существование и осуществление смыслов в культурной традиции, в истории народа и государства; как они оказываются связаны с непосредственной исторической деятельностью? Представления о мире в целом, о социально-политическом порядке, различные социальные и культурные практики, создавая жизнь цивилизации, представляют собой особый баланс. С одной стороны этого баланса — рациональное: это та или иная господствующая или популярная в социальной среде идеология, текст политической программы, манифесты, указы. Все это создает и производит социальный порядок сообразно некой рационально заданной и сформулированной цели и соответствующих рационально обоснованных средств ее достижения. С другой стороны, цивилизация опирается на нерациональное (эмоциональное, невербальное, ускользающее от рационализации в обыденных и типично-привычных формах жизни), то, что зачастую обнаруживает себя в «менталитете»; то, что, например, Н.А. Бердяев называл «душой России», которая оказалась «непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений» [5, с. 39].

В этом контексте одной из первых является проблема идентификации самодержавия по отношению к другим формам монархии. Вопрос о соотношении абсолютизма и самодержавия был поднят славянофилами XIX в., которые считали, что абсолютизм характерен для европейских государств, а для России — традиционное самоуправление правителя в форме самодержавия. Эта идея активно обсуждалась в конце XIX и начале XX вв., но с победой марксистской идеологии на соотношение между этими терминами стали смотреть по-другому.

Некоторые исследователи допускали одновременное сосуществование двух форм государства при Иване Грозном, в частности самодержавие проявилось в опричнине, а сословно-представительная монархия — в государственной деятельности в целом [6, с. 265]. Однако другой исследователь этой проблемы (Д.Н. Альшиц) без всяких оговорок считает Ивана IV абсолютным монархом [7, с. 167]. А.Я. Аврех определяет абсолютизм как феодальную монархию, способную эволюционировать в буржуазную монархию. Но интересно отметить, что в абсолютной монархии существует сильная бюрократия, а самодержавие предполагает личную власть государя как личную ответственность, даже в случае делегирования его власти; в конечном итоге спрос будет исключительно с царя, а не с какого-либо ведомства или органа власти. Если вдуматься, Петр I действительно пытался сформировать государственную систему, которая могла бы действовать в его отсутствие, когда он занимался вопросами внешней политики. И одним из признаков абсолютизма является формирование бюрократии.

Однако большинство ученых, участвовавших в дискуссии, не поддержали эту позицию (Н.И. Павленко [8], А.Н. Сахаров,

Ю.Ю. Титов и другие). В.С. Покровский отметил, что в ходе обсуждения на страницах журнала «История СССР» не удалось принять ряд тезисов по проблемам самодержавия и абсолютизма в России (например, толкование некоторых правовых актов, объединение истории самодержавия и истории российского общества). Другой историк, Ю.П. Титов, отметил, что дискуссия на страницах журнала не привела к консенсусу среди историков по вопросам российского абсолютизма. Это вполне может быть связано с современным пониманием общества на определенном этапе развития как гораздо более сложного политического механизма, верховная власть которого не может быть определена одним термином, каким бы значительным он ни был. В этом смысле трудно не согласиться с К. Соловьевым, который считает «любую политическую систему результатом сложных социальных отношений, которые не ограничиваются конкретным термином» [9].

Существует точка зрения, например, представленная в работе Л.А. Тихомирова, что русские правители не могут быть преемниками и последователями татарских ханов в плане самодержавия — «ханата», потому что у них была качественно иная природа власти. Сами ханы такой властью не обладали, потому что она была родовой и основывалась исключительно на силе. Но в то же время русские правители сделали соответствующие выводы о том, чего не хватало татарской власти, сформировав собственную управленческую систему [10, с. 156].

Стоит отметить, что монгольскому наследию пришлось пройти сложный этап эволюции, связанный с чисто российскими политическими и идеологическими особенностями. Очевидно, что сразу после освобождения от монголо-татарского ига царь опирался на крупное боярство,

не обладавшее неограниченными полномочиями, поскольку на местах бояре-местники были практически полными хозяевами. Но уже в царствование Ивана Грозного ресурс власти был сосредоточен в его руках, хотя противостояние бояр наблюдалось почти во все время его правления. Ситуация отчасти вышла из-под контроля в Смутное время, когда на троне были случайные люди, самозванцы, иностранцы, но с приходом к власти Михаила Федоровича Романова и поддержкой его отца-патриарха ситуация стабилизировалась, и отношение к царю больше не менялось, по крайней мере со стороны народа, более того, именно у государя искали защиты от своеволия бояр и чиновников, служилых людей. Что касается представителей боярско-дворянской элиты, то им пришлось смириться с потерей власти, которую они имели во время недавних Смут.

XVII век был временем ослабления боярства как с экономической точки зрения (полная отмена местничества в 1682 г., слияние вотчины и поместья), так и с политической: постепенное ослабление влияния Боярской думы и создание органа, непосредственно подчиненного Царю (Приказ Тайных дел). Время Петра Великого и его преемников связано с дальнейшей трансформацией системы, основанной на формировании внутренней бюрократии, способной управлять страной как в период временного отсутствия монарха (активная внешняя политика Петра), так и в случае любого нежелания обременять себя сложными государственными вопросами (второй период правления Анны Иоанновны, когда императрица почти полностью делегировала свои полномочия Кабинету министров, иногда даже не просматривая государственные бумаги; или время Елизаветы Петровны, которая периодически

вмешивалась в управление страной, и большая часть вопросов передавалась на усмотрение доверенным лицам).

Несомненно, Русская Православная церковь сыграла значительную роль в становлении абсолютизма. Вопрос сакрализации верховной власти, конечно, всегда решался церковью, и Россия не была исключением. Формирование триединой системы самодержавия, православия и народности, сформулированной правительством, было во многом подготовлено деятельностью духовенства. Теоретическое обоснование значимости для государства помазанника Божия было постоянной задачей русских митрополитов и патриархов. Церковь всегда выступала за мощное и единое государство под властью сильного правителя, способствовала победам русского оружия над врагами (достаточно вспомнить благословение Сергия Радонежского перед Куликовской битвой или деятельность митрополита Гермогена в период Смуты). Не сомневаясь в авторитете Русской Церкви, монголы долгое время предоставляли ей особые права, и сами правители поддерживали духовенство. Достаточно вспомнить поддержку Иосифлян в XVI в. или реформу патриарха Никона в XVII в. С другой стороны, именно церковь способствовала укреплению царской власти: митрополит Макарий был главным инициатором и разработчиком плана венчания юного Ивана IV на царство, чтобы возвысить его над другими потомками великих князей, а также укрепить статус для развития внешнеполитических отношений. В то же время митрополит понимал, что сакрализация должна иметь внешнее выражение, поэтому тщательно разработал сценарий венчания на Царство. Позже это событие стало традиционным, очень торжественным и помпезным для всех русских царей и

императоров. Но не стоит забывать и о другой стороне отношений — о соперничестве царской и церковной власти: русская светская власть всегда стремилась реализовать византийский принцип «Царство выше священства», но к XVIII в. этот принцип сменился политикой, направленной на экономическое и политическое ослабление власти Церкви, что в то же время не означало отказа от ее идеологической поддержки.

Необходимо также принимать во внимание внешнеполитический аспект абсолютизма. Неограниченная монархия в России формировалась в условиях постоянной внешней угрозы, часто со стороны нескольких государств одновременно. Как правило, представителей католической Европы с одной стороны и восточных соседей — с другой. Это объясняет постоянные войны, которые носили в подавляющем большинстве оборонительный характер или были направлены на расширение необходимых границ государства не столько в экономических целях, сколько для выживания в конкуренции с Европой. В военных условиях принцип единоначалия доказал свое абсолютное превосходство, поэтому сильная монархическая власть была единственно возможным решением проблемы, учитывая, что российским правителям часто приходилось одновременно иметь дело с внутренними неурядицами, открытым неповиновением и претензиями на власть наряду с внешними врагами. Более того, многие современные отечественные авторы говорят о формировании в сложных внешнеполитических условиях идеи создания империи по принципу Византии, поскольку Россия неспроста считала себя третьим Римом. Это маскировало необходимость миссионерской работы по отношению к западным и восточным народам, которые были под властью

католиков или мусульман [11]. Тогда становится ясно, что существует потребность в сильной неограниченной власти для России, у которой нет реальных союзников, а только тактические альянсы, потому что в то время в мире не было других православных империй.

Таким образом, ни дореволюционные, ни советские, ни современные отечественные историки не выработали четкой дифференциации понятия самодержавия в России. Также нет официального однозначного понимания терминов «абсолютизм» и «самодержавие» (в части их сходства или различия). Часто историки считают, что эти термины взаимозаменяемы, но все же трудно представить себе абсолютную монархию Ивана III Великого или Ивана Грозного. Очевидно, что в данном случае есть некоторые принципиальные отличия от системы правления Петра Великого, хотя с точки зрения официальной идеологии государь по-прежнему был помазанником Божьим, единственным источником не только власти, но и высшей справедливости. Этому во многом способствовали внешние атрибуты: масштабные мероприятия, связанные с публичными событиями, царскими и императорскими отъездами, а также процесс коронации, традиционно проводимый в Московском Успенском соборе Кремля, величание дворцов, которые по богатству убранства и обстановки схожи с главными православными соборами.

И, конечно, было бы невозможно построить самодержавие без особого менталитета, который существовал в русском сообществе. Современные ученые, указывая на необходимые основы сильного государства, пишут, что главным фактором должна быть мощная автократия с сильным правителем с соответствующим уровнем авторитета, но что также важно, так это народ с сильной традицией

народной монархии [12, с. 57]. Общинное крестьянство оставило после себя многовековой опыт построения социальных отношений.

История общины уходит корнями вглубь веков, но после реформ 1860–1870 гг. не потребовалось и десятилетия, чтобы принять новые правила и положения о крестьянах, которые просто отменили те, которые еще не были введены в действие. В соответствии с реформой 1861 г. община была включена в административную систему страны как территориально, так и функционально. В целях унификации управления различными категориями крестьян (государственными, удельными, частными) и с учетом специфики регионов, а также форм собственности на землю законом была введена административная единица «сельское общество». Термин «община» был введен в литературу славянофилами и стал широко использоваться только в XX в.

Крестьянский «мир» исторически сочетал в себе оба права — созидательную и исполнительную функции. Выражая мнение сообщества, с одной стороны, «мир» скорректировал его в соответствии с законом. Поэтому в статьях «Общего положения о крестьянах» есть юридическая оговорка: «...если это соответствует местным обычаям» [13, с. 33]. К концу XIX в. оппозиция традиции начала расти, зажиточные крестьяне начали бороться с опекой мира, хотя средние слои деревни оставались верны «мировым» принципам. Община сохранила себя как общество, как природно-хозяйственный комплекс, как многофункциональный институт, который полностью определил жизнь крестьян в самодержавном мире.

Традиционное обсуждение историками и философами вопроса о специфике самодержавия в истории России, начиная еще со времен славянофилов,

обнаруживает трудность типологизации такой формы монархического правления, как русское самодержавие (соотношение терминов «самодержавие», «абсолютизм», «просвещенный абсолютизм»; социально-классовый подход при анализе данных дефиниций и определении отличительных черт европейской и русской государственности). Как и чем это можно объяснить? Сам по себе научный анализ представляет собой явную попытку рационализации и концептуализации данного явления на уровне теоретического знания. Это попытка «схватить» явление и представить его в виде абстрактной модели, «отвлеченной» от многочисленных своих вариаций, обусловленных разного рода историческими обстоятельствами. В этом случае историография представляет собой рациональный уровень отношения к смыслу. Ученые исследуют документальный образ самодержавия, представленный в официальных и неофициальных документах и практиках. Здесь можно обнаружить противоречие формы и принятых относительно нее воспроизводимых смыслов. Так, ряд исследователей отмечает, насколько не совпадают возможности европейского монарха, представителя «западного абсолютизма» и русского царя-самодержца или татарского хана и русского правителя. Однако это представление о русском самодержавии оказывается одним из возможных смыслов, который обнаруживает и воспроизводит сам себя на так называемом рациональном уровне. Речь идет и об именовании главы государства, (Самодержец, Царь-Самодержец, Император), и о сопутствующих этому политических ритуалах, об устанавливаемых социальных отношениях, а также популярной в неославянофильских кругах идеи реформирования самодержавия в начале XX в.

На внерациональном уровне самодержавие было «вплетено» не только в

религиозную жизнь, но и оказалось связано с особым отношением к личности царя, которая сакрализируется («царь-батюшка», который представляет и защищает интересы всех людей). Одним из ярких образов исторической памяти русского народа является принимаемая и разделяемая мифологема «Москва — Третий Рим», определяющая симфонию двух видов власти — духовной и светской, где последнюю олицетворяет единоличное политическое управление, которое мистифицируется и безоговорочно принимается. Кроме того, не следует забывать и те особенности «географии русской души», которые были отмечены в свое время Н.А. Бердяевым: «Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть, как бы трансцендентную для него» [5, с. 324]. Именно безграничное пространство и простор определили принятие чрезмерной централизации власти и упование на нее.

Однако со времен Петра I русское самодержавие столкнулось с русской бюрократией, которая, укоренившись в социально-политическом строе русской жизни уже в конце XX века в лице ряда чиновников (А.А. Половцев, П.А. Валуев), открыто признавалась в том, что «самодержавие, о котором так много толкуют, есть только внешняя форма, усиленное выражение того внутреннего содержания, которое отсутствует» [9, с 61]. Иначе говоря, самодержавие как смысл, определяющий социально-политический порядок, воспроизводится теперь уже не на всех уровнях власти, речь идет о постепенном усилении идеи и практики бюрократии — «министерской олигархии». Это приводит к ослаблению конституирующей социально-политическую практику идеи самодержавия, хотя на

уровне народного сознания образ «царя-ба-тюшки» все же не исчезает.

Но не стоит забывать, что разобчение «народа» и «дворянства», да и появление «чиновничества» (именно тех, кого следует назвать «носителями смысла») в результате петровских преобразований привело к тому, что Россия совмещала в себе «несколько исторических и культурных возрастов от раннего средневековья до XX в., от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры» [5, с. 330]. Традиционная мифологизация самодержавия постепенно потеряла свою актуальность и значимость. В определенных слоях общества она перестала воспроизводиться и быть определяющей, а значит, оказалась далекой от реальной политической практики, где одни (неославянофилы) пытались возродить самодержавие в изначальном идеальном виде, а другие — реформировать в соответствии с новыми политическими реалиями.

В целом процесс формализации самодержавной власти прошел длительный

период становления, связанный с победой монархических тенденций уже в Древней Руси, влиянием монголо-татарского ига, процессом сначала успешного сосуществования, а затем борьбы с ним, постоянными внешними угрозами с Востока и Запада, часто одновременно с несколькими врагами или коалициями, объединенными против России, периоды внутреннего противостояния правящего класса в форме феодальных войн или смут. Кроме того, Его величеству нужна была стабильная поддержка широких слоев населения или, по крайней мере, их спокойствие, отсюда и единство монархии и народа, отраженное в различных аспектах идеологии. Именно эта политическая система сопровождалась особыми отношениями с Русской Православной церковью, общинным укладом существования большинства населения и расширением территории страны до ее естественных границ, что не могло не способствовать успешной борьбе с постоянными внешнеполитическими угрозами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Солоневич, И.Л.* Народная монархия. М.: Институт российской цивилизации, 2010. 624 с.
2. *Пигров, К.С.* Созидающее слово, или цивилизация как констелляция смыслов // *Цивилизация: вызовы современности: сб. статей.* СПб.: СПбГУ, 2009. С. 244–258.
3. *Данилевский, Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
4. *Бердяев, Н.А.* О «вечно бабьем» в русской душе. URL: <http://http://www.vehi.net/berdyayev/hozapov.html> (дата обращения: 21.03.2022).
5. *Бердяев, Н.А.* Судьба России // *Философия свободы.* М.: Издательство «АСТ», 2002. 271 с.
6. *Черепнин, Л.В.* Земский собор Российского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
7. *Альшиц, Д.Н.* Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л.: Наука, 1988. 241 с.
8. *Павленко, Н.И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление. М.: Академия наук СССР, 1953. 536 с.
9. *Соловьев, К.А.* Идея самодержавия (конец XIX — начало XX века) // *Философия. Журнал высшей школы экономики.* 2018. Т. II. № 2. С. 48–69.
10. *Тихомиров, Л.А.* Монархическая государственность. М.: Облиздат, ТОО «Алир», 1998. 672 с.

11. Неронов, А.В., Неронова, М.У. Развитие русской идеи и Русского мира // *Философские науки*. 2019. № 3. С. 213–224.
12. Дугин, А.Г. *Евразийский реванш России*. М.: Алгоритм, 2014. 254 с.
13. Кучумова, Л.И. *Сельская община в России (вторая половина XIX в.)*. М.: Знание, 1992. 63 с.

REFERENCES

1. Solonevich, I.L. *Narodnaya monarhiya* [People's Monarchy]. Moscow, Institut rossijskoj civilizacii, 2010, 624 p. (in Russ.)
2. Pigrov, K.S. *Sozidayushchee slovo, ili civilizaciya kak konstellyaciya smyslov* [The Creative Word, or Civilization as a Constellation of Meanings]. In: *Civilizaciya: vyzovy sovremennosti* [Civilization: Challenges of Modernity: Collection of Articles]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2009, pp. 244–258. (in Russ.)
3. Danilevsky, N.Ya. *Rossiya i Evropa: vzglyad na kulturnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germanic-Romance]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2008, 816 p. (in Russ.)
4. Berdyaev, N.A. «*O vechno babem*» v russkoj dushe [About the «Eternally Feminine» in the Russian Soul]. Available at: <http://http://www.vehi.net/berdyaev/rozanov.html> (accessed: 21.03.2022). (in Russ.)
5. Berdyaev, N.A. *Sudba Rossii* [The Fate of Russia]. In: *Filosofiya svobody* [Philosophy of Freedom]. Moscow, AST, 2002, 271 p. (in Russ.)
6. Cherepnin, L.V. *Zemskij sobor Rossijskogo gosudarstva v XVI–XVII vv.* [Zemsky Sobor of the Russian State in the XVI–XVII Centuries]. Moscow, Nauka, 1978, 417 p. (in Russ.)
7. Alshic, D.N. *Nachalo samoderzhaviya v Rossii: gosudarstvo Ivana Groznogo* [The Beginning of Autocracy in Russia: The State of Ivan the Terrible]. Leningrad, Nauka, 1988, 241 p. (in Russ.)
8. Pavlenko, N.I. *Razvitie metallurgicheskoy promyshlennosti Rossii v pervoj polovine XVIII veka: promyshlennaya politika i upravlenie* [Development of the Metallurgical Industry in Russia in the First Half of the XVIII Century: Industrial Policy and Management]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1953, 536 p. (in Russ.)
9. Soloviev, K.A. *Ideya samoderzhaviya (konec XIX — nachalo XX veka)* [The Idea of Autocracy (Late XIX — Early XX Century)], *Filosofiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki* = Philosophy. Journal of the Higher School of Economics, 2018, vol. II, No. 2, pp. 48–69. (in Russ.)
10. Tikhomirov, L.A. *Monarhicheskaya gosudarstvennost* [Monarchical Statehood]. Moscow, Oblizdat, Alir, 1998, 672 p. (in Russ.)
11. Neronov, A.V., Neronova, M.U. *Razvitie russkoj idei i Russkogo mira* [The Development of the Russian Idea and the Russian World], *Filosofskie nauki* = Philosophical Sciences, 2019, No. 3, pp. 213–224. (in Russ.)
12. Dugin, A.G. *EvrAzijskij revansh Rossii* [Russia's Eurasian Revenge]. Moscow, Algoritm, 2014, 254 p. (in Russ.)
13. Kuchumova, L.I. *Selskaya obshchina v Rossii (vtoraya polovina XIX v.)* [Rural Community in Russia (The Second Half of the XIX Century)]. Moscow, Knowledge, 1992, 63 p. (in Russ.)

Белова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет, belova.t.a@mail.ru

Tatyana A. Belova, PhD in History, Associate Professor, Philosophy and Social Sciences and Humanities Department, Omsk State Medical University, belova.t.a@mail.ru

Брицкая Алена Леонидовна, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет, alena_britskaya@mail.ru

Alena L. Britskaya, Philosophy and Social Sciences and Humanities Department, Omsk State Medical University, alena_britskaya@mail.ru

Козлова Анна Александровна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, beigul-1@yandex.ru

Anna A. Kozlova, PhD in History, Associate Professor, Philosophy Department, Siberian State Automobile and Road University, beigul-1@yandex.ru

Лобова Татьяна Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет, lotogen@mail.ru

Tatyana G. Lobova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Philosophy and Social Sciences and Humanities Department, Omsk State Medical University, lotogen@mail.ru

Сивирина Ольга Александровна, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Омский государственный медицинский университет, osa.osma@mail.ru

Olga A. Sivirina, Philosophy and Social Sciences and Humanities Department, Omsk State Medical University, osa.osma@mail.ru

Статья поступила в редакцию 08.05.2022. Принята к публикации 29.07.2022

The paper was submitted 08.05.2022. Accepted for publication 29.07.2022

КОНФЛИКТ И СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАЦИИ В «СВЯЗАННОЙ ИСТОРИИ» ЕВРАЗИИ: проблема соотношения

О.Д. Шемякина

Памяти учителя И.Д. Ковальченко

Аннотация. Автор поставила перед собой цель наметить путь подхода к решению сложной исследовательской задачи: выявить соотношение феноменов конфликта и компромисса, их противоречивую взаимосвязь в историческом процессе в контексте «связанной истории» Евразии. Автор акцентирует внимание на том, что для того, чтобы достичь цели интеграции общества под своим началом, власть имущие должны не только создать гарантирующую их статус систему государственного насилия и жесткую иерархическую структуру управления, но и выработать стратегии компромисса с теми, кто стоит на других уровнях социальной пирамиды, а также с теми человеческими сообществами, которые маргинальны или автономны по отношению к власти. Автор считает, что стратегии компромисса опираются на структуры большой длительности и являются важнейшим фактором достижения и сохранения целостности социальных организмов самого различного характера в меняющихся исторических условиях. Среди подобных структур особо выделяется сложившаяся на протяжении тысячелетий система устойчивых контактов, прежде всего, многостороннего торгового обмена в рамках Великого шелкового пути. Контактных, в полной мере сохранивших своё значение в наше время.

Ключевые слова: конфликт, компромисс, управление многообразием, Великий шелковый путь.

296

Для цитирования: Шемякина О.Д. Конфликт и стратегии интеграции в «связанной истории» Евразии: проблема соотношения // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 296–306. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-296-306

CONFLICT AND INTEGRATION STRATEGIES IN THE “CONNECTED HISTORY” OF EURASIA: The Problem of Correlation

O.D. Shemyakina

In memory of my teacher I.D. Kovalchenko

Abstract. The author aims to outline a way to deal with a complex research problem which is to identify the relationship between the phenomena of conflict and compromise and their contradictory relationship in the historical process within the context of the

© Шемякина О.Д., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

“connected history” of Eurasia. O.D. Shemyakina focuses on the fact that in order to achieve the goal of integrating society under their rule, those in power must not only create a system of state violence guaranteeing their status and a rigid hierarchical management structure, but also develop strategies of compromise with those who stand at other levels of the social pyramid and with those human communities that are marginal or autonomous in relation to power. The author believes that strategies of compromise rely on structures of great duration and are the most important factor in achieving and maintaining the integrity of social organisms of various kinds under changing historical conditions. Among such structures, the system of sustained contacts developed over thousands of years, especially the multilateral trade exchange within the framework of the Great Silk Road stands out in particular. The contacts that have fully preserved their importance in our time.

Keywords: conflict, compromise, diversity management, the Great Silk Road.

Cite as: Shemyakina O.D. Conflict and Integration Strategies in the “Connected History” of Eurasia: The Problem of Correlation. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 296–306. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-296-306

Рассечение истории национальных государств на основании смены политических режимов или периодизация истории государств древности и Средневековья на основании смены династий привычны для исторического дискурса, категориальный аппарат которого насыщен понятиями, связанными с риском и насилием. Этот дискурс является вполне логичным способом упорядочивания событийной истории. Логичной является и значимость изучения публично-правовых актов в качестве одних из основных источников для изучения исторического процесса, ориентированного на дискретность. Акты определяют границы деятельности социальных институтов, правовой статус социальных групп, определяемых властью, границы политий, на которые распространяется данная власть. Власть порождает и гасит риски, опасные для общества, устанавливает отношения господства и подчинения как в собственных границах, так и вне их, формируя устойчивые геополитические конфликты.

«Ловушка Фукидида» — изящная метафора масштабных конфликтов, которые притягивают особое внимание историков

событийной истории. Она стягивает в одно смысловое поле конфликты древности и современности и является манифестом масштабной опасности, наступающей, когда набирающая силу держава соперничает с державой, в руках которой в это время находится власть, как это делали Афины в V веке до н. э. и Германия в конце XIX века. Большинство таких ситуаций соперничества оканчивались войной [1]. Модельной ситуацией являлись описанные Фукидидом Пелопонесские войны между Афинами и Спартой. Конфликт проходил стадии страха, вызванного поразительным подъемом Афин, угрозы, конкуренции, конфронтации и войны, которая разрушила оба государства [2, с. 252]. В ловушку попадали втянутые в конфликт стороны, и заканчивался он поражением втянутых в конфронтацию.

В настоящее время предметом горячих дискуссий является обсуждение вопроса о том, насколько вероятно этот сценарий будет реализован в отношениях США и Китая [там же, с. 252]. Интерес к этому виду конфликта продиктован масштабом взаимного разрушения, в котором логика соперничества порождает эскалацию

столь масштабного насилия, что возникает угроза нарастания хаоса рисков для человеческого сообщества, превосходящего по размерам конфликт первоначально втянутых в него сторон.

Логика развертывания конфликта и масштабного, и локального обнажает безусловность негативных последствий его эскалации, а вот для сознания исследователя эти негативные проявления человеческой деятельности (как ни парадоксально) являются комфортными из-за нахождения в зоне определенности. Ориентация в линиях разделения и противостояния сторон, завершения и исчерпывания конфликта создает иллюзию формальной ясности, не обремененную одновременным присутствием других тенденций, противоположных, например, когда общественные силы действуют в логике стратегии интеграции или дискурса единения, являющихся такой же онтологической реальностью, как и конфликт. Сознание исследователя, осуществляющего процедуры переплетения разных тенденций, погруженного в динамичный круговорот культурных связей и трансферов [3], может быть травмировано неизбежной путаницей, потому что однозначного ответа в этой исследовательской позиции быть не может. Динамичность онтологической ситуации является адекватным отражением, например, взаимодействия обновляющегося конфликта и действия инерции структур большой длительности, связанных с потребностью снижения рисков и перевода их в разряд управляемых.

Военные конфликты на территории Евразии с древнейших времен приводили к масштабному перекраиванию границ, усложняя полиэтничный состав новых территорий, увеличивая многообразие правовых традиций, создавали неизбежность сосуществования различных религиозных систем. Удерживание власти на

больших территориях ставило задачу выстраивания последовательных мер по централизации власти — от строительства дорог и фортификационных сооружений до централизации управления — в Персии, например, контроль достиг такого уровня, что регулировалось даже расположение отдельных прилавков на рынках и базарах [4, с. 88].

Масштабы территориальной экспансии, многообразие человеческих миров, включенных в политику, были таковы, что управление этим многообразием, несмотря на стремление к централизации, неизбежно было обречено на поиск компромисса с рассыпающейся множественностью человеческих миров, необходимого, чтобы удержать власть. Как ни парадоксально, но частотность и длительность конфликтов порождали противоположную тенденцию — поиска стратегий интеграции или, иными словами, дискурса единения. А это означало поиск разнообразных форм компромисса: от системообразующих до локальных и казуальных. Ключевым признаком раннеисламского периода и важной составляющей его успеха было сосуществование конфессий. Легкость нового режима проявилась и в вопросах управления. «Монеты римской чеканки использовались еще несколько десятилетий после завоевания наряду с новыми, внешне напоминавшими прежние. Также в целом остались нетронутыми и действующие правовые системы. Целый ряд существующих норм был позаимствован завоевателями, включая правила в вопросах наследования, приданого, клятв, браков, а также поста. В ряде случаев правители и чиновники в бывших сасанидских и римских владениях оставались на своих местах» [там же, с. 129]. Завоеватели оказались в меньшинстве, это означало, что сотрудничество с местным населением стало насущным вопросом [там же, с. 129].

Можно также в этой связи вспомнить напряженную, парадоксальную в своих неожиданных разворотах историю персидской ереси, манихейства, зона подпольного распространения которой доходила до Испании на западе и Китая на востоке и которая даже пришла на некоторое время к власти в Центральной Азии, в царстве уйгуров [5, с. 26]. «Мани, уроженец Месопотамии и сын приверженца иудео-христианской секты элкаситов, писавший по-арамейски и по-персидски, казненный около 277 г. сасанидским царем Бахрамом I <...> воспринял и зороастрийские, и буддийские воздействия, но решающим, пожалуй, оставался импульс, полученный им от сирийского христианства в достаточно характерной и распространенной “энкаритской” версии» [там же, с. 23–26].

В данном случае акт насилия, совершенный властью, не остановил, несмотря на ее ориентацию на зороастрийскую элиту и духовное противостояние, широчайший отклик, принятия огромным количеством людей того, что было в самом сердце и христианства, и буддизма, и зороастризма — их эзотерике [там же, с. 26]. Конфликт не только не отменил, но и породил стремление гонимых к поиску единства сердцевин смыслов религиозных систем Востока. И это была не просто «иранская ересь», а дискурс единения величайших религий Азии. Так логика борьбы за власть стала катализатором обретения духовного единства народов Ближнего Востока. А стабильность власти укоренялась за счет того, что люди, преследующие трансцендентные цели, на какое-то время становятся для власти безопасными.

Можно обратиться в качестве локального примера и к сцене примирения с вогульскими князьями. В данном случае инициатива дискурса единения исходила

от власти. «Церемония примирения состоялась 31 декабря 1484 года в городке Усть-Вышь — резиденции пермского владыки Филофея. Она представляла собой довольно странное зрелище. Под сумрачным взглядом епископа лесные люди, а вслед за ними и русские трижды обошли вокруг елки, увешанной сделанными из бересты священными жабами. Под елкой на медвежьей шкуре вогуличи разложили две сабли, рыбу и хлеб. Русские, чтобы ненароком не оказаться в роли идолопоклонников, водрузили на елке крест <...>.

В конце церемонии обе стороны в знак верности договору «с золота воду пили» <...>. Впрочем, будущее показало, что каждая сторона по-своему понимала условия договора.

Поверив в окончательное покорение Югры, Иван III с 1484 года включил в свой официальный титул имя владетеля Югорского» [6, с. 174].

В этом фрагменте присутствуют разные временные схемы, соответствующие разным подсистемам общества — политической и культурной. Если первая имеет четкую хронологическую ориентацию (дата изменения титулатуры), то вторая началась ранее и продолжилась дальше. В ней накапливались множественные точки начала, давшие жизнь такому феномену, как Азиатская Россия. В результате дальнейшего движения на восток появилась особая человеческая реальность, в которой воплотился уникальный опыт взаимодействия с автохтонными культурами. История повседневности дает возможность улавливать этот процесс как длительный, позволяет корректировать возможность применения таких понятий, как лимитроф (граница между варварским миром и цивилизацией), или фронт-тир, который появился в результате обобщения американского опыта колонизации. Дискурс единения, позволяющий создать

стабильность, может быть направлен на гегемонию власти, но в отличие от насилия ориентирован на нахождение баланса между принуждением и консенсусом [7, с. 15–17].

Длительное пребывание отечественных исследователей в марксистской парадигме не способствовало потребности перестраивать исследовательскую оптику. Привычно было изучать проблемы власти в рамках нормативных документов, не совмещая их с общественной практикой, в которой раскрывалась возможность их реального воплощения [8, с. 272–289]. Так, жесткие меры наказания в Московском царстве в отношении лиц, проигравших в местническом конфликте, часто не приводились в исполнение, как доказала в своей монографии Н. Коллманн. Эта стратегия имела своей целью адаптацию элиты к власти, сделать коммуникацию между общественными силами более гибкой и управляемой, реализуя метафору власти как семьи, в которой царь «печалуется», «кручинится» о своих подданных.

Нормативные акты дискретны, а метафоры власти относятся к структурам большой длительности. В средневековом праве возможность отмены действия нормы была такой же нормой, как и сама норма. Эта логика воспроизводилась и в другое историческое время, когда появлялась необходимость «приручения» тех или иных общественных сил. Тогда в реализации политической воли обнаруживалась способность к «отеческой заботе», которая была непредсказуема, но эффективна: реализации этих сценариев власти сложнее сопротивляться.

Власть создавала ситуацию управляемого хаоса, манипулируя элитой, сама также приспособляясь к хаосу многообразия в управлении локальными сообществами. Это видно на примере

создания земских институтов, когда власть искусно вмешивала в традиционные институты самоуправления, также относящихся к структурам большой длительности, своих представителей [9]. Стабильность, необходимая для достижения правительственным институтом своих целей, достигалась сознательным манипулированием архаичными структурами в целях реализации актуальных политических интересов.

Что объединяет приведённые примеры, относящиеся к столь разным человеческим мирам? Конфликт ситуативен, зависит от множества конъюнктур, а дискурс единения вырастает из структур большой длительности — привычки к посредничеству арабов, которые завоевывали народы, двигаясь по торговым путям; родовому началу власти в истории русского государства, устойчивой роли локальных миров с их традициями самоуправления, необходимости взаимодействия с архаикой в процессе колонизации огромных территорий в истории России и поиску элементов религиозного опыта, способного к диалогу на этом пространстве; потребности в аскезе и эзотерике народов Ближнего Востока, в полной мере познавших горечь одиночества в подавляющих личностей политиях Востока — стабильность в данной ситуации обреталась в автономии от брэнного бытия.

К структурам большой длительности относится не только социальная история, но и естественная. По мнению Х. Йордхайм, в современных условиях возрастает интерес не к мультитемпоральным историческим процессам самим по себе, а к множественности времен, пересекающих границы природного и исторического мира [10]. Новая историография, по мнению исследовательницы, должна быть включена в масштабную теорию, способную охватить множество уровней существования

и темпоральных шкал, в рамках которых историческое время людей переплетается с историческим временем скальных пород и отложений, и тогда у нас появится больше возможностей соединиться с природным целым [там же, с. 115]. Идея «прогресса» постепенно теряет значительную часть своего объяснительного потенциала. «Неожиданно самые глубокие, медленные и потому ранее не привлекавшие к себе внимание слои выходят на поверхность и приобретают характер событий — погодные катаклизмы и природные катастрофы, повышение уровня углекислого газа в атмосфере и соответствующие политические решения или отсутствие таковых» [там же, с. 113].

Поэтому «на сцену возвращаются и другие хронологии — био-, гео- и космохронологии, способные подчинить человека масштабам, ритмам и деятельности природы» [там же, с. 114].

В нашей теме естественная история играла и продолжает играть огромную роль. Евразийский широтный коридор степей, пустынь и полупустынь, соединяющий страны Леванта и Китая, стал основой беспрецедентной в мировой истории ландшафтной оси, пронизывающий Восток и Запад и ставший предпосылкой динамизации социальной жизни континента [11]. Номадизм может быть рассмотрен во множестве социальных проекций. Вызовы воинственных кочевников политиям древности и средних веков требовали ответов — мобилизации огромных армий и военных походов, а также развития многообразной этнодипломатии и установления обширной торговой сети, ставшей логистической основой континентальной экономики, а также транзитом идей и технологий.

Номадизм как социальное явление появился в результате перемещения людей и товаров, а оно было невозможно без

включения в оседлые общества общин этнически чуждых им номадов, занятых широким спектром «кочевых» занятий. Главными объектами деятельности и ресурсами номадов были люди, которым они предлагали посреднические услуги, а не природа. Движение было связано не только с деятельностью особой категории людей, которые специализировались на посредничестве.

Евразийский коридор был зоной сверхинтенсивных контактов, динамизирующих контуры социальной жизни оседлого населения, включенного также в процессы обмена, взаимодействия разных религиозных традиций и влияния множества локальных принадлежностей. Оседлое население, постоянно испытывавшее давление как со стороны народов, ведущих кочевой образ жизни, так и со стороны особой категории людей, основным занятием которых было посредничество, и само было вынуждено постоянно меняться. Процесс идентификации носил текучий характер, находясь в процессе постоянного обновления и смены [12, с. 235–236]. Переход с одной семиотической системы к другой был характерен и для взаимодействия языков, породивших особую культуру перевода, действующую вдоль торговых маршрутов [5, с. 3–50; 13, с. 712–734].

В современном нам мире константы, определившиеся в процессе освоения трансконтинентальных торговых путей, продолжают действовать. Древние сухопутные маршруты имеют отношение к транспортной логистике программы «Один пояс и один путь». Реализация этой программы будет означать возможность создания новой альтернативной глобализации. Различия и различения как необходимые элементы процесса идентификации в историческом ядре шелкового пути постоянно меняют свои очертания. Они прозрачны, поскольку люди их

преодолевают, превращаясь из «своего» в «чужого» и наоборот [12, с. 236]. Торговля шелком потеряла свою актуальность, но номады, воспитанные в традициях посредничества, остались и преодолели континентальные границы. Непропорционально высокому представительству армян и евреев в бизнесе и свободных профессиях Европы и Ближнего Востока соответствует роль китайцев в Юго-Восточной Азии, парсов в Индии, индийцев в Африке и ливанцев в Латинской Америке и на Карибских островах [14, с. 50–54].

И это дает нам основание для утверждения, что в широтном коридоре Евразии действовали структуры большой длительности, связанные с номадизмом как с движением товаров, людей, идей и технологий в физическом пространстве, а также с движением в сфере сознания, текучей идентичностью, изменчивой и ситуативной.

Конфликты на территории Евразии (как внутренние, так и внешние) невозможно рассматривать вне контекста этого широтного коридора, который подчинял социальность своей логике. Войны, масштабное перекраивание границ, строительство дорог представляли собой этатистский проект осваивания пространства, а вот перемещение людей, товаров и технологий подчинялось особой логике осваивания пространства, которая складывалась веками и была связана с глубоким осваиванием ресурсов территорий, через которые проходил этот коридор. Этот вид взаимодействия с пространством был трансграничен по отношению к отдельным политиям и связан с универсальными ценностями. Масштабное, глубокое освоение ресурсов, находящихся за тысячи километров от дома, но доступных благодаря неустанному движению номадов, формировало особую культуру потребления населения Евразии, для которой разнообразие предметов

потребления становилось рутинной привычкой. Игры обмена, в которых участвовали люди и вещи, рождали материальную культуру, в которой история народов становилась связанной [15]. Статус торговца и торговли даже в условиях конфликтов был особый. Он выпадал из логики политической конъюнктуры и находился в другом временном потоке по сравнению с дискретной политической историей. Так, Питер Франкопан приводит в качестве примера мнение испанского путешественника Ибн Джубайра о том, что пламя раздора горело на Святой земле между христианами и мусульманами, когда дело касалось политики и войн, но, когда речь заходила о торговле, путешественники передвигались беспрепятственно.

«Купцы могли быть уверены в своей безопасности независимо от их вероисповедания и от того, мирное время или военное. Это, как писал Ибн Джубайр, было следствием налаженных деловых контактов. Взаимные налоговые соглашения и суровые наказания за их несоблюдение обеспечивали сотрудничество [4, с. 211]. А крестоносец Эдуард I, король Англии, посетивший Святую землю в 1271 г., пришел в ужас от увиденного. Его «потрясли венецианцы, которые не только торговали с неверными, но и поставляли им материалы для создания осадных машин, которые затем использовались против христианских городов и крепостей» [там же, с. 239]. Обеспечение скорости передвижения, которую давал контроль за Шелковым путем, обеспечивало доступ к информации, идеям и технологиям, которые можно было перенять и использовать за тысячи километров от родного дома. Впоследствии в Азии возникли совершенно иные связи. Сеть охватывала не только города и оазисы, но и трубопроводы, которые соединяли скважины с Персидским заливом и со Средиземноморьем.

Если тонны специй были объектом потребления, включая массовое, то элитарное потребление нужно отметить особо. Предметы роскоши, связанные с высокохудожественной обработкой тканей, металла, драгоценных и полудрагоценных камней, были вещным и визуальным фиксированным способом утверждения иерархии, являющейся основой миропорядка, который был экстерриториален с точки зрения принадлежности к той или иной политике. Задачей государства было лишь стремление регулировать элитарное потребление. Достаточно вспомнить законы против роскоши в Византии [16]. Причем необычность обрабатываемого материала, его выдающиеся визуальные свойства только усиливали значение экстерриториальности — редкое, далекое, принадлежащее ограниченному кругу лиц. В результате на этом широтном поясе появился культурный фонд, принадлежащий и Европе, и Азии, определивший судьбы континентального искусства, в котором две части света были связаны в единое пространство.

Ингредиенты для красителей, используемых в живописи, привозили из Азии. Очень часто такие красители называли *oltremare de venesia*, то есть заморские венецианские товары. «В их число входили ярь-медянка, киноварь, пажитник, свинцово-оловянный желтый, жженая кость и сусальное золото. Самым продаваемым из них был глубокий синий, который получали из лазурита, добываемого в Центральной Азии. Представители золотого века европейского искусства — Фра Анджелино и Пьеро делла Франческа в XV в., а затем такие художники, как Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэль и Тициан, — своей возможностью использовать цвета, полученные из таких красителей, во многом обязаны расширению контактов с Азией [4, с. 266].

На керамическое производство в Харлеме, Амстердаме, Делфте большое влияние оказали предметы, импортируемые с Востока. «Доминировали китайские визуальные темы, а также характерные бело-голубые орнаменты. Они были разработаны столетиями ранее гончарами Персидского залива, а затем стали настолько популярны в Китае и Османской империи и так широко распространились, что стали отличительной чертой и голландской керамики в том числе. Имитация — не только высшая форма лести, но и способ приобщения к мировой материальной культуре, которая теперь соединяла Северное море с Индийским и Тихим океанами [там же, с. 345].

Совершенно очевидно, что список примеров можно бесконечно расширять, я сознательно остановилась на тех примерах из блестящей монографии П. Франкопана, в которых связи настолько глубоко впитаны в материальную культуру, что истоки влияния не видны на поверхности.

В сложных религиозных системах евразийского пространства было важным отделение сакрального от профанного, воплощенное в особой вещной среде. Их эстетика была вынесена из мира обыденности. Это в элементарных формах религиозной жизни мистическая сила была рассеяна в неисчислимом множестве вещей [17, с. 324]. Священные предметы, причастные этой силе, могли быть самыми ничтожными: в падающей капле дождя, снопе жатвы [там же, с. 343]. Культ сложных религиозных систем создавал вещную среду поражающей красоты, уносящей человека из рутины повседневности. Богатейшие ресурсы евразийского пространства (красители, металлы, драгоценные камни, редкие породы дерева, шелк и т. д.) давали неограниченные возможности материального воплощения мастерам, говорящим на сотнях языков и

работающих с материалом, привезенным за тысячи километров от места отправления культа. В качестве одного из примеров можно привести словник словаря предметно-бытовой лексики древнерусского языка [18].

Связанная история евразийского пространства изучает длительные человеческие потребности, сформированные на большом географическом пространстве,

которое невозможно расцезать на дискретное время политической истории. И она спасает от искушения искать прежде всего ловушки Фукидида — человеческая история продолжается, преодолевая конфликты, опираясь на огромное разнообразие структур большой длительности, аккумулирующих позитивный опыт человечества — они держат любую систему, управляя рисками и предохраняя ее от распада.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Allison, G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston–New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p.
2. Глянц, М.Г., Росс, Р.Дж. *Один пояс и один путь. Долгий марш Китая в 2049 год*. М.: Международные отношения, 2021. 264 с.
3. Вернер, М., Циммерманн, Б. *После компаратива: histoire croisée и вызов рефлексивности // Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59–90.
4. Франкопан, П. *Шелковый путь: дорога тканей, рабов, идей и религий: 2-е изд.* М.: Эксмо. 2021.
5. *От берегов Босфора до берегов Евфрата // Антология ближневосточной литературы I тысячелетия н. э. / перев., предисл. и коммент. С.С. Аверинцева*. М.: МИРОС, 1994. 349 с.
6. Борисов, Н.С. *Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова, или в 7000 году от Сотворения мира*. М.: Академический проект, 2017. 395 с.
7. Bailey, F.G. *Gifts and Poison: The Politics of Reputation*. N.Y., 1971.
8. Коллманн, Н.Ш. *Соединенные честью Государство и общество в России раннего нового времени*. М.: Древлехранилище. 2001. 459 с.
9. Богословский, М. *Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.* М.: Синодальная типография, 1909.
10. Йордхайм, Х. *Множественное время и стратиграфия истории // Логос*. Т. 31. № 4. 2021. С. 95–118.
11. Даймонд, Дж. *Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ / пер. с англ.* М. Колопотина. М.: АСТ, 2010.
12. Абашин, С.А. *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*. СПб.: Алетейя, 2007. 304 с.
13. Эспань, М. *История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц.; под общ. ред. Е.Е. Дмитриевой; вступ. статья Е.Е. Дмитриевой*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.
14. Слезкин, Ю. *Эра Меркурия. Евреи в современном мире*. М.: АСТ, 2019. 512 с.
15. Бродель, Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 3: *Время мира*. М.: Прогресс. 1992. 679 с.
16. Пигулевская, Н.В. *Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв.* М.: АН СССР, 1951. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=68551> (дата обращения: 15.08.2022).

17. Дюркгейм, Д.Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Изд дом «Дело»: РАНХиГС, 2018. 732 с.
18. Лукина, Т.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка XI–XIV вв. М.: Наука, 1990. 176 с.

REFERENCES

1. Allison, G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston–New York, Houghton Mifflin Harcourt, 2017, 384 p.
2. Glyantz, M.G., Ross, R.J. *Odin poyas i odin put. Dolgij marsh Kitaya v 2049 god* [One Belt and One Way. The Long March of China in 2049]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021, 264 p. (in Russ.)
3. Verner, M., Zimmermann, B. *Posle komparativa: histoire croisée i vyzov reflektivnosti* [After the Comparative: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity], *Ab Imperio*, 2017, No. 2, pp. 59–90. (in Russ.)
4. Frankopan, P. *Shelkovyy put: doroga tkanej, rabov, idej i religij* [Silk Road: The Road of Fabrics, Slaves, Ideas and Religions]. Moscow, Eksmo, 2021. (in Russ.)
5. *Ot beregov Bosfora do beregov Evfrata* [From the Shores of the Bosphorus to the Banks of the Euphrates]. In: *Antologiya blizhnjevostochnoj literatury I tysyacheletiya n. e.* [Anthology of Middle Eastern Literature of the First Millennium of the New Era]. Moscow, Moskovskij institut razvitiya obrazovatelnyh sistem, 1994, 349 p. (in Russ.)
6. Borisov, N.S. *Povsednevnyaya zhizn srednevekovoj Rusi nakanune konca sveta: Rossiya v 1492 godu ot Rozhdestva Hristova, ili v 7000 godu ot Sotvoreniya mira* [Everyday Life of Medieval Russia on the Eve of the End of the World: Russia in the Year 1492 of the Birth of Christ, or in the Year 7000 of the Creation of the World]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2017, 395 p. (in Russ.)
7. Bailey, F.G. *Gifts and Poison: The Politics of Reputation*. N.Y., 1971.
8. Kollmann, N.Sh. *Soedinennye chestyu Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego novogo vremeni* [The Honor-United State and Society in Early Modern Russia]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2001, 459 p. (in Russ.)
9. Bogoslovskij, M. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v.* [Zemstvo Self-Government in the Russian North in the XVII Century]. Moscow, Sinodalnaya tipografiya, 1909. (in Russ.)
10. Jordheim, H. *Mnozhestvennoe vremya i stratigrafiya istorii* [Plural Time and Stratigraphy of History], *Logos = Logos*, vol. 31, No. 4, 2021, pp. 95–118. (in Russ.)
11. Dajmond, J. *Ruzhya, mikroby i stal: istoriya chelovecheskih soobshchestv* [Guns, Microbes and Steel: The History of Human Communities]. Moscow, AST, 2010. (in Russ.)
12. Abashin, S.A. *Nacionalizmy v Srednej Azii: v poiskah identichnosti* [Nationalisms in Central Asia: In Search of Identity]. St. Petersburg, Aleteja, 2007, 304 p. (in Russ.)
13. Espagne, M. *Istoriya civilizacij kak kulturnyj transfer* [The History of Civilizations as a Cultural Transfer], ed. by E.E. Dmitrieva. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 816 p. (in Russ.)
14. Slezkin, Yu. *Era Merkuriya. Evrei v sovremennom mire* [Era of Mercury. Jews in the Modern World]. Moscow, AST, 2019, 512 p. (in Russ.)
15. Braudel, F. *Materialnaya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3: Vremya mira* [Material Civilization, Economy and Capitalism, XV–XVIII Centuries, vol. 3: Time of the World]. Moscow, Progress, 1992, 679 p. (in Russ.)

16. Pigulevskaya, N.V. *Vizantiya na putyah v Indiyu. Iz istorii trgovli Vizantii s Vostokom v IV–VI vv.* [Byzantium on the Way to India. From the History of Trade Between Byzantium and the East in the IV–VI Centuries]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1951. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=68551> (accessed: 15.08.2022). (in Russ.)
17. Durkheim, D.E. *Elementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia]. Moscow, Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby, 2018, 732 p. (in Russ.)
18. Lukina T.N. *Predmetno-bytovaya leksika drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.* [The Subject-Everyday Vocabulary of the Old Russian Language of the XI–XIV Centuries]. Moscow, Nauka, 1990, 176 p. (in Russ.)

Шемякина Ольга Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, кафедра истории России до начала XIX века, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, shemyakinx3@gmail.com

Olga D. Shemyakina, PhD in History, Researcher, History of Russia before the Beginning of the XIX Century Department, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University, shemyakinx3@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.08.2022. Принята к публикации 02.09.2022

The paper was submitted 15.08.2022. Accepted for publication 02.09.2022

«АФРИКАНСКИЙ» ЛОНДОН: топографический очерк (XVI – начало XX века)

Е.В. Блинова

Аннотация. В статье представлен процесс формирования топографии «африканского» Лондона. Лондон, столица крупнейшей метрополии, на протяжении веков принимая большие потоки людей извне, вместил немалое число африканцев. Источники о местах их расселения в британской столице немногочисленны, в них не отражена детальная информация, а сами африканцы нередко были включены в общий корпус «черных» без какого-либо различия. Наиболее информативными источниками являлись записи церковных приходов Лондона, материалы личного происхождения, а с XIX в. — документы статистики, фотодокументы. Расселение африканцев происходило пропорционально эволюции их статуса. Их диверсификация, напрямую связанная с уровнем образования и освоением ими новых профессий, проецировалась на топографию города: профессионалы закрепились в центральных районах, беднота освоила восточную часть города, африканцы, занятые в сфере услуг, проживали во многих районах британской столицы.

Ключевые слова: «африканский Лондон», африканцы, топография, районы Лондона, источники формирования топографии «африканского» Лондона.

Для цитирования: Блинова Е.В. «Африканский» Лондон: топографический очерк (XVI – начало XX века) // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 307–317. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-307-317

THE “AFRICAN” LONDON:
Topographic Chronicles (XVI – Early XX Centuries)

307

E.V. Blinova

Abstract. The article presents the process of topographical formation of “African” London. Over the centuries as a capital of the world’s largest metropolis, London has hosted large flows of people from outside; these included a considerable number of Africans. Sources describing their habitat surroundings in the British capital are limited in number, they do not reveal much detailed information, and the Africans themselves were frequently included in the general category of all “blacks” of London. The most informative sources were London church parish records, materials of private origin and from the XIX century — statistical and photographic records. The settlement geography of Africans in London was proportional to the evolution of their status in the society. Their diversification, directly related to the level of education and their development of new professions, was projected onto the topography of the city:

© Блинова Е.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

professionals gained a foothold in the Central districts, the poor mastered the Eastern part of the city, Africans employed in the service sector settled throughout the British capital.

Keywords: “African” London, Africans, the topography, districts of London, sources of topographical formation of “African” London.

Cite as: Blinova E.V. The “African” London: Topographic Chronicles (XVI — Early XX Centuries). *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 307–317. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-307-317

Лондон — «глобус многих наций» — мегаполис, отличающийся этническим и расовым многообразием [1, с. 805]. Его облик формировался в ходе столетий. Город рос за счет миграционных процессов. История топографии «африканского» Лондона как части истории самого Лондона — столицы Англии (империя, метрополия) — встроила его в некий хронотоп, обеспечивший возможность исследования формирования облика города с учетом взаимосвязи и взаимозависимости комплекса временных и пространственных характеристик.

Изучение расселения африканцев по Лондону неразрывно связано с эволюцией их статуса. Анализ сферы занятий, социального положения и настроений позволяет выявить не только механизм самореализации африканцев в городе, но и ареалы их расселения по территории британской столицы, изначально, воспринимавшейся ими как “terra incognita”. Различия в статусе накапливались веками. Диверсификация африканцев, напрямую связанная с освоением ими

новых профессий, отразилась в топографии города.

Африканцев в Лондоне в XVI в. насчитывалось по некоторым данным около 300 человек [2]. Реально их было больше. Сведения об их численности не фиксировались английскими властями. В отношении к черным маврам¹ проявляли терпимость — никто не препятствовал их обустройству.

Национальный архив Великобритании хранит уникальную запись рола лондонского казначейства о том, что в ноябре 1507 г. был зафиксирован первый платеж в размере 20 шиллингов Джону Блэнку [4] — черному трубачу, прибывшему в Лондон в составе свиты Екатерины Арагонской (1484–1536) в 1501 г. предположительно из Испании. Дж. Блэнк состоял на королевской службе в качестве трубача в придворном оркестре и являлся одним из участников Вестминстерского турнира 1511 г.², что нашло отражение в списке Большого рола³ турнира Вестминстера (1511 г.), где он упомянут дважды как африканский трубач в составе духового

¹ Словами “moor” (мавр), “blackamoor” (африканец, эфиоп, негр) обозначали всех выходцев из Западной Африки. С XVI в. выражения прочно вошли в разговорный английский язык, обрели значение нарицательных, лингвистически встав в один ряд с понятием “englishman” (англичанин) [3, с. 4–5].

² Английский исследователь Сидней Англо провел анализ записей Джона Хэрона, сотрудника казначейской палаты, отвечавшего за выдачу заработной платы участникам фестивалей Генриха VII, и пришел к выводу, что черный трубач, фигурирующий как в казначейском роле 1507 г., так и в Вестминстерском турнире 1511 г. являлся одним и тем же лицом, а именно африканцем Дж. Блэнком [5, с. 42].

³ Вестминстерский турнирный свиток, составленный в память турнира 1511 г. в Вестминстере. Он представлял собой длинную ленту из подклеенных один к другому листов, которые сворачивались в свиток (рол).

оркестра и зарисован [6, т. 1, с. 98–99; т. 2, с. 3–5, 26–28] (случай едва ли не единственный!). О том, где проживал черный трубач, точно неизвестно, но предположительно он мог иметь квартирование по месту своей службы в Вестминстерском дворце (Вестминстер).

Наличие пажа-африканца в семьях лондонской аристократии, привязывало его к аристократической семье хозяина. Определить ее местоположение на карте Лондона не представляет больших сложностей. Елизавете I (1558–1603) в последней четверти XVI в. прислуживал африканский паж, а 3-й граф Дерби⁴ (1509–1572) в 1569 г. имел черного слугу [7, с. 177]. Соответственно можно говорить о дворце Уайтхолл⁵ (Вестминстер) и небольшом доме Дерби — Гровнохаус на Гросвенор стрит в Лондоне⁶ в районе Мейфэр.

Основным источником информации об африканцах на протяжении столетий являлись записи церковных приходов Лондона. Как правило, африканцы и их хозяева жили в границах прихода, что дает возможность составить топографическую карту их расселения по городу. В приходах велся учет рождаемости, крещений, браков, смертей. Графы, регистрирующие профессию, место жительства и прочие уточнения, редко учитывали африканцев. Более полно подобную информацию в приходах (не во всех) начали фиксировать на исходе XVIII в. [8, с. 35–38].

Сведения о рождаемости и смерти практически отсутствовали. В брачных записях не учитывалась этническая принадлежность. Считалось, что «цветной» брак

не противоречил английским нормам права, и делать акцент на происхождении жениха и невесты не имело смысла [9, с. 125]. Хотя некоторая информация присутствует: в 1599 г. на Хартстрит (Сити) жил человек по имени Джон Кэтман, он венчался с «черной служанкой» Констанцией в церкви Святого Олафа (Харт стрит, Сити). Немного позднее в той же церкви состоялось бракосочетание мавра Джеймса Карреса и служанки Маргарет Персон [2].

Записи прихода Святого Ботольфа (Сейнт Ботолф стрит, Сити) содержат информацию о том, что мавры работали слугами у аристократов, зажиточных торговцев, подмастерьями в ремесленных мастерских и церквях. Проживали они либо непосредственно в домах своих господ, либо вблизи места работы.

«Доминго — черный слуга-негр сэра Уильяма Уинтера, Кассанго — темнокожий слуга купца Томаса Барбера, Саймон Валенсия — черный мавр, слуга игольца Стивена Драйфилда», «один из африканцев жил неподалеку от колокольной мастерской церкви Святого Ботольфа» [там же], «в 1597 г. Мэри Филлис, двадцатилетняя черная женщина, была служанкой у вдовы Баркер с улицы Марк лейн (Сити). До прихода в ее дом Мэри была в услужении у швеи Миллисент Портер, жившей на Ист-Смитфилд (Фаррингдон)» [там же]. В приходе церкви Всех Святых (Бейвард стрит, Сити) упоминаются четверо: «три негритянок женщины: Клэр, Мария, Мэри и один негр» (его имя написано неразборчиво) [7, с. 177].

Ареал обитания африканцев в XVI в. можно очертить районами Фаррингдон и

⁴ Эдуард Стэнли (3-й граф Дерби, 2-й лорд Мэна), английский аристократ, приближенный к королевской семье, член тайного совета Елизаветы I.

⁵ Официальной резиденцией Елизаветы I считался Уайтхолл, но она часто появлялась в Вестминстерском дворце, в Виндзорском замке, во дворце Плацентия (Гринвич).

⁶ Главной резиденцией дома Стэнли являлся дворец Ноузлихолл недалеко от Ливерпуля. В XVI в. в Лондоне Стэнли имели дом в районе Мейфэр, который с XVIII в. превратился в роскошный особняк семьи Стэнли.

Сити, где в кварталах Олдгейт и Тауэр проживало их абсолютное большинство. Благодаря аристократам африканцы были отмечены в Вестминстере и Мейфэре.

Приходские записи о крещении содержат наибольший объем информации об африканцах, что позволяет наиболее точно проследить их топографию по Лондону. В архивах церковных приходов ряда районов Лондона (Саутварка, Ротерхита, Ньюингтона) сохранились записи о крещении африканцев (черных мавров). В Саутварке 11 октября 1668 г. в церкви Святого Спасителя (Лондон Бридж, Саутварк) крещение принял черный мавр Ральф Транкет двадцати лет. Там же в августе 1686 г. была крещена двадцатилетняя Мэри Лукреция. В ноябре 1681 г. в церкви Святого Томаса (Сейнт Томас стрит, Саутварк) был крещен Роберт — сын негра Квэкка. В сентябре 1684 и 1696 гг. в церкви Святого Великомученика Георгия (Ламбет роуд, Саутварк) в христианскую веру были обращены черные мавры Роберт Адам 18 лет и Уильям Инкам 19 или 20 лет. В Ротерхите в январе 1682 г. и сентябре 1683 г. крещение приняли молодые юноши-мавры Джон Джарратсон (восемнадцати лет) и Чарльз Томас в церкви Святой Марии (Сейнт Мери-черч стрит). В Ньюингтонской церкви Святой Марии (Кеннингтон-парк роуд) крещение приняли Грейс Корнелиус в марте 1682 г. и Элизабет Холл в сентябре 1683 г. [10, с. 22–23]. Африканцы расселялись на южном берегу Темзы в восточной части города, в Саутварке, Ньюингтоне, Ротерхире соответственно.

Дополнением церковно-приходских записей стали источники личного происхождения (воспоминания современников, дневники, жизнеописания и пр.). Ценные самонаблюдения африканцев и не африканцев позволяют найти их адреса. «Из уст в уста» распространялась

информация о черных куртизанках и «черных» борделях. Друг У. Шекспира (1564–1616), поэт Джон Уивер (1576–1632), который в начале XVII в. жил в доме прихода Св. Джеймса в Клеркенвэлле (Сейнт Джеймссуолк), восхвалял женщину «с лицом черным, как черное дерево, как черная смоль» [2]. Среди чернокожих рабынь известно имя Люси Негро, танцовщицы при королевском дворе. Ей принадлежал знаменитый бордель в лондонском районе Клеркенвэлле, где проживали ювелиры, часовщики, мебельщики. Многие африканки обитали вокруг пивнушки Дэнаса «Лебедь» на Тернмилл-стрит (Фаррингдон). Питейное заведение пользовалось популярностью. Джентльмены были не прочь развеяться с куртизанками [11, с. 10–11]. В 1602 г. некий Денис Эдвардс писал своему другу: «Будь добр, узнай, свободна ли моя негритянка, и закажи ее мне. Она сейчас работает в датской пивной «Лебедь», на Тернвилл-стрит» [2]. Чернокожих девушек можно было встретить и в борделях Саутварка на южном берегу Темзы.

В начале XVII в. число африканцев в Лондоне оставалось невелико. Приблизительно около 100 имен упоминается в записях церковных приходов. Депортация [12, с. 221–222] и ассимиляционные процессы повлекли за собой сокращение их численности, хотя некоторые жили вместе с аристократическими семьями, которые могли позволить себе «дорогой товар» и «экзотические игрушки»: за каждого африканского (и индийского) слугу хозяин должен был платить налог.

Многие сведения о черных (африканцах) были утрачены в результате череды пожаров. Во время Великого пожара в сентябре 1666 г. Лондон практически выгорел дотла: документов этого времени сохранилось мало [13].

Растущее промышленное производство требовало дешевой рабочей силы,

африканцев использовали для постройки мостов, дорог, для разработки угольных шахт и на тяжелых работах на фабриках. С конца XVII в. начался массовый ввоз африканцев в Англию. Их везли с Золотого Берега, наиболее интенсивного района работорговли (XVII–XIX вв.) [14, с. 2], с территории Атлантического побережья — фанти, га, эве; с Дагомы и Гонжи [там же, с. 33–37, с. 40]; с «Львиной Горы» [15, с. 16]; из государств Дельты; в XVIII в. — из державы Ойо (основные порты Лагос и Порт-Ново) [16, с. 26, с. 44] на торговых судах «Королевской африканской компании» и кораблях купцов, промышленявших работорговлей, в порты Ливерпуля и Манчестера. Оттуда живой товар транспортировали в Лондон, Глазго, Бристоль, Бирмингем [17, с. 27].

В 1772 г. в Англии насчитывалось уже более 20 000 чернокожих [18, с. 493]. Термин «черный» в церковных приходах понимался дословно: человек с черной/темной/смуглой кожей. К черным относили африканцев, afroамериканцев, вестиндийцев, индийцев, арабов. Как следствие, точное число африканцев определить невозможно [9, с. 18], но на основе оценок можно предположить, что они составляли по крайней мере половину, если не большинство. Анализ церковно-приходских записей позволяет сделать вывод о том, что на 1771 г. в Лондоне насчитывалось от 10 до 14 тысяч черных [18, с. 493; 9, с. 20].

«Я был крещен в церкви Святой Маргариты (Сейнт Маргарет стрит) в Вестминстере в феврале 1759 г.», — уточняет в своем жизнеописании Олаудо Эквиано (1745–1797) [19, с. 134]. В период 1780–1812 гг. христианство приняли 159 африканцев, из них 34 женщины и 125 мужчин. Наиболее популярными у африканцев были приходская церковь Святой Мери ле Боу (Боу Черч-ярд) вблизи Сити (в ней

было крещено 32 африканца и 25 африканок), церковь Святого Великомученика Георгия (Ламбет роуд) в Саутварке (35 мужчин и 6 женщин «черного цвета»), церковь Святого Павла (Дептфорд-черч стрит) в Дептфорде (16 мужчин и одна женщина), церковь святой Анны (Бейт стрит) в Лаймхаусе (13 африканцев и 2 африканки), святой Екатерины Коулман (Фен-черчстрит) недалеко от Тауэра (14 африканцев) [9, с. 32]. Кем были эти люди? Вопрос остается открытым. Возможно, что в центральных районах преобладали слуги, а в Восточной части это могли быть моряки, разнорабочие, беднота.

Актуальной оставалась и тема проституции. В Сохо в конце XVIII в. был открыт «черный» бордель. «Древнейшая профессия» предоставляла африканкам возможность жить в центральных районах Лондона.

Образование позволило африканцам заявить о себе. На страницах жизнеописаний, философских трактатов, писем их авторы — Игнатио Санчо (1729–1780), О. Эквиано — делились с читателями информацией о своих адресах: Гринвич, Вестминстер. Джордж Бриджтауэр (1778–1780 {?}–1860), снискавший славу гениального музыканта, большую часть жизни провел в Лондоне, где жил в районе Пекхем.

К концу XVIII столетия африканцы проживали в центральных лондонских районах: Мейфэре и Вестминстере, Сохо, Сити и Фаррингдоне, на южной стороне Темзы — в Саутварке и Ньюингтоне, в восточной части города — Лаймхаусе, Ротерхире и Дептфорде, на юге — Пекхем и даже в Гринвиче.

Опираясь на статистические данные (перепись населения), в первое 30-летие после отмены работорговли (1807 г.) общее население Лондона каждые десять лет выросло на 200 тыс. человек:

в 1801 г. — 864,845 чел., в 1811 г. — 1,009,546 чел., в 1821 г. — 1,225,694 чел. и в 1831 г. — 1,474,069 чел. [там же, с. 28]. Процент черных составлял примерно 0,22–0,55% от общего числа жителей. В среднем прирост черного населения в Лондоне пополнялся на 4–5 тыс. человек каждые десять лет [там же, с. 29]. Таким образом, приблизительное число черных в Лондоне составляло 30–40 тыс. человек. Определить точное количество прибывавших в Лондон африканцев, как и ранее, не представляется возможным. Наплыв черных увеличивался, их фиксация начала осуществляться наряду с белыми. По сути, черные растворялись в общих списках церковных приходов [там же, с. 13]. В первой половине XIX в. наметились ареалы расселения африканцев, которые формировались в прямой зависимости от их социального положения. Профессионалы предпочитали (и имели финансовую возможность) селиться в центральной части города. Прислуга, работающая у аристократов, в большинстве своем пыталась закрепиться в привычных для нее центральных районах столицы. Моряки и маргиналы (разнорабочие, африканская беднота) селились на окраинах Лондона.

Со второй половины XIX в. Лондон — «современный Вавилон», по мнению Бенджамина Дизраэли (1804–1881) [20], — получил репутацию наиболее толерантного города из всех мировых столиц [21, с. 1], где были гарантированы свобода, работа и кров. Численность жителей так называемого Большого Лондона в начале XX в. достигла 6 млн. человек. Сколько африканцев проживало в Лондоне? Ответ на данный вопрос затруднителен [22, с. 7]. Ясно одно: согласно переписям, приток населения из колоний в Британскую столицу с середины XIX столетия постоянно возрастал.

В 1841 г. их число составило 17248 человек, в 1851 г. — 33688, в 1861 г. — 51572, в 1871 г. — 70812 человек [23, с. 214]. Установить точное число африканцев невозможно: переписи (как ранее записи церковных приходов) так и не учитывали ни этническую принадлежность, ни регион происхождения, но, как правило, африканцы были представлены выходцами из Западной Африки [24, с. 2] и преимущественно мужчинами. Где проживали африканцы? Это можно установить благодаря информации статистической и миграционной служб, записям общественных организаций, документам личного происхождения. Появление новых профессий — фотографов, которые фиксировали мимолетные моменты официальной или, напротив, повседневной, подчас рутинной жизни человека, — предоставило совершенно новый корпус источников, в том числе о жизни африканцев в британской столице.

Африканцы Лондона XIX в. представляли практически все социальные слои и категории: от попрошаек и нищих до образованных профессионалов и селебрити. Они продолжили формирование не только социально-культурного, но и территориального образа «африканского» Лондона, который, как и в предыдущие столетия, зависел от их социального положения. Специализация деятельности способствовала расслоению, возникновению особой иерархии в кругу африканцев.

Маргиналы (африканская беднота, рабочие) и моряки, чье материальное положение оставляло желать лучшего, прочно закрепились в восточной части города (Лаймхаус, Поплар). Лондонские власти старались ограничить стихийное распространение нищеты, пытаясь обеспечить людей жильем. Строились специальные заведения для проживания бездомных, в том числе африканцев: в 1857 г. был

открыт «Дом для бездомных африканцев и азиатов» (Вест Индиа док роуд, Лаймхаус), здесь же находился «Дом для чужестранцев» [25, с. 26]. В 1881 г. на Уэлл стрит (Поплар) была открыта больница для моряков. Лечебница принимала африканцев и азиатов, что запечатлено фотографом в 1880-е гг. На снимке черные моряки сидят в больничном холле в ожидании приема врача [26]. В доме 18 по Стефней Козвей (Лаймхаус) располагался детский приют, так называемый «спасительный дом» Барнардо. Доктор Джон Барнардо (1845–1905) основал его в 1870 г. Приют был открыт для бездомных детей всех рас и национальностей [там же].

Матросы жили преимущественно в морских доках на востоке Лондона [27, с. 99], в «Грин Хоум» (Кеннинг Таун). Ричард Грин (1803–1863), судовладелец, в середине XIX в. специально для чернокожих матросов оплатил постройку приюта. Матросы называли приют просто: «Грин Хоум» («Дом Грина»). В нем была столовая, комнаты отдыха, библиотека с читальным залом. Дом обслуживали сестры из церковных приютов [28, с. 3–5, с. 48]. «Грин Хоум» существовал до начала XX в., пока согласно указу мэра Лондона в нем не разместилось вновь образованное Министерство морской торговли. Матросы расселились по Кеннинг Таун [29; 30].

Прислуга, портные, бухгалтеры, так называемый средний класс обслуживающей сферы, расселились по всей территории Лондона. Корабельный повар и стюарт Джон Филлипс, сьерра-леонец, жил на 21 Копенгхэмплэйс (Лаймхаус); африканский портной — в районе Уайтчепел на Востоке Лондона; сьерра-леонец Колин Грэхем работал бухгалтером [26], проживал на 4 Крофтонроад (Кэмбервелл). Прислуга нередко жила в

благополучных и даже престижных районах Лондона (Челси, Вестминстер, Кенсингтон), что указано в объявлениях о найме, которые африканцы публиковали на страницах лондонских газет: «Цветной гражданин ищет место повара или слуги. Обращаться: Симондс стрит, Челси (август 1880 г.); Цветной молодой человек ищет работу камердинера. Обращаться: Винсэнтсквэр, Вестминстер (октябрь 1883 г.); Цветной молодой человек 22-х лет ищет работу домашней прислуги. Обращаться: 43 Бэссетт-роуд, Норз Кенсингтон (ноябрь 1883 г.); Цветной мужчина в возрасте 27 лет ищет место дворецкого. Обращаться: 1 Ментон-роуд, Кенсингтон (июнь 1886 г.)» [там же].

Профессионалы и богема (врачи, юристы, журналисты, деятели сферы искусства) предпочитали Вестминстер, Ковент-Гарден, Сохо, Блумсбери, где размещались университеты, колледжи, театры и мюзик-холлы, клубы и рестораны, парки и церкви.

В Блумсбери, который традиционно считался сердцем интеллектуальной жизни Лондона, местом, которое для многих стало вторым домом, куда всегда хотелось вернуться [31, с. 13], располагались Лондонский университет, колледжи, Королевская академия драматического искусства, Британский музей. Блумсбери славился большим скоплением разнообразных магазинов, кафе, пабов и ресторанов — центром притяжения и собраний лондонской богемы. Многие африканцы жили и работали здесь, останавливались во время гастрольных турне. Афроамериканская актриса и певица Флоренс Миллс (1896–1927) предпочитала Блумсбери на время гастролей в 1920-е гг.; Лесли Э. Дж. Томпсон (1901–1987) ямайский джазовый музыкант, жил в Лондоне с 1929 г., имел квартиру недалеко от Марчмонтстрит (Блумсбери) [32, с. 11]. Африканские

студенты селились в Блумсбери, где жили на съемных квартирах на Фитзроу стрит [31, с. 11, с. 33] и в общежитии для «студентов-переселенцев» на Расселл-сквер (дом 32), открытым в 1917 г. [33].

Топография «африканского» Лондона многогранна, она формировалась на протяжении столетий, напрямую зависела от социальной, культурной и политической эволюционной парадигмы лондонских африканцев, стала своеобразным оттиском их жизнедеятельности.

Изначально местожительство африканцев зависело и было связано с их хозяевами-аристократами, спустя столетия определяющим стал социально-культурный фактор. Образование и профессия позволили африканцам закрепиться в центральных (престижных) районах Лондона. Беднота была вытеснена на окраины города (преимущественно его восточная часть). Касательно африканцев, занятых в сфере услуг, можно говорить о сохранении ими исторической топографии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акройд, П.* Лондон: биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Матылева. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005. 896 с.
2. Чернокожая община появилась в Британии при Елизавете I. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2012/07/120720_black_community_elizabethan_london.shtml (дата обращения: 04.12.12).
3. *Gretchen, G.* Black England. Life before Emancipation. L.: John Murray, 1995. 233 p.
4. Pay Day for John Blanke. E 36/214, f. 109. URL: https://www.nationalarchives.gov.uk/pathways/blackhistory/early_times/docs/blankes_payment.htm (дата обращения: 30.05.2022).
5. *Anglo, S.* The Court Festivals of Henry VII: A Study Based upon the Account Books of John Heron, Treasurer of the Chamber. Manchester: John Rylands Library, 1960. 45 p.
6. *Anglo, S.* The Great Tournament Roll of Westminster. The Collotype Reproduction of the Manuscript (2 Vols.) Oxford: Clarendon Press, 1968.
7. *Edwards, P., Walvin, J.* Africans in Britain, 1500–1800 // The African Diaspora. Interpretive Essays. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 510 p.
8. *Chater, K.* Untold History. Black People in England and Wales During the Period of the British Slave Trade, c. 1660–1870. Manchester: Manchester University Press, 2009. 272 p.
9. *Myers, N.* Reconstructing the Black Past: Blacks in Britain, c. 1780–1830. L.: F. Cass, 1996. 157 p.
10. *Bourne, S.* Speak of Me as I Am. The Black Presence in Southwark since 1600. L.: London Borough of Southwark, 2005. 104 p.
11. *Walvin, J.* Black Ivory. Slavery in the British Empire. Oxford: Blackwell Publishing, 1992. 324 p.
12. From the Early Tudor to the Late Tudor. Vol. 3: The Late Tudor (1588–1603) / ed. by P.L. Hughes, J.F. Larkin. New Haven-London: Yale University Press, 1969. 439 p.
13. *Robinson, B.* London's Burning: The Great Fire // BBC History. URL: https://www.bbc.co.uk/history/british/civil_war_revolution/great_fire_01.shtml (дата обращения: 30.05.2022).
14. История Ганы в Новое и Новейшее время / под ред. Ю.В. Луконина, М.Ю. Френкеля. М.: Наука, 1985. 304 с.
15. История Сьерра-Леоне в Новое и Новейшее время / под ред. Ю.Н. Зотовой, Е.Г. Смирнова, М.Ю. Френкеля. М.: Наука, 1994. 358 с.
16. История Нигерии в Новое и Новейшее время / под ред. Ю.Н. Зотовой, И.В. Следзевского. М.: Наука, 1981. 360 с.

17. *Sherwood, M.* After abolition. Britain and the Slave Trade since 1807. L.: I.B. Tauris, 2007. 246 p.
18. The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle. 1764. Vol. 34.
19. *Equiano, O.* The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself. L.: Union-Street, Middlesex-Hospital, 1789. 272 p.
20. Benjamin Disraeli Quotes. URL: http://thinkexist.com/quotation/london_is_a_modern_babylon/258510.html (дата обращения: 01.06.2022).
21. *Kershen, A.J.* London: The Promised Land: The Migrant Experience in a Capital City. Aldershot: Avebury on Behalf of the Centre for the Study of Migration, 1997. 167 p.
22. *Donovan, J.* We Don't Buy Sicknes, it just Comes: Health, Illness and Health Care in the Lives of Black People in London. Aldershot: Gower, 1986. 294 p.
23. *Lorimer, D.A.* Colour, Class and the Victorians. English Attitudes to the Negro in the Mid-Nineteenth Century. Leicester: Leicester University Press, 1978. 300 p.
24. *Killingray, D.* Africans in Britain. L.: F. Cass, 1994. 245 p.
25. *Banton, M.P.* The Coloured Quarter. Negro Immigrants in an English City. L.: Jonathan Cape, 1955. 254 p.
26. A Map of Black History in Nineteenth Century London⁷. URL: <https://www.ucl.ac.uk/equiano-centre/projects/black-londoners-1800-1900> (дата обращения: 08.04.2022).
27. *Мильто, А.* Сомалийские беженцы в Европе: к вопросу формирования диаспоры // Африканский сборник. 2017. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 478 с.
28. *Bulleng, F.* With Christ in Sailor Town: What the Seamen's Mission is Doing. L.: Hodder & Stoughton, 1901. 162 p.
29. Colonial Administration Records (Migrated Archives). URL: <https://cdn.nationalarchives.gov.uk/documents/migrated-archives-4-guidance.pdf> (дата обращения: 08.04.2022).
30. Homage to Canning Town. African Ancestors. URL: <https://www.irokotheatre.org.uk/projects/6.pdf> (дата обращения: 09.04.2022).
31. *Merriman-Labor, A.B.C.* Britons Through Negro Spectacles, or a Negro on Britons: With a Description of London. L.: The Imperial and Foreign Company, 1909. 238 p.
32. *Matera, M.* Black London: The Imperial Metropolis and Decolonization in the Twentieth Century. Oakland, California: University of California Press, 2015. 410 p.
33. Drawing over the Colour Line: Geographies of Art and Cosmopolitan Politics in London, 1919–1939. Exploring Diverse British Histories. URL: <https://drawingoverthecolourline.wordpress.com/page/2/> (дата обращения: 09.04.2022).

REFERENCES

1. Akrojd, P. *London: biografiya* [London: The Biography], transl. by V. Babkov, L. Motyleva. Moscow, Izdatelstvo Olgi Morozovoj, 2005, 896 p. (in Russ).
2. *Chernokozhaya obshchina poyavilas v Britanii pri Elizavete I* [The Black Community Appeared in Britain under Elizabeth I]. Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2012/07/120720_black_community_elizabethan_london.shtml (accessed: 04.12.12). (in Russ).

⁷ В рамках цифровой истории доктором Каролиной Брессей (Эквиано центр, Университетский колледж Лондона) на основе церковно-приходских записей была разработана интерактивная карта «черного» Лондона, где автор указала места (район/улица) проживания «найденных» ею африканцев в Лондоне в XIX в.; представлена краткая биографическая справка лондонских африканцев. Проект существует с 2015 г.

3. Gretchen, G. *Black England. Life before Emancipation*. London, John Murray, 1995, 233 p.
4. *Pay Day for John Blanke. E 36/214, f. 109*. Available at: https://www.nationalarchives.gov.uk/pathways/blackhistory/early_times/docs/blanke_payment.htm (accessed: 30.05.2022).
5. Anglo, S. *The Court Festivals of Henry VII: A Study Based upon the Account Books of John Heron, Treasurer of the Chamber*. Manchester, John Rylands Library, 1960, 45 p.
6. Anglo, S. *The Great Tournament Roll of Westminster. The Collotype Reproduction of the Manuscript (2 vols.)*. Oxford, Clarendon Press, 1968.
7. Edwards, P., Walvin, J. *Africans in Britain, 1500–1800. The African Diaspora. Interpretive Essays*. Cambridge, Harvard University Press, 1976, 510 p.
8. Chater, K. *Untold History. Black People in England and Wales During the Period of the British Slave Trade, c. 1660–1870*. Manchester, Manchester University Press, 2009, 272 p.
9. Myers, N. *Reconstructing the Black Past: Blacks in Britain, c. 1780–1830*. London, F. Cass, 1996, 157 p.
10. Bourne, S. *Speak of Me as I Am. The Black Presence in Southwark since 1600*. London, London Borough of Southwark, 2005, 104 p.
11. Walvin, J. *Black Ivory. Slavery in the British Empire*. Oxford, Blackwell Publishing, 1992, 324 p.
12. *From the Early Tudor to the Late Tudor, vol. 3: The Late Tudor (1588–1603)*, ed. by P.L. Hughes, J.F. Larkin. New Haven-London, Yale University Press, 1969, 439 p.
13. Robinson, B. London's Burning: The Great Fire. *BBC History*. Available at: https://www.bbc.co.uk/history/british/civil_war_revolution/great_fire_01.shtml (accessed: 30.05.2022).
14. *Istoriya Gany v Novoe i Novejshee vremya* [The History of Ghana in Modern and Modern Times], ed. by Yu.V. Lukonin, M.Yu. Frenkel. Moscow, Nauka, 1985, 304 p. (in Russ).
15. *Istoriya Serra-Leone v Novoe i Novejshee vremya* [The History of Sierra Leone in Modern and Modern Times], ed. by Yu.N. Zotova, E.G. Smirnov, M.Yu. Frenkel. Moscow, Nauka, 1994, 358 p. (in Russ).
16. *Istoriya Nigerii v Novoe i Novejshee vremya* [The History of Nigeria in Modern and Modern Times], ed. by Yu.N. Zotova, I.V. Sledzevsky. Moscow, Nauka, 1981, 360 p. (in Russ).
17. Sherwood, M. *After abolition. Britain and the Slave Trade since 1807*. London, I.B. Tauris, 2007, 246 p.
18. *The Gentleman's Magazine and Historical Chronicle*, 1764, vol. 34.
19. Equiano, O. *The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano, or Gustavus Vassa, the African. Written by Himself*. London, Union-Street, Middlesex-Hospital, 1789, 272 p.
20. *Benjamin Disraeli Quotes*. Available at: http://thinkexist.com/quotation/london_is_a_modern_babylon/258510.html (accessed: 01.06.2022).
21. Kershen, A.J. *London: The Promised Land: The Migrant Experience in a Capital City*. Aldershot, Avebury on Behalf of the Centre for the Study of Migration, 1997, 167 p.
22. Donovan, J. *We Don't Buy Sickness, it just Comes: Health, Illness and Health Care in the Lives of Black People in London*. Aldershot, Gower, 1986, 294 p.
23. Lorimer, D.A. *Colour, Class and the Victorians. English Attitudes to the Negro in the Mid-Nineteenth Century*. Leicester, Leicester University Press, 1978, 300 p.
24. Killingray, D. *Africans in Britain*. London, F. Cass, 1994, 245 p.
25. Banton, M.P. *The Coloured Quarter. Negro Immigrants in an English City*. London, Jonathan Cape, 1955, 254 p.
26. *A Map of Black History in Nineteenth Century London*. Available at: <https://www.ucl.ac.uk/equiano-centre/projects/black-londoners-1800-1900> (accessed: 08.04.2022).

27. Milto, A. Somalijskie bezhency v Evrope: k voprosu formirovaniya diaspory [Somali Refugees in Europe: On the Formation of the Diaspora]. In: *Afrikanskij sbornik* [African Collection]. St. Petersburg, Muzej antropologii i etnografii Rossijskoj akademii nauk, 2017, 478 p. (in Russ).
28. Bulleng, F. *With Christ in Sailor Town: What the Seamen's Mission is Doing*. London, Hodder & Stoughton, 1901, 162 p.
29. *Colonial Administration Records (Migrated Archives)*. Available at: <https://cdn.nationalarchives.gov.uk/documents/migrated-archives-4-guidance.pdf> (accessed: 08.04.2022).
30. *Homage to Canning Town. African Ancestors*. Available at: <https://www.irokotheatre.org.uk/projects/6.pdf> (accessed: 09.04.2022).
31. Merriman-Labor, A.B.C. *Britons Through Negro Spectacles, or a Negro on Britons: With a Description of London*. London, The Imperial and Foreign Company, 1909, 238 p.
32. Matera, M. *Black London: The Imperial Metropolis and Decolonization in the Twentieth Century*. Oakland, California, University of California Press, 2015, 410 p.
33. *Drawing over the Colour Line: Geographies of Art and Cosmopolitan Politics in London, 1919–1939*. Exploring Diverse British Histories. Available at: <https://drawingoverthecolourline.wordpress.com/page/2/> (accessed: 09.04.2022).

Блинова Елизавета Викторовна, соискатель ученой степени кандидата наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, lizitkova@yandex.ru

Elizaveta V. Blinova, applicant for an academic degree, P.G. Demidov Yaroslavl State University, lizitkova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.06.2022. Принята к публикации 22.07.2022

The paper was submitted 12.06.2022. Accepted for publication 22.07.2022

ЗЕМЛЯ И ВЛАСТЬ: ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.В. Рышкус

Аннотация. *Вопрос судьбы России связан с ее глубинными истоками. Определяющую роль в этом вопросе играет жизнедеятельность народа на земле, эволюция которой сформировала мир, оригинальный народнохозяйственный уклад, сберегающий единый народ России. Характерное для уклада крестьянское самоуправление на базе единения с землей удовлетворяет базовую потребность человека в хозяйственной, сообразной его истинно человеческой природе, деятельности, что обеспечивает развитие человеческого потенциала. Отчуждение от земли, лежащее в природе родовых и территориальных общин, порождает собственность и связанные с ней отношения, разрушает традиционный уклад, приводит к экономикоцентричному развитию гражданского общества. Анализ специфики жизнедеятельности народа в крестьянском мире России раскрывает ее как хозяйственную деятельность, как источник сбережения современной России. Это в корне отличает ее от основанной на отчуждении от земли экономической деятельности, характерной для развитых гражданских обществ.*

Ключевые слова: *земское дело, единый народ России, крестьянское хозяйство, мир, народнохозяйственный уклад, самоуправление, природа Нечерноземья, территориальная община, собственность, отчуждение от земли.*

Для цитирования: *Рышкус В.В. Земля и власть: хозяйственно-экономический аспект // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 318–329. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-318-329*

318

LAND AND POWER: Economic Aspect

V.V. Ryshkus

Abstract. *The issue of Russia's destiny is related to its deepest origins. The decisive role in this question is played by the vital activity of the people on the land, the evolution that formed the world, the original national economic way that preserves the united people of Russia. The peasant self-government, characteristic of the way of life, based on unity with the land, satisfies the basic human need for economic activity, consistent with his truly human nature, which ensures the development of human potential. Alienation from the land, which lies in the nature of clan and territorial communities, generates property and corresponding relations, destroys the traditional way of life, leads to the economic-centered development of civil society. Analysis of the specifics of people's livelihood in the peasant world of Russia reveals it as an economic activity, as a source of saving modern Russia. This fundamentally distinguishes it from the economic activity based on alienation from the land, characteristic of developed civil societies.*

© Рышкус В.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *activity on the land, united nation of Russia, peasant economy, mir, national-economic way of life, autonomy, nature of non-black earth zone, territorial community, ownership, land alienation.*

Cite as: Ryskhkus V.V. Land and Power: Economic Aspect. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 3, part 2, pp. 318–329. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-318-329

Поиск глубинных истоков России, закономерностей развития ее «общественного организма» и особенностей ее исторической судьбы направлен на познание современной России как продолжающейся жизни самой глубинной России. Понимание «базы, основы, фундамента, на которых строилось Российское государство» [1] требуется для формирования научного представления о будущем России. Наш мыслитель Н.Г. Чернышевский писал, что «по форме высшая ступень развития сходна с началом, от которого оно отправляется» [2, с. 610].

Другой наш мыслитель К.С. Аксаков утверждал, что русский народ «есть народ не государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти». Он развивал свои общественные взгляды на взаимодействии «*Земли*» (Народа) и «*Государства*» (Власти). К.С. Аксаков решительно противопоставил *государево* и *земское дело*. Государево дело состояло в защите *Земли*, «охранении жизни народа», «доставлении ему всех способов и средств» для исполнения «нравственного призвания на земле» [3, с. 160]. Под земским делом понимался «весь быт народный, вся жизнь народа», куда относится, кроме духовной, общественной его жизни и материальное его благосостояние: земледелие, промышленность, торговля» [там же, с. 157].

И.С. Аксаков писал, что «все в каждой стране существует из народа». Обозначив проблему недостатка «внутренней, общественной жизни» и «общественной

нравственной человеческой силы», он ввел «третий элемент — «общество», под которым понимал мыслящую часть народа» [4, с. 139], находящуюся между Землей и Государством. Самим народом И.С. Аксаков назвал «то народное множество, которое живет жизнью непосредственной и, как зерно, сосредотачивает в себе всю органическую силу, все развитие организма» [5, с. 74]. При этом «народ не есть агрегация или совокупность лиц с их совокупной деятельностью, а живой, цельный, духовный организм, живущий и действующий самостоятельно и независимо от лиц, составляющих народное множество» [там же, с. 74–75].

Наш мыслитель-почвенник Ф.М. Достоевский утверждал, что народ в России «с самого начала и никогда не мог и представить себя без земли», что «земля для него — всё, и что он всё выводит из земли и от земли», и что «уж когда свободы без земли не хотел принять, значит, земля у него прежде всего, в основании всего» [6, с. 476]. Соединение воззрений наших мыслителей о России приводит к осознанию связи ее глубинных истоков с народом и землей, а точнее, с *жизнью народа на земле*, с его земским делом. В глубинных истоках России лежит жизнедеятельность народа на земле, и наша современность есть суть проявление ее эволюции. Познание судьбы России как *естественно-исторического* процесса ее развития, не зависящего от субъективных выборов, должно быть направлено на выявление специфики и изучение динамики

объективной народнохозяйственной деятельности на земле, объяснение ее роли как «создателя и хранителя России». Иными словами, той деятельности, которая была преимущественной в жизни наших предков, которой занималось «народное множество», составляющее единый народ России.

Наблюдая за историей стран и континентов, другой наш мыслитель А.Г. Кузьмин пришел к пониманию, что «Лес и Степь, Горы и Моря предполагали разные формы хозяйствования и соответственно организации общества» [7]. Он сделал вывод, что «менталитет народов складывается веками и тысячелетиями как своеобразное (чаще всего неосознанное) подчинение определенным формам общности» [8], что раскрывает разность сознания людей вплоть до полной несовместимости. За проявляемым в военно-политических конфликтах, социально-экономических и идеологических противоречиях неприятием одними менталитетами других лежат коренные различия господствующих на тех или иных территориях видов человеческих деятельности, определяемых характером *земле-владения*. Нуждается в дальнейшем исследовании заявленная А.Г. Кузьминым *форма хозяйствования*, лежащая в основании глубинной России и связанная с жизнью народа на земле.

Аполлон Григорьевич считал постановку научной проблемы «самым ответственным этапом любого исследования» [9, с. 22], вспоминая слова К. Маркса о том, что «правильная постановка вопроса есть его решение». Обозначив проблему начала Руси, А.Г. Кузьмин стремился раскрыть этническую природу правящей династии и господствующего класса Киевской Руси. Поиск закономерностей взаимоотношений народа и государства легли в основу его *концепции Земли*

и Власти. В самой постановке проблемы Земли и Власти лежит разделение *Власти*, установившейся над *Землей*, и *Народа*, народовластия, разграничение государственного управления и народного самоуправления. Историческая судьба народа оказывается зависимой от эффективности противостояния властным структурам: «Для того чтобы государство и земля сосуществовали в мире и гармонии, обеими сторонами должны соблюдаться определенные принципы взаимоотношений» [10, с. 252].

А.Г. Кузьмин отметил «активное участие народа в политических процессах формирования Русского государства через развитую систему общинного самоуправления» [9, с. 9]. В эпоху перехода от родоплеменных к государственным отношениям, по мнению ученого, неизбежно «затрагиваются интересы разных общественных слоев» [11, с. 3], и интересы общины противостоят интересам правящих элит, что приводит к отдалению *Власти* от *Земли*. Исследуя особенности общинной организации племен, Аполлон Григорьевич определил территориально-историческое, а не кровнородственное значение племени как людей, «объединенных общей территориальной организацией» [12, с. 21]. По мнению ученых А.Ф. Киселева и С.В. Перевезенцева, это открыло возможности для изучения закономерностей социальной организации разных обществ и их отражения в общественном сознании [9, с. 11].

В развитии территориально-этнического аспекта ставится вопрос о том, как те или иные племена с их специфическими чертами характера и мировоззрениями смогли достичь и поддерживать многие столетия высокий уровень самоорганизации без организующей роли государства. Г.А. Артамонов выделил единство общинного самоуправления на всех

уровнях социальной организации восточных славян «община — племя — союз племен», изначально присущее только «рядовой сельской общине». В проблеме Земли и Власти, по мнению ученого, «этническое происхождение правящего класса можно не принимать в расчет только при условии обладания обществом достаточных ресурсов и механизмов по ограничению потенциально корыстных устремлений власти» [13, с. 83].

Так, при исследовании проблемы образования государства восточных славян выделяют роль «развития производительных сил, накопления прибавочного продукта» как внутреннего фактора и «торговлю, взаимопроникновение и влияние культурных традиций, войн» как внешнего фактора [14, с. 58]. Такой *экономико-центричный* по своей природе подход исключает земское дело, реальный процесс народнохозяйственной деятельности. Обращение к роли земли, «обыкновенной, натуральной земли, которую вы принесли с улицы на своих калошах в виде грязи» [15, с. 116], в жизнедеятельности народа наделяет проблему Земли и Власти *хозяйственным* значением.

Отличительной особенностью крестьянского поземельного хозяйства России было *самоуправление*. Живший этим поземельным хозяйством крестьянин сам управлял собой и своими действиями без организующей его роли власти. Так родилось выражение «Я управился», которое крестьянин говорил после выполнения дела. В крестьянском хозяйстве России крестьянин постоянно имел дело со сложными живыми объектами природы в поле, на реке и в лесу. Он должен был неустанно помнить об их свойствах, взаимосвязях с природными явлениями, процессами, временами года, учитывая это в своей каждодневной деятельности. Его практическая деятельность была

соединена с чувствительной и мыслительной деятельностью, составляя цельную жизнь. Трудная, но сильная хозяйственная деятельность в крестьянском хозяйстве России, зависящая от множества природных факторов, вела к формированию способности управлять своими действиями, предвидеть во времени. Это нашло отражение в сотнях взаимосвязей, подмеченных крестьянином в своей повседневной деятельности, например, в установленной им зависимости «цвета облаков в полдень в крещение с урожаем, который может определиться в августе, то есть через семь месяцев» [там же, с. 128]. В самоуправлении, отличающим крестьянское хозяйство России, проявлялось единство человека с самим собой, своей человеческой природой и окружающим миром. Такое самоуправление «создает потенциал человека, в нем мысли, действия и чувства слиты в единое целое» [16].

Любая форма хозяйствования связана с «почвой и с характером землевладения в стране. В каком характере сложилось землевладение, в таком характере сложилось и все остальное» [6, с. 474]. Слияние человека с природой, определяющее крестьянское хозяйство России, сформировало *жизненный уклад*, основанный на единстве человека с землей и на природосообразном землевладении. Такое единение с землей исключает саму возможность возникновения *собственности* и отношений на базе собственности, т. е. основанных на отчуждении от земли. Единение с землей или отчуждение от земли является той развилкой, которая позволяет провести водораздел между разными формами хозяйствования. Проблема властвования над землей связана с развитием отчуждения от земли. Эта проблема не возникала в крестьянском хозяйстве России, способствующем сбережению жизненного уклада народа, идущего

от единства с землей. Скорее, в крестьянском хозяйстве рождалась *власть земли*, но не в смысле подчинения безвольного крестьянина воле природы, независимо от прикладываемых им усилий.

Крестьянское хозяйство России, имевшее специфически наше название *мир*, в своих глубинных истоках связано с Нечерноземьем. Территории нечерноземной полосы России представляли собой обширную открытую равнину, наполненную непроходимыми смешанными лесами, лугами, болотами, озерами и реками. Природу Нечерноземья отличает циклическая изменчивость времен года, выраженная в устоявшемся в нашем языке выражении «круглый год». Хозяйственный цикл совместных с семьей и *миром* земледельческих, хлебопашеских, животноводческих и иных видов труда на земле при одновременном ведении домашнего хозяйства длился непрерывно, год за годом, переходя из жизни старших поколений в жизнь младших. Для нечерноземной почвы характерна неравномерная плодородность: Восточно-Европейская, или Русская, равнина «не везде равно плодородна и в самых плодородных местах уступает южным пространствам», тем не менее она почти везде способна к возделыванию, «следовательно, везде поддерживает деятельность, энергию человека» [17, с. 108].

На таких пространствах для того, чтобы тоненькая травинка, зависящая от каждой тучки, ветерка и солнечного луча, через год принесла на стол ломоть хлеба, крестьянин должен был тщательно все предусмотреть, затратив немало жизненной энергии. У каждого крестьянина были сделанные им самим орудия труда, которые он интуитивно ощущал продолжением своих рук. Деревья смешанного леса, разные по свойствам и структуре, позволяли крестьянину формировать

«чувство дерева» с присущим каждому из них запахом, узором, цветом и звучанием. При этом в крестьянском хозяйстве России «никогда не было профессиональных секретов, знание считалось общенародным: постигай, черпай, насколько хватит ума и таланта» [18, с. 29]. Разнообразие домашних и полевых видов труда, в каждом из которых проявлялось единство крестьянина с землей и природой, отличало крестьянский мир России.

Жизнедеятельность в нечерноземной полосе России не приносила возделывающему ее крестьянину прибавочного продукта. Воздействуя на землю орудиями труда, крестьянин получал только необходимый продукт труда, достаточный для жизни в крестьянском мире. Природа Нечерноземья препятствовала развитию рыночных, торгово-экономических отношений. Г.А. Артамонов отмечает, что в условиях господства натуральных типов хозяйствования формирование союза племен не могло определяться экономической целесообразностью [13, с. 68].

Неоднородность местности нечерноземной полосы проявлялась в перемещении пригодных к вспашке лугов с лесами и болотами. Вместе с тем само плодородие почвы было неравномерным. Одной крестьянской семье, если бы она жила обособленно от других, было не по силам получить достаточный для ее нужд продукт труда. Крестьянину требовалось заниматься совместными видами труда не только с членами семьи, но и с земляками и соседями, не связанными с ним кровными узами. Такими совместными видами труда были, например, вырубка леса под пастбища или сенокос. Свойства и качества самой земли определили жизненную необходимость объединения крестьян в *мир*. Все вопросы крестьянской жизни решались на мирских сходках, в том числе передел земельных участков

в зависимости от хозяйственных нужд крестьянского мира. В результате в крестьянском хозяйстве России укрепилась «связь земледельца с землей — связь, которая при личном владении и личной ответственности каждого хозяина за себя не устояла бы против двух неурожайных годов или скотских падежей» [19, с. 159].

Из крестьянского мира вышла круговая порука, основанная на взаимопомощи и взаимовыручке крестьян. В нашем языке устоялось и по сей день употребляется выражение «всем миром». Идущая от сживания человека с землей, природой и миром вплоть до полного единства деятельность в крестьянском хозяйстве России формировала менталитет народа, укрепляла межпоколенные связи. Слияние разнообразной изменчивой природы Нечерноземья и природы человека способствовало удовлетворению крестьянином базовой потребности в хозяйственной деятельности, сообразной сохранению человека как *вида* и природы как подарившей ему жизнь *матери*. Благодаря этому обеспечивалась преемственность поколений, сохранение исторической памяти и традиций.

Крестьянский мир, по своей природе свободный от генетических связей, сберег уникальный народнохозяйственный уклад, сформированный, или, правильнее сказать, уложенный хозяйственной деятельностью живущих в единстве с земляками, предками и потомками людей. В исконном нашем понятии уклада хорошо виден *лад*, мир, единство поколений, сберегающее современную Россию. Для формирования и сохранения народнохозяйственного уклада «необходима разнообразная и изменчивая, но не слишком благодатная природа, приносящая человеку достаточный продукт. <...> Именно такова уникальная природа центра Русской равнины, нашего Нечерноземья» [16].

Г.В. Плеханов поднял вопрос об исторической смене форм отношений к земле как важном вопросе для всех сфер межчеловеческих отношений [20, с. 76]. Базовое для крестьянского мира чувство земли как матери и Родины по своей природе исключает собственность. Так, в народе родились выражения «мать сыра земля», «Родина-мать». Н.А. Бердяев отметил, что «мать-земля есть Россия» [21, с. 10]. Право хозяйствования на земле, которое мир предоставлял каждому по его рождению или в случае вступления в сам мир, давало человеку реальную возможность удовлетворять базовую, определяющую всю его человеческую сущность, потребность. Нацеленный на укрепление межпоколенного единства, крестьянский мир принимал к себе людей извне наравне с уже жившими миром крестьянами, предоставляя им право пользования земельными участками. При мирском владении землей, характерном для крестьянского хозяйства России, никто из крестьян не был собственником земельных участков, что в том числе исключало отношения по поводу наследства, возникающие на базе собственности.

В крестьянском мире крестьянин самоуправлялся на земле, но не властвовал над ней. Крестьянский мир по своей природе был чужд отношениям господства и подчинения, выраженным в личной зависимости и рабстве. Земля, дающая возможность получить только достаточный продукт труда, является неблагоприятной для возникновения рабства. Вместе с тем для сохранения человека как вида, развития его потенциала такая земля является благоприятной.

Если обратиться к истории общин, то в родовых поземельных общинах, члены которых сообща обрабатывали землю и удовлетворяли свои потребности из общих доходов, была общинная собственность.

Связи между членами таких кровнородственных общин были узкими и слабыми, определялись главенством старших членов рода при почти полном отсутствии прав у младших членов или пришедших извне поселенцев. Стремление к «индивидуализации имущественных отношений» привело к распаду родовой общины на части, образованию семейных наделов, величина которых зависела от «степени действительного или мнимого родства» с основателем рода. В такой общине только коренные члены рода имели право на земельный надел, а пришедшие извне поселенцы его не получали. Со временем в результате численного перевеса новых поселенцев произошло выравнивание семейных наделов. Родовая община уступила место сельской или территориальной общине, развившей систему подворно-наследственного владения. Общинная собственность эволюционировала в семейную, а затем и в частную: «На Западе пахотные земли были поделены в наследственную собственность еще задолго до развития крупной капиталистической промышленности. <...> В германской марке усадебная земля уже во времена Тацита была поделена в наследственную собственность» [20, с. 108]. История общин сопровождалась ростом интенсивности индивидуализации отношений собственности, то есть развитие шло в сторону обретения свободы отчуждаемости земли.

Г.А. Артамонов противопоставляет иерархические структуры азиатского и западного общества, основанные на отношениях господства-подчинения, ведущих к развитию частной собственности, общинной *Земле*. По мнению автора, «среди всех народов, образовавших современную этнополитическую карту Европы, только восточные славяне сохранили территориальную общину, которая не только

не исчезла с образованием государства, но и дожила до 30-х гг. XX в.» [13, с. 86]. Ученый выводит противопоставление общинной и частной собственности. Отождествляя понятия «община-земля», «славянская община», «восточнославянское общество», Г.А. Артамонов рассматривает территориальную общину, в основе которой так или иначе лежат отношения собственности. Г.А. Артамонов объясняет совместное владение землей русскими крестьянами опытом их «выживания в самых суровых климатических и политических условиях Европы».

Лежащая в основании общины собственность, общинная или частная, свидетельствует о заложенном в ее природе отчуждении от земли. Так, отношения собственности развиваются по поводу объектов наследования, и сами отношения между людьми носят отчужденный характер. Развитие этих отношений обеспечивает формирование гражданского общества с центральным местом экономики в нем. Эволюция отношений собственности прослеживается на примере огораживаний в Англии. Благоприятная для обеспечения роста производимого продукта земля, будучи сконцентрированной в руках дворян, церкви и правителей, была предметом аренды для безземельных крестьян. Специфика самой природы и почвы не предполагала значительных человеческих усилий для возделывания земли. В английских территориальных общинах отсутствовало самоуправление. Дающая прибавочный продукт земля со временем приобретала все большую ценность, что в итоге привело к лишению сельского населения прав возделывания земли и его выселению в города. Лишение крестьян прав пользования землей, возникшее на базе отчуждения от земли, способствовало развитию экономики, отдалению Власти

от Земли, разрушению традиционного уклада жизни.

В развивающихся на базе отчуждения от земли городах формировалось гражданское классовое общество. Развитие городов происходило за счет пространственного потенциала земли, однако самой власти земли, единения человека с землей на городских территориях не было. Наоборот, такое развитие шло в сторону усиления отчуждения. Были сформированы потребности в узаконивании прав на земельные участки, физическом закреплении их территориальных границ, ставшие привычными для людей в современном развитом гражданском обществе. Вместе с тем российские города исторически развивались как большие деревни, решая хозяйственные, а не экономические задачи.

Разное по своей природе развитие городов, характерное для крестьянской России и западных обществ, предопределяет несовместимость *цивилизации*, основанной на развитии экономики, и вышедшего из мира *народа*, что интуитивно чувствовал Ф.М. Достоевский, говоря, что «цивилизация испортит народ». Цивилизационная парадигма исходит из увеличения материального богатства, «проявляющегося в создании комфорта, росте городов, развитии государств, в культурном и искусственном прогрессе, одним словом, в экономикоцентричном развитии человечества» [22, с. 29].

Экономика основана на разделении процесса труда, специализации и профессионализации человека. По сути хозяйственный процесс труда, представлявший единство самоуправления и исполнения, распадается на управление одними лицами и исполнение другими лицами. В экономике функция управления отделяется, и сама хозяйственная деятельность из *базовой потребности* становится *работой*

как *средством* удовлетворения иных, множасьихся самой экономикой потребностей в товарах и услугах. Изменение коренного для истинно человеческой природы отношения человека к своей жизнедеятельности как формирующего его самого основания приводит к нацеленности человека на продукты труда для удовлетворения своих потребностей.

В летописной постановке вопроса «откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить, и как возникла русская земля» роль земли заявлена, но сама земля рассматривается только как *территория княжения*. Связь территорий с населяющими их этносами отметил А.Г. Кузьмин, написав, что «определение территории «прародины» само по себе мало что дает, если не устанавливается время зарождения этноса-народа» [23, с. 9]. В исследовании этнонима «славяне» отмечается, что его генезис «связан с динамикой и географией расселения части исторического племени венетов после краха Римской империи. Обретение новой родины на склонах Карпатских гор было связано с обретением и нового имени» [24, с. 19].

А.Г. Кузьмин вывел, что «цивилизация Древней Руси как особый хозяйственно-культурный тип и социально-политическая организация появились в результате смешения традиций различных этносов» [11, с. 412]. Опора на цивилизационную парадигму является недостаточной для познания судьбы России, связанной с эволюцией народнохозяйственного уклада. Жизненный уклад народа объективен в отличие от принимаемых кем-то решений, направленных на изменение хода развития событий. Несмотря на пережитые войны, междоусобицы, смену правителей народнохозяйственный уклад уже более тысячелетия сберегает Россию. Г.А. Артамонов пишет, что вся

общественная жизнь наших предков строилась *снизу вверх*, выстраиваясь «в одну достаточно монолитную «общину-землю» [13, с. 83]. Иными словами, на крестьянском мире держалось единство народа России, то есть сама Россия.

Распространение крестьянского мира по бесконечному пространству России сохранило народы и народности, являющиеся все вместе единым народом России. Крестьянский мир формировал и удовлетворял потребность в объединении разных по крови семей под его единым мирским началом, создании новых семей на базе расширения самого мира. Жившие миром крестьяне, чуждые изолированной жизни, были открыты другим людям. Жизнь каждого поколения была связана с удовлетворением потребности в сохранении межпоколенных скреп, свободных от политических, этнических или территориальных барьеров. Специфику мирного расселения крестьян по территории России определял народнохозяйственный уклад, соответствующий истинно человеческой природе. Понимание России требует признания целостности разных частей ее обширного и внешне разнопланового пространства, выраженной в менталитете единого народа России. Это объясняет то, почему современная Россия остается самодержавной, то есть сама себя удерживающей.

Единство народа России, которое наглядно проявляется в противостоянии с Западом, не может быть достигнуто цивилизованным умом, для которого Россия есть не что иное, как русский мир, территориальное и культурно-этническое

образование. Развиваемая в русле цивилизационной парадигмы проблема *Земли и Власти* препятствует пониманию природы жизненного уклада народа, имеющего глубокие хозяйственные корни, связанные с деятельностью народа на конкретной земле. Самостоятельность и внутренний суверенитет России определяются спецификой крестьянского мира. Как писал И.С. Аксаков, на крестьянском мире «утверждается в России самодержавие» [5, с. 227–228].

В текущей геополитической ситуации поиск глубинных истоков России актуален как никогда. В объявленной Западом войне против нашего менталитета в очередной раз проявляются коренные различия *хозяйства и экономики*. В этих условиях особенно остро звучат национальные приоритеты сбережения народа и развития человеческого потенциала, сохранения исторической памяти и исторически сложившегося единства России [25]. Как писал А.Г. Кузьмин, «история нужна для понимания современности» [9, с. 22], а для общества в целом нужна *истинная* история, возможная только при истинном научном методе. Требуется уточнение, что современной России нужна история хозяйства, народнохозяйственного уклада, лежащего в основании глубинной коренной России. Несмотря на внутренние и внешние потрясения, которыми наполнена наша история, сохранилась целостность народнохозяйственного мирозерцания. Задачей нашей власти по-прежнему остается проникновение в глубинные истоки России и принятие опирающихся на них народнохозяйственных решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заседание наблюдательного совета АНО «Россия — страна возможностей» от 20 апреля 2022 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68250> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Чернышевский, Н.Г. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., Мысль, 1986. 805 с.

3. Аксаков, К.С. Записка «О внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II // Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996. С. 154–166.
4. Антонов, М.Ф. Экономическое учение славянофилов. М., Институт русской цивилизации, 2008. 416 с.
5. Аксаков, И.С. Наше зная — русская народность. М., Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
6. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М., Книжный клуб 36.6, 2011. 800 с.
7. Кузьмин, А.Г. Чем держалось единство России // ИЗМ. № 3. 1997.
8. Кузьмин, А.Г. Почему в России не уважают законы? // Аль-Кодс. № 29, 1994.
9. Кузьмин, А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М., Владос, 2004. 447 с.
10. Широкова, М.А. Проблема соотношения государства и общества как критерий уточнения места славянофильства в российском идеологическом спектре // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 2/1. С. 250–256.
11. Кузьмин, А.Г. Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., Вече, 2003. 432 с.
12. Кузьмин, А.Г. Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Предисловие. М., 1986. С. 5–34.
13. Артамонов, Г.А. «Земля» и «Власть»: историография и методологические истоки проблемы // В поисках истины: ученый и его школа: коллективная монография. М., 2012. С. 53–88.
14. Дитяткин, Д.Г. «Варяжский фактор» в становлении восточнославянской государственности: историографический аспект // Земля и Власть в истории России: сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина. М., 2020. С. 57–70.
15. Успенский, Г.И. Собрание сочинений в 9 т. Т. 5. М., Государственное издательство художественной литературы, 1956. 495 с.
16. Пиеницын, И. Сбережение России. М., 2021. URL: https://vk.com/doc585199_628992708?hash=ySeu674eQENXBEuX5cu8hLO28Kgx9JXEWVFFPKrtaEo&dl=FG3AiGVZlio0v5mzXwvw3mqNwtmEkiiV7A4eZA0CхТТ (дата обращения: 10.06.2022).
17. Соловьев, С. История России с древнейших времен. Т. 1. Спб., Амфора, 2015. 384 с.
18. Белов, В.И. Повседневная жизнь русского Севера. Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М., Молодая гвардия, 2000. 391 с.
19. Русская община. М., Институт русской цивилизации, 2013. 1376 с.
20. Плеханов, Г.В. Сочинения. Т. 1. М., Гос. издательство, 1925–1927.
21. Бердяев, Н.А. Судьба России. М., Философское общество СССР, 1990. 240 с.
22. Пиеницын, И.В. Русский мир и антимир цивилизаций // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 26–33.
23. Славяне и Русь: проблемы и идеи: концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / отв. ред. А.Ф. Киселев. М., Флинта, Наука. 1999. 488 с.
24. Виноградов, А.Е. К происхождению этнонима славяне // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 1. С. 11–22.
25. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 N 400 “О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации”. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0pD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).

REFERENCES

1. Zasedanie nablyudatel'nogo soveta ANO “Rossiya — strana vozmozhnostej” ot 20 aprelya 2022 goda [Meeting of the Supervisory Board of the ANO “Russia — the Land of Opportunities” on

- April 20, 2022]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/68250> (accessed: 10.06.2022). (in Russ.)
2. Chernyshevskij, N.G. *Sochineniya v 2-h t. T. 1* [Essays in 2 vols, vol. 1]. Moscow, Mysl, 1986, 805 p. (in Russ.)
  3. Aksakov, K.S. Zapiska “O vnutrennem sostoyanii Rossii”, predostavlenaya Gosudaryu Imperatoru Aleksandru II [Note “On the Internal State of Russia”, Provided to the Sovereign Emperor Alexander II]. In: *Ocherk russkoj filosofii istorii. Antologiya* [Essay on the Russian Philosophy of History. Anthology]. Moscow, 1996, pp. 154–166. (in Russ.)
  4. Antonov, M.F. *Ekonomicheskoe uchenie slavyanofilov* [Economic Doctrine of Slavophiles]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2008, 416 p. (in Russ.)
  5. Aksakov, I.S. *Nashe znamya — russkaya narodnost* [Our Banner is the Russian nationality]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2008, 640 p. (in Russ.)
  6. Dostoevskij, F.M. *Dnevnik pisatelya: v 2 t. T. 1* [The Writer’s Diary: in 2 vols. 1]. Moscow, Knizhnyj klub 36.6, 2011, 800 p. (in Russ.)
  7. Kuzmin, A.G. Chem derzhalos edinstvo Rossii [What Kept the Unity of Russia], *IZM*, 1997, No. 3. (in Russ.)
  8. Kuzmin, A.G. Pochemu v Rossii ne uvazhayut zakony? [Why Don’t They Respect the Laws in Russia?], *AI-Kods = AI-Codes*, No. 29, 1994. (in Russ.)
  9. Kuzmin, A.G. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1618 g. Kn. 1* [The History of Russia from Ancient Times to 1618, Book 1]. Moscow, Vlados, 2004, 447 p. (in Russ.)
  10. Shirokova, M.A. Problema sootnosheniya gosudarstva i obshchestva kak kriterij utocneniya mesta slavyanofilstva v rossijskom ideologicheskom spektre [The Problem of the Correlation of the State and Society as a Criterion for Clarifying the Place of Slavophilism in the Russian Ideological Spectrum], *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*, 2015, No. 2/1, pp. 250–256. (in Russ.)
  11. Kuzmin, A.G. *Nachalo Rusi: Tajny rozhdeniya russkogo naroda* [The Beginning of Russia: The Secrets of the Birth of the Russian People]. Moscow, Veche, 2003, 432 p. (in Russ.)
  12. Kuzmin, A.G. *Otkuda est poshla Russkaya zemlya. Veka VI–X. Predislovie* [Where Did the Russian Land Come From. Centuries VI–X. Preface]. Moscow, 1986, pp. 5–34. (in Russ.)
  13. Artamonov, G.A. “Zemlya” i “Vlast”: istoriografiya i metodologicheskie istoki problemy [“Land” and “Power”: Historiography and Methodological Origins of the Problem]. In: *V poiskah istiny: uchenyj i ego shkola* [In Search of Truth: A Scientist and His School: Collective Monograph]. Moscow, 2012, pp. 53–88. (in Russ.)
  14. Dityatkin, D.G. “Varyazhskij factor” v stanovlenii vostochnoslavjanskoj gosudarstvennosti: istoriograficheskij aspekt [“Varangian factor” in the Formation of East Slavic Statehood: Historiographical Aspect]. In: *Zemlya i Vlast v istorii Rossii: sbornik nauchnyh statej* [Land and Power in the History of Russia: Collection of Scientific Articles by Participants of the All-Russian Scientific Conference in Memory of Professors A.G. Kuzmin, V.G. Tyukavkin and E.M. Shchagin]. Moscow, 2020, pp. 57–70. (in Russ.)
  15. Uspenskij, G.I. *Sobranie sochinenij v 9 t. T. 5* [Collected Works in 9 vols, vol. 5]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury, 1956, 495 p. (in Russ.)
  16. Pshenicyn, I. *Sberazhenie Rossii* [Saving of Russia]. Moscow, 2021. Available at: https://vk.com/doc585199_628992708?hash=ySeu674eQENXBuX5cu8hLO28Kgx9JXEWFVFPKrtEo&dl=FG3AiGVZlio0v5mzXvwv3mqNwrmEkiiV7A4eZA0CxTT (accessed: 10.06.2022). (in Russ.)

17. Solovev, S. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T. 1* [History of Russia Since Ancient Times, vol. 1]. St. Petersburg, Amfora, 2015, 384 p. (in Russ.)
18. Belov, V.I. *Povsednevnyaya zhizn russkogo Severa. Ocherki o byte i narodnom iskusstve krest'yan Vologodskoj, Arhangelskoj i Kirovskoj oblastej* [Everyday Life of the Russian North. Essays on the Life and Folk Art of the Peasants of the Vologda, Arkhangelsk and Kirov Regions]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2000, 391 p. (in Russ.)
19. *Russkaya obshchina* [Russian Community]. Moscow, Institut russkoj civilizacii, 2013, 1376 p. (in Russ.)
20. Plekhanov, G.V. *Sochineniya. T. 1* [Essays, vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1925–1927. (in Russ.)
21. Berdyaev, N.A. *Sudba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1990, 240 p. (in Russ.)
22. Pshenicyn, I.V. Russkij mir i antimiry civilizacij [The Russian World and the Anti-Worlds of Civilizations], *Filosofiya hozyajstva = Philosophy of Economy*, 2021, No. 1, pp. 26–33. (in Russ.)
23. *Slavyane i Rus: problemy i idei: koncepcii, rozhdennye trekhvekovoj polemikoj, v hrestomatijnom izlozhenii* [Slavs and Rus: Problems and Ideas: Concepts Born of a Three-Century Polemic, in a Textbook Presentation], ed. by A.F. Kiselyov. Moscow, Flinta, Nauka, 1999, 488 p. (in Russ.)
24. Vinogradov, A.E. K proiskhozhdeniyu etnonima slavyane [To the Origin of the ethnonym Slavs], *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly = Locus: People, Society, Cultures, Meanings*, 2022, vol. 13, No. 1, pp. 11–22. (in Russ.)
25. *Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 goda N 400 "O strategii nacionalnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii"* [Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0pLD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (accessed: 10.06.2022). (in Russ.)

Рышкус Владислав Валерьевич, кандидат экономических наук; независимый исследователь, ryshkus.v.v@mail.ru

329

Vladislav V. Ryshkus, PhD in Economics, Independent Researcher, ryshkus.v.v@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.06.2022. Принята к публикации 27.07.2022

The paper was submitted 17.06.2022. Accepted for publication 27.07.2022

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТАТАРСКОЙ АССР В УСЛОВИЯХ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

А.Р. Гапсаламов

Аннотация. Период второй половины 1930-х — начала 1940-х годов является значимым для российской истории. Правильно выстроенная государственная экономическая политика, ориентированная на военную сферу, создание большого количества промышленных предприятий, привлечение массы трудовых ресурсов и инвестиций позволили СССР создать мощную индустриальную базу и обеспечить относительную национальную безопасность. Не последнее место в этом процессе отводилось промышленности Татарской АССР. За короткое время республика быстро нарастила свои производственные показатели, уверенно шла по пути урбанизации, в итоге заняв ведущее место ресурсного и индустриально-го центра. В представленном исследовании сделана попытка разобраться в причинах столь мощного индустриального подъема и тех организационных процессах, которые этому способствовали.

Ключевые слова: СССР, Татарская АССР, промышленность, система управления, организация управления промышленностью.

Для цитирования: Гапсаламов А.Р. Организационные изменения в промышленности татарской АССР в условиях форсированной индустриализации // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 330–336. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-330-336

Благодарности: Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

330

ORGANIZATIONAL CHANGES IN THE INDUSTRY OF THE TATAR ASSR WITHIN THE FORCED INDUSTRIALIZATION CONDITIONS

A.R. Gapsalamov

Abstract. The period of the second half of the 1930s and early 1940s is significant for Russian history. The correctly constructed state economic policy focused on the military sphere, the creation of a large number of industrial enterprises, the attraction of a large number of labor resources and investments allowed the USSR to create a powerful industrial base and ensure relative national security. Industry of the Tatar ASSR was not the last place in this process. In a short time the republic rapidly increased its production indicators, confidently followed the path of urbanization, eventually taking a leading position as a

© Гапсаламов А.Р., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

resource and industrial center. The present study attempts to understand the reasons for such a powerful industrial boom and the organizational processes that contributed to it.

Keywords: USSR, Tatar ASSR, industry, management system, industrial management organization.

Cite as: Gapsalamov A.R. Organizational Changes in the Industry of the Tatar ASSR within the Forced Industrialization conditions. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 330–336. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-330-336

Acknowledgement: The article was supported by the Strategic Academic Leadership Program of Kazan (Volga Region) Federal University.

Вторая половина 1930-х гг. стала периодом мощного поступательного развития советской промышленности. Тезис И.В. Сталина четко раскрывает необходимость данной политики: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [1, с. 175].

Страна вошла во вторую фазу сверхмодернизации экономики, когда основная концентрация ресурсов в большинстве своем обеспечивала только те отрасли, которые так или иначе удовлетворяли потребности армии. Во многом данные действия объясняются нами относительным выравниванием общеэкономического положения страны, созданием (в ряде случаев — воссозданием) необходимых государству и населению отраслей экономики, а главное — концентрацией всегда ограниченных бюджетных средств на решении стратегически важных задач, стоящих перед государством.

Более четверти всех государственных инвестиций направлялись на военные отрасли. В результате в стране развернулось крупномасштабное строительство оборонных предприятий и выпуск новейшей военной продукции. В свою очередь данная сфера тянула за собой другие отрасли экономики, так или иначе связанные с выпуском оружия. Данный аспект служит доказательством того, почему многие

военные предприятия во второй половине 1930-х гг. располагались вблизи источников сырья, а также заводов, которые это сырье перерабатывали.

Во многом это объясняет, почему одним из важных направлений промышленной политики, проводимой советской властью, стало ускоренное освоение территории Татарской АССР, где было много полезных ископаемых, существовали благоприятные условия для быстрого развертывания производственных мощностей. К тому же республика была достаточно урбанизированной. На северо-западе проживало порядка 80% от всего городского населения, на северо-востоке концентрация городского населения составляла 11,5%, и практически не был урбанизирован юго-запад и юго-восток [2, с. 37].

Интенсивному росту промышленности края способствовало проведение мероприятий, проводимых государственными и республиканскими органами власти (частичные сведения об организационных изменениях в промышленности в рассматриваемый период автором обнаружены в работах Г. Сахарова, П. Чернай, О. Кабакова, Г.В. Лакина, А. Каравайкина и др., а также в современных исследованиях Е.А. Антиповой, С.А. Файзуллина и др.) [3–7]. В частности, они касались закрепления трудовых ресурсов на своих рабочих местах. Важным документом стало принятие Указа Президиума Верховного Совета

СССР, который уравнивал представителей рабочих и служащих индустриального сектора экономики с колхозниками. Фактически эти категории прикреплялись к своим предприятиям, переходить с одного на другое становилось возможным только по специальным разрешениям [8]. Постановлением 1938 г. определялись причины и условия увольнения работников с предприятий. Исследователь А.В. Молодчик указывает, что «увольняющийся должен был после подачи заявления об уходе с предприятия отработать месяц. В случае совершения рабочими и служащими трех проступков или опозданий на работу, совершенных в течение месяца, они увольнялись и затем в десятидневный срок выселялись из ведомственных квартир» [9, с. 99, 152]. Эти меры позволили «привязать» рабочих к конкретным предприятиям, обеспечив тем самым их запросы в трудовых ресурсах, и они очень сильно напоминали Германию, где в это же время проводились аналогичные мероприятия.

Отличительной чертой урбанизации стал рост татарского населения на предприятиях республики. Общее количество татарского населения в городах с 1926 по 1939 гг. увеличилось с 66,3 тыс. до 174,6 тыс. человек (то есть в процентном отношении с 23,6% до 28,4%) [2, с. 61]. И если непосредственно в промышленности было задействовано к 1937 г. более 105000 человек, из которых в крупной промышленности работало порядка 82000, то из них рабочих-татар в крупной фабрично-заводской промышленности было 28100 человек (в 1937 г. составив 36,5% от общего числа всех рабочих) [10, с. 337]. Правда, по-прежнему на руководящих должностях преобладало русское население, что, по всей видимости, объяснялось общими установками участия титульной нации в работе партийно-государственных структур. Татарская АССР не только обеспечила

кадрами собственную промышленность, но и направила значительную их часть на крупные стройки страны.

Важной особенностью данного периода стало углубление процессов централизации управления промышленностью. Существующая структура не отвечала потребностям массового производства и препятствовала ускорению технологических и производственных процессов. Требовались новые механизмы управления, которые позволяли бы реализовать амбициозные устремления советского руководства.

Одновременно с этим появились и другие обстоятельства, ускорившие экономические процессы в стране. Нами обращено внимание на то, что если в первые послеоктябрьские годы централизация системы управления была обусловлена во многом необходимостью консолидации имеющихся ресурсов в руках большевистской власти и, возможно, личными амбициями руководителей партии, то в рассматриваемый период была связана с потребностью ускорения модернизационных процессов в связи с возрастающей внешней угрозой. Советский Союз в ресурсном и военном планах все еще был слабо подготовлен к возможной агрессии и нуждался в дополнительных организационных мероприятиях. Что интересно, экономика вероятного противника СССР — Германия — имела в этот период очень много общего с советской. Несмотря на то, что основной в этой стране стала форма государственного монополистического капитализма, а не социализма, как это было в СССР, здесь также стала выстраиваться система иерархических связей, при которой замыкающим элементом становился Генеральный совет хозяйства. Одновременно с этим расширялся государственный сектор экономики, который разрастался за счет имущества евреев и других репрессированных слоев немецкого общества; стало осуществляться планирование экономики.

Решение комплекса организационных, финансовых и ресурсных проблем виделось как с позиции привлечения соответствующих технологий, квалифицированных кадров и т. п. из-за границы (что было сделать достаточно сложно), так и с возможностью еще большей консолидации экономической сферы в русле отраслевой централизации. Да и в целом централизация, по мнению А.С. Сенявского, являлась закономерной чередой «...трансформации аграрного в индустриальное общество, (авт. — которая) всегда порождает фундаментальную нестабильность общества, противовесом чему становятся жесткие формы его организации» [11, с. 180].

В результате важным фактором обеспечения эффективности экономической сферы руководство страны видело в комплексе организационных преобразований, связанных с дальнейшей реорганизацией иерархической модели управления отраслями экономики с помощью использования такого института управления, как народные комиссариаты. При этом отраслевая турбулентность затрагивала не только стратегически важные наркоматы, подвергались изменениям даже органы местного управления. Этому же способствовало принятие в 1939 г. «Положения о краевом (областном) отделе местной промышленности», по которому органы местной промышленности подверглись новой реорганизации, связанной с их еще большей централизацией за счет упрощения и удешевления структуры. В этой связи в документах Национального архива Республики Татарстан нами обнаружены данные, из которых следует, что в структурах наркоматов местной промышленности РСФСР были «...ликвидированы управления районной промышленностью, их функции переданы соответствующим отделам наркоматов; существующие в наркоматах производственно-распорядительные

сектора превращены в управления того же наименования» [12, л. 62].

Нами выделены основные мероприятия рассматриваемого периода. К ним отнеслись следующие:

- в 1937 г. произошло разукрупнение Народного комиссариата местной промышленности (НКМП) ТАССР. На его основе было создано Управление легкой промышленности, которое через некоторое время было реформировано в НКЛП (Народный комиссариат легкой промышленности);

- в этом же году был создан Наркомат пищевой промышленности (НКПП) ТАССР, а также хозрасчетная контора «Татпищепромснабсбыт»;

- в 1939 г. был образован Народный комиссариат мясной и молочной промышленности ТАССР (НКММП) на основе объединения трестов: Маслопрома и Мясопрома. Кстати, следует отметить, что в данном случае их слияние стало вынужденной мерой вследствие того, что они на протяжении долгого времени находились в убыточном состоянии;

- в 1939 г. было создано Управление промышленности стройматериалов при СНК ТАССР. НКМП передавал в его управление несколько строительных заводов и предприятий. Правда, наличие организационных трудностей привело к тому, что уже в 1940 г. управление было ликвидировано, а все функции были переданы вновь НКМП.

Потребность крупных городов республики в отоплении привела к необходимости создания в 1937 г. конторы по добыче торфа, в дальнейшем — Татарской государственной топливной конторы, а к началу 1940 г. — Управления местной топливной промышленности (УМТП) при СНК ТАССР [13, л. 1–16].

Важные мероприятия в направлении централизации управления были связаны с разделением сферы влияния между органами управления, находящимися в местном

подчинении. В частности, отменялось Постановление Совета народных комиссаров (СНК) Татарской АССР от 17 августа 1936 г. «О районной промышленности ТАССР» и вводилось Постановление 1938 г. «О районной промышленности» [14, л. 148]. Данное постановление юридически закрепило образование Управления районной промышленности Народного комиссариата местной промышленности (НКМП) ТАССР, а на местах — образование в районах промышленных отделов и институтов проминспекторов. Тем самым продолжилась политика создания вертикали управления, но уже не на общесоюзном уровне, а на уровне отдельных районов. К ведению промотделов стали относиться все промышленные предприятия районного (городского) значения, расположенные на территории района (города). В задачи промотделов входило: руководство промышленными предприятиями, подчиненными РИКАм; осуществление наблюдения, содействия и контроля в отношении предприятий промысловой и инвалидной кооперации района (города); руководство работой по выявлению природных ресурсов в пригородной зоне города и района; организация на базе местного сырья и отходов новых предприятий и др.

Отраслевая централизация второй половины 1930-х гг. тем не менее не привела к качественному преобразованию системы управления республиканской промышленности. Оставались проблемы, которые решить не удавалось. Отсутствие должного финансирования, нехватка персонала, да и просто организационные просчеты служили факторами, снижавшими эффективность промышленности. Непосредственно перед войной последовала новая волна перестановок;

- в зимние месяцы 1941 г. произошло объединение Народного комиссариата мясомолочной промышленности с Народным комиссариатом пищевой промышленности;

- в апреле 1941 года на основе постановления «О ликвидации ненужных организаций в г. Казани» [15, л. 116] были закрыты ряд убыточных и неэффективных предприятий столицы.

Эти и другие мероприятия не всегда несли положительный эффект. Приведем пример, когда Приказом НКМП РСФСР от 1940 г. без согласия Совета народного комиссариата ТАССР была ликвидирована проектная контора Татпромпроект, которая занималась проектно-сметными работами и обслуживала всю промышленность местного подчинения ТАССР и промкооперацию [16, л. 364–368]. В результате оформление проектной документации стало требовать приглашения специалистов из центра.

Исследование выявило еще одну интересную особенность рассматриваемого периода, связанную со стремлением отдельных народных комиссариатов к переподчинению или даже ликвидации ряда предприятий, не входящих в их структуру, что подчеркивало конкурентную борьбу между ведомственными структурами. В этой связи интересна переписка между НКЛП РСФСР и СНК ТАССР, в одном из писем которой было указано, что «...в отношении мелких предприятий (суконная, ватная) НКЛП РСФСР все время требует от СНК ТАССР согласие на их закрытие, а в отношении крупных предприятий все время поднимает вопрос об изъятии из местного подчинения, тем самым приняли установку на суживание Татарской местной промышленности» [17, л. 5].

Фактически к началу войны в результате серьезных организационных изменений, которые проводились как на общесоюзном, так и на республиканском и местном уровнях, была создана стройная система отраслевого управления. В механизме государственного управления территориальные органы управления теряли свою хозяйственную самостоятельность и переходили в полное подчинение отраслевым структурам.

Республиканские и местные органы управления были полностью вписаны в эту систему и практически не имели возможности самостоятельного принятия решений по ключевым вопросам деятельности предприятий. Распределение финансовых средств предприятий, сырья, оборудования, направление квалифицированных кадров и многие другие вопросы должны были решаться только с согласия вышестоящих органов.

Невыполнение планов и заданий вышестоящих органов жестоко наказывалось. Но, несмотря на это, дальнейшие события Великой Отечественной войны показали достаточно результативность централизованного управления в экстремальных условиях. Как на уровне страны, так и на уровне отдельных регионов строгая иерархия подчинения давала высокий эффект выполнения управленческих команд.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. История социалистической экономики СССР. Т. 4. М.: Наука, 1978.
2. Сакаев, В.Т. Городское население Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические процессы: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008.
3. Антипова, Е.А. Промышленность автономных республик Среднего Поволжья в 1925–1940-е годы: исторический опыт создания отрасли: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2000. 283 с.
4. Каравайкин, А. Реорганизация системы управления промышленностью в 1931 и 1932 гг. // Советское государство. 1933. № 7/8.
5. Лакин, Г.В. Реформа управления промышленностью в 1929–1930 гг. М., 1930.
6. Сахаров, Г., Чернай, П., Кабаков, О. Очерки организации тяжелой промышленности СССР. М., 1934.
7. Файзуллин, С.А. Административно-территориальное устройство Татарской АССР в 1920–1930-е гг.: формирование и развитие: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 250 с.
8. Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20.
9. Молодчик, А.В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929–1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.
10. История Татарской АССР. Т. 2 / под ред. Х.Г. Гимади, М.К. Мухарьямова, Х.Х. Хасанова. Казань: Таткнигоиздат, 1960. 584 с.
11. Сенявский, А.С. Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3.
12. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р–128. Оп. 1. Д. 3068. Л. 62.
13. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р–2840. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–16.
14. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р–4580. Оп. 1. Д. 3400. Л. 148.
15. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р–128. Оп. 1. Д. 3499. Л. 116.
16. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р–128. Оп. 1. Д. 3501. Л. 364–368.
17. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р–128. Оп. 1. Д. 3067. Л. 5.

REFERENCES

1. *Istorija socialisticheskoj jekonomiki SSSR*. Т. 4 [History of the Socialist Economy of the USSR, vol. 4]. Moscow, Nauka, 1978. (in Russ.)
2. Sakaev, V.T. *Gorodskoe naselenie Tatarskoj ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-demograficheskie processy* [The Urban Population of the Tatar ASSR During the Great Patriotic War: Historical and Demographic Processes]: PhD Dissertation (History). Kazan, 2008. (in Russ.)

3. Antipova, E.A. *Promyshlennost avtonomnyh respublik Srednego Povolzhja v 1925–1940-e gody: istoricheskij opyt sozdaniya otrasli* [Industry of the Autonomous Republics of the Middle Volga Region in the 1925s–1940s: Historical Experience of the Creation of the Industry]: PhD Dissertation (History). Cheboksary, 2000, 283 p. (in Russ.)
4. Karavajkin, A. Reorganizacija sistemy upravlenija promyshlennostju v 1931 i 1932 gg. [Reorganization of the Industrial Management System in 1931 and 1932], *Sovetskoe gosudarstvo = The Soviet State*, 1933, No. 7/8. (in Russ.)
5. Lakin, G.V. *Reforma upravlenija promyshlennostju v 1929–1930 gg.* [Industrial Management Reform in 1929–1930]. Moscow, 1930. (in Russ.)
6. Saharov, G., Chernaj, P., Kabakov, O. *Oчерки organizacii tjazhelej promyshlennosti SSSR* [Essays on the Organization of Heavy Industry of the USSR], Moscow, 1934. (in Russ.)
7. Fayzullin, S.A. *Administrativno-territorialnoe ustrojstvo Tatarskoj ASSR v 1920–1930-e gg.: formirovanie i razvitie* [Administrative-territorial structure of the Tatar ASSR in the 1920s–1930s: formation and development]: Extended Abstract of PhD Dissertation (History). Kazan, 2013, 250 p. (in Russ.)
8. *Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR* [Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR]. 1940, No. 20. (in Russ.)
9. Molodchik, A.V. *Gosudarstvennaja socialnaja politika SSSR i uroven zhizni sovetskogo naselenijav 1929–1953 gg.* [The State Social Policy of the USSR and the Standard of Living of the Soviet Population in 1929–1953]: ScD Dissertation (History). Moscow, 2004. (in Russ.)
10. *Istorija Tatarskoj ASSR. T. 2* [History of the Tatar ASSR, vol. 2], ed. by H.G. Gimadi, M.K. Mukharyamov, H.H. Khasanov. Kazan, Tatknigoizdat, 1960, 584 p. (in Russ.)
11. Senjavskij, A.S. Byla li alternativa svertyvaniyu novoj ekonomicheskoy politiki? [Was there an alternative to curtailing the new economic policy?], *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki = Questions of Theoretical Economics*, 2020, No. 3. (in Russ.)
12. *Nacionalnyj arhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan, fund R–128, inventory 1, file 3068, sheets 62]. (in Russ.)
13. *Nacionalnyj arhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan, fund R–2840, inventory 1, file 1, sheets 1–16]. (in Russ.)
14. *Nacionalnyj arhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan, fund R–4580, inventory 1, file 3400, sheets 148]. (in Russ.)
15. *Nacionalnyj arhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan, fund R–128, inventory 1, file 3499, sheets 116]. (in Russ.)
16. *Nacionalnyj arhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan, fund R–128, inventory 1, file 3501, sheets 364–368]. (in Russ.)
17. *Nacionalnyj arhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan, fund R–128, inventory 1, file, 3067, sheets 5]. (in Russ.)

Гапсаламов Алмаз Рафисович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, кафедра экономики и менеджмента, Казанский (Приволжский) федеральный университет, gapsalamov@yandex.ru

Almaz R. Gapsalamov, PhD in Economics, Associate Professor, Chairperson, Economics and Management Department, Kazan (Volga Region) Federal University, gapsalamov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.05.2022. Принята к публикации 15.07.2022

The paper was submitted 30.05.2022. Accepted for publication 15.07.2022

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ В АНГЛИИ ЭПОХИ ГЕОРГОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОСПИТАНИЯ, ОБУЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Г.В. Шпак

Аннотация. Во второй половине XVIII в. в Англии происходит трансформация досуговых практик. Возникает новый рынок, призванный обеспечивать родителей всем необходимым для воспитания и обучения их чад. Одним из показательных явлений эпохи являются образовательные настольные игры, из которых ребенок мог узнать об истории Англии, европейской и мировой географии, арифметике, ботанике и пр. В то же время необходимым элементом обучения являлось развитие добродетели и воспитание морали. Существовали как отдельные дидактические игры, демонстрирующие влияние этических норм на судьбу человека, так и скрытые приемы в играх, воспитывающие скромность, честность, открытость и пр. В данной статье будет рассмотрен эвристический потенциал такого вида исторического источника, как образовательные настольные игры, предложены пути их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: настольные игры, воспитание, педагогика, эпоха Георгов, Англия, физические объекты, материальная культура, детский досуг.

Для цитирования: Шпак Г.В. Настольные игры в Англии эпохи Георгов как инструмент воспитания, обучения и распространения научных знаний // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 337–352. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-337-352

BOARD GAMES IN ENGLAND OF THE GEORGIAN ERA
AS A TOOL OF EDUCATION, UPBRINGING AND DISTRIBUTION
OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

337

G.V. Shpak

Abstract. The second half of the eighteenth century witnessed the transformation of leisure practices in England. A new market emerged, designed to provide parents with everything necessary for the upbringing and education of their children. One of the indicative phenomena of the era are educational board games, which helped the child to learn about the history of England, European and world geography, arithmetic, botany, etc. At the same time, a necessary element of learning was the development of virtue and instilling morality. There were both individual didactic games that demonstrated the influence of ethical norms on a person's destiny and hidden techniques in games that fostered modesty, honesty, openness, etc. The article considers the heuristic potential of such a type of historical source as educational board games and suggests ways for their further study.

© Шпак Г.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: board games, education, pedagogy, the Georgian Era, England, physical objects, material culture, children's leisure.

Cite as: Shpak G.V. Board Games in England of the Georgian Era as a Tool of Education, Upbringing and Distribution of Scientific Knowledge. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 337–352. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-337-352

На протяжении XVIII в. социальные отношения и формы проведения досуга в Британии претерпевают существенные изменения, связанные как с бурным экономическим ростом, вызванным успешной деятельностью торговых компаний и ростом рынков сбыта, так и с революцией в коммуникативной сфере и области распространения знаний. Развивающийся рынок способствовал росту городов, число которых со средним населением в десять тысяч человек к концу XVII в. было около двадцати [1, с. 19]. К первой половине XVIII в. население таких быстрорастущих городов после Лондона, как Ньюкасл, Бристоль или Норидж достигало 25 тысяч человек [там же]. И, хотя дворянство к концу XVII в. составляло около 150 тысяч человек, то есть 3% от общего числа населения, стремительно росла численность класса предпринимателей. К началу XVIII в. их число уже превышало 300 тысяч [там же, с. 17].

Развитие печатного дела и революция в формах проведения досуга способствовала развитию новых образовательных и воспитательных практик, немаловажное место среди которых занимали настольные игры. Теперь сыновьям знатных семейств требовалось не столько посвящать свое время изучению древних языков, штудировав тексты на греческом и латыни, сколько изучать современные языки и математические дисциплины, знание которых должно было обеспечить их успешное будущее.

Игровая форма воспитания и обучения была представлена как наиболее много-

обещающая в трактате Дж. Локка «Мысли о воспитании» (“Some Thoughts concerning Education”), опубликованном в 1693 г. Эта работа стала одной из основополагающих в английской теории образования XVIII в. В основу трактата легли письма, изначально написанные для друга аристократа, что впоследствии дало возможность, руководствуясь советами Дж. Локка, прививать аристократизм юношам вне зависимости от их происхождения.

За воспитание ребенка, согласно Дж. Локку, в первую очередь отвечал его родитель, поскольку воспитание детей «настолько является долгом и интересом родителей и благополучие нации настолько зависит от него, что каждому бы следовало серьезно принимать его к сердцу и, тщательно исследовав и разобрав, что советуют в данном случае каприз, обычай или разум, содействовать со своей стороны повсеместному осуществлению того способа воспитания молодежи с учетом различных условий ее жизни, который всего легче, быстрее и вернее способен создать добродетельных, дельных и способных людей в границах их различных призваний» [2, с. 410–411].

Дж. Локк был убежден, что ребенок является полноправным участником воспитательного процесса и необходимо обращать должное внимание на его желания и способности. На раннем этапе родителям необходимо было «сделать душу ребенка послушной дисциплине и разуму», стараясь избегать при этом телесных наказаний, которые только вредят стремлению

сделать детей «разумными, добрыми и талантливыми людьми» [там же, с. 444]. Дж. Локк утверждал, что гораздо более действенным орудием воспитания является стремление к славе и боязнь позора: «Если вам удалось научить детей дорожить доброй репутацией и страшиться стыда и позора, вы вложили в них правильное начало, которое будет всегда проявлять свое действие и склонять их к добру» [там же, с. 446].

Основной задачей родителя считалось воспитание в ребенке добродетельного начала, которое Дж. Локк называл «самым необходимым из тех упомянутых качеств, которыми должен обладать человек или джентльмен», и без которого человека и в этом, и в ином мире будет преследовать несчастье. Воспитание добродетельного нрава считалось более необходимым, чем изучение наук: «Читать и писать, обучать наукам — все это я признаю необходимым, но не главным делом. Я думаю, что вы сочтете совершенным глупцом того, кто добродетельного или мудрого человека не поставит бесконечно выше большого ученого» [там же, с. 547]. Дж. Локк не отрицал необходимость изучения наук, но утверждал, что они приносят мало пользы людям, не имеющим должных задатков и способностей.

Одной из дисциплин, формирующих у подрастающего поколения представление о добродетели, была история. Ф.С. Честерфилд в письмах к семилетнему сыну (1739 г.) указывает на необходимость вычленения из истории Рима примеров достойного поведения: «Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас; что касается них, нам надлежит сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру и подвигает на благие дела» [3, с. 93]. Однако и другие дисциплины при

правильной подаче становились действенным дидактическим инструментом. Ключевой вопрос был, как сделать эти дисциплины интересными для ребенка.

Дж. Локк отмечал, что игры могут быть замечательным образовательным инструментом, поскольку дети «любят разнообразие и свободу, и что именно это делает для них игры привлекательными» [2, с. 527]. Он указывал на то, что любой образовательный процесс можно представить в виде игры, предлагая выстраивать его в виде соревнования, но в то же время стараясь избегать пресыщения игрой: «Чтобы поддержать в ребенке рвение к этой игре, внушите ему мысль, что она составляет привилегию взрослых» [там же, с. 549].

Французский священник и педагог А. Готье, перебравшийся в годы французской революции в Лондон, основавший там школу для детей эмигрантов и написавший немало книг, посвященных образовательным играм, выделял четыре преимущества игровых практик, утверждая, что, во-первых, развлекательная форма предотвращает уныние, являющееся следствием равнодушия обучающихся; во-вторых, эта форма не дает детям ассоциировать учебу с усталостью; в-третьих, игровая форма наиболее подходит для обучения детей в силу незрелости их ума; и, в-четвертых, игра может внушать детям правильные принципы и воспитывать в них добрый нрав, что рассматривается как первый шаг к нравственному совершенству [4, с. 254].

На протяжении эпохи Георгов для детей в Англии было создано множество разнообразных игр: специальные алфавиты и кубики, способствующие запоминанию букв, разборные пазлы и головоломки, настольные игры для детей более старшего возраста, карточные игры, которые, однако, были менее востребованы

Первые настольные игры и разборные головоломки были географическими. Это объясняется тем, что формат настольной игры был наиболее привычен издателям географических карт. Первая детская настольная игра «Путешествие по Европе, или географическая игра» была разработана писателем и географом Дж. Джефферисом и опубликована издателем карт К. Боулзом в 1759 году [4, с. 259]. Игра представляла собой карту Европы с 77 остановками, по которым игроки перемещали фишки, вращая специальный волчок (см. рис. 2). Как и в последующих играх, каждую ячейку сопровождало пояснение, имеющее образовательное и воспитательное значение. Например, как сообщает инструкция, игрок первым добравшийся до ячейки No. 77 (Лондон) «будет иметь честь целовать руку короля

Великобритании, а также посвящен в рыцари и получит комплименты от своей компании в связи со своим новым званием». В ходе игры можно было не только освоить географические сведения, но и получить сведения о геополитической обстановке. Так, если игрок попадет на ячейку No. 48 (Рим), он «будет сослан за то, что целовал палец ноги папы, на ячейку 4 (холодный остров Исландия) и пропустит три хода» [7].

Если первые образовательные настольные игры имели вид переработанных географических карт, постепенно иллюстраторы стали уходить от этого формата, создавая для игр специальное поле. Эти игры были устроены по тому же принципу, что и «Game of Goose». Игровое поле было разбито на ячейки, по которым перемещались фишки игроков. Количество

Рис. 2. Путешествие по Европе или географическая игра, 1759 г. [там же]

ходов определялось вращением специального волчка — титотума (Teetotum). Игральные кости, как и карты, ассоциировались с азартными играми и были менее востребованными. Как отмечал Дж. Локк, «что касается карт и костей, по моему мнению, безопаснее и лучше всего, чтобы он (ребенок) никогда не учился играть в них и был, таким образом, защищен от этих опасных соблазнов и от вторжения в его жизнь этих расточителей полезного времени» [2]. Правила и описание каждой ячейки были либо выгравированы на игровом поле, либо излагались в прилагающемся к игре буклете.

Только географических образовательных игр за рассматриваемый период было выпущено около трех десятков [8]. Задачей их авторов было не столько «географическое развлечение», сколько создание своего рода путеводителей, в которых указывались памятники древности, знаменитые загородные поместья, природные достопримечательности и пр. Помимо этого, игры использовались для продвижения имперского образа Британии, экспансионистской политики и воспитания патриотических чувств [9, с. 16].

Как отмечает К. Гудфеллоу, общее представление о назначении географических игр можно получить, прочитав вступление к игре «Географические развлечения или путешествие вокруг Земного шара» (*Geographical Recreations or A Voyage around the Habitable Globe*), составленной Дж. Харрисом в 1809 г.: «Эта игра, содержащая 116 миниатюрных изображений самых интересных географических предметов, предназначена для ознакомления молодежи с названиями и относительным положением мест, а также с нравами, обычаями и костюмами различных народов Земного шара. И так как любопытство естественным образом возбуждается изображенными сценами и

возможными открытиями, предполагается, что эти сцены, с отсылкой на приведенную справку, окажутся постоянным источником развлечения для молодых людей обоих полов и дадут объем географических знаний, который может оказаться одинаково полезным в чтении и разговоре» [6, с. 74].

Географические игры предлагали взглянуть на устройство мира с британской точки зрения, продвигая имперскую этику и риторику колониализма. В отличие от них исторические игры фокусировали внимание на событиях, происходивших на Британских островах. Кульминацией большинства исторических настольных игр этого периода становится правление Георга III, находившегося на троне с 1760 по 1820 гг., и его сына Георга IV, правившего с 1820 по 1830 гг.

Одна из первых исторических настольных игр — «Знакомство с королевской генеалогией. Правители Англии от саксонской гептархии до правления Его Величества Георга Третьего» — была издана в 1791 году. В описании игры сказано: «Так как это научная игра, в которой в равной степени учитываются развлекательная и образовательная стороны, мы надеемся, юный игрок не будет слишком утруждать свою память для приобретения безупречных знаний. Большинство игр рассчитаны лишь на то, чтобы способствовать развитию умения и хитрости, но эта, несомненно, не просто развлечет, но способствует знакомству игроков с генеалогией своих королей» [10]. Игра предлагает ознакомиться с краткими биографиями 52-х правителей Англии от Эгберта, о котором сказано, что он «является прямым потомком первых саксонских королей Уэссекса» и «завоевателем шести остальных королевств, объединившим их в одно», до Георга III, который «сменил на троне своего деда, и наградит игрока,

первым оказавшегося в его компании» [там же].

Исторические игры несли как образовательную, так и воспитательную функцию, формируя у игроков устойчивые стереотипы о монархах, их добродетелях и пороках. О Генрихе II сказано, что он был щедрым благодетелем ученых, и игрок, оказавшийся на ячейке с ним, может передвинуть фишку на два деления вперед. Тот же, кто попадал на ячейку с

Генрихом VIII, должен был вернуться в самое начало игры, поскольку таким же несправедливым было обращение короля со знатью.

В буклете, прилагающемся к игре «Историческое времяпрепровождение, или Новая игра по истории Англии от Вильгельма Завоевателя до Восшествия на престол Георга Третьего» [11] (см. рис. 3), опубликованной в 1803 году, сказано: «Полезьа и направленность этой

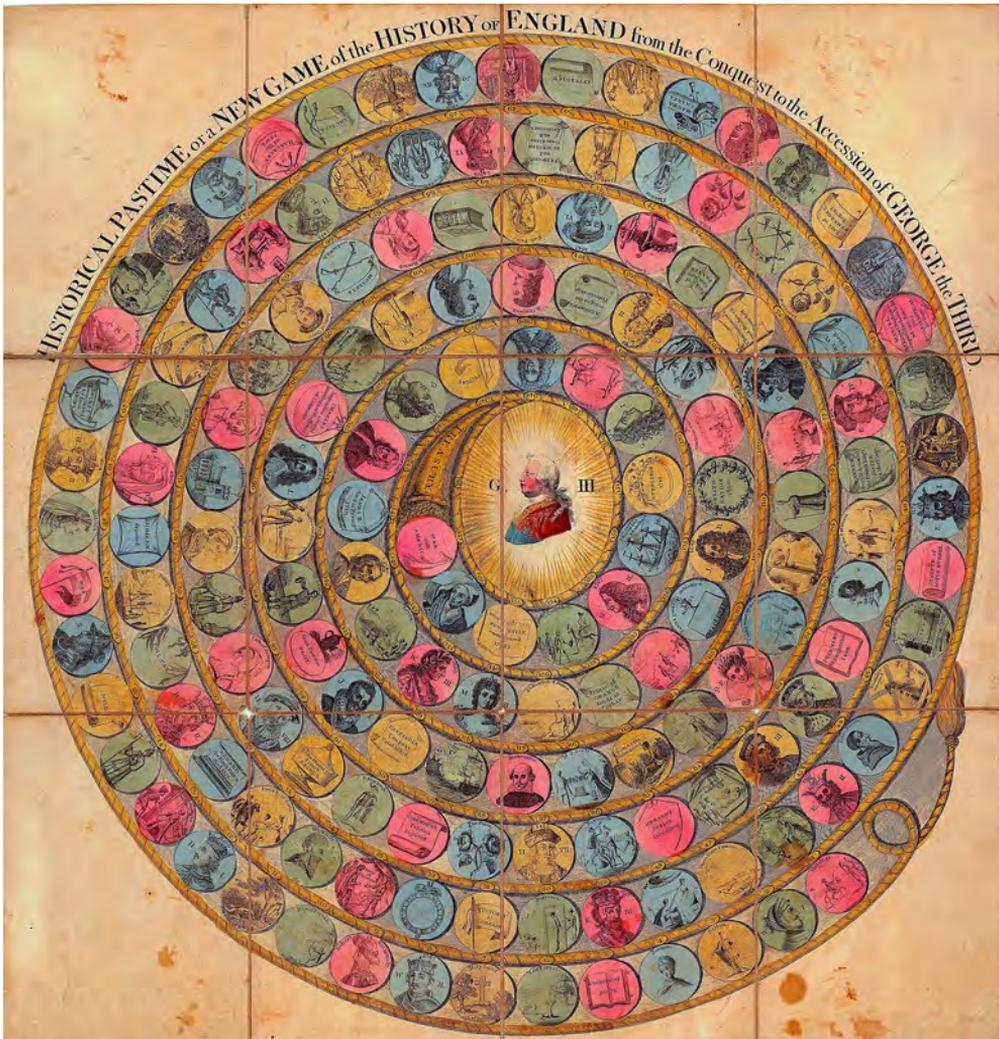

Рис. 3. Историческое времяпрепровождение или новая игра по истории Англии от Вильгельма Завоевателя до Восшествия на престол Георга Третьего, 1803 [11]

игры должны быть очевидны с первого взгляда, поскольку, несомненно, не может быть более приятного занятия, чем изучение истории, и нет более полезного для молодежи, чем то, которое в приятной и исчерпывающей форме сообщает им о событиях, произошедших в их собственной стране. Изображения, пронумерованные от 1 до 158, представляют собой либо портреты выдающихся личностей, королей, государственных и церковных деятелей, генералов, поэтов и т. д., либо примечательные события из истории нашей страны, что, естественно, возбудит любопытство в юном уме, которое может быть удовлетворено кратким описанием каждого царствования» [12, с. А2].

Одной из задач автора исторической игры был отбор событий, отражающих путь формирования британской идентичности. В одной игре их могло быть более 150. Игры редактировались и переиздавались, включая информацию о новых правителях или дополняя уже имеющиеся сведения. Так, например, Дж. Харрис в 1810 г. подготовил переработанную версию игры к пятидесятилетию правления Георга III, указав во вступлении, что она является дополнением игры «Знакомство с историей Англии», охватывающей события от завоевания Англии Вильгельмом до восшествия на престол Георга III. Он отметил, что «изложенные события (а это правление было, несомненно, богато на события) вызовут живой интерес в душе каждого юного британца» [13].

Постепенно подобный формат обучения стал привлекать все больше внимания. К концу XVIII в. стали появляться настольные игры, знакомящие детей с естественными и математическими науками. Одной из первых подобных игр стала опубликованная в 1791 г. игра «Занятие арифметикой». Игроки перемещали свои фишки по полю, выполняя

арифметические задания. Издание игры 1798 г. включало стихотворные инструкции. Например, игрок, оказавшийся на ячейке No. 57 читал: “*Loud roars the lion while the deserts vast / Of burning Afric, trembling stand aghast: / Power to destroy is his, if you would have / Power greater still, pray for the power to save / Meanwhile avoid him, lest your heart he rend / And fly for safety to your nearest friend*” (Громко рычит лев, и бескрайние пустыни выжженной Африки в ужасе трепещут. Ему дана разрушительная сила и, если вы хотите оказаться сильнее, молитесь о спасении. А тем временем избегайте его, чтобы он не разорвал ваше сердце. Отправьтесь в поисках защиты к вашему ближайшему другу). Инструкция же для игрока, оказавшегося на ячейке No. 35, гласила: “*Wash the swine, and make them clean / To the mud again they’ll jog; / So some children have I seen / Everdirty, like a hog / Since with pigs you choose to share, / Stop two turns and wallow there*” (Сколько не отмывай свиней, они все равно найдут грязь. Так и некоторые дети, которых я встречал, всегда были грязные, как свиньи. Раз уж ты решил водиться со свиньями, пропусти два хода и поваляйся в грязи). Стихотворная форма позволяла научить не только арифметике, но также прививала моральные нормы. Игрок, первым добравшийся до финиша, должен был не забывать о скромности и не слишком зазнаваться, а игроки, решающие арифметические задачи, должны были стараться говорить только правду, в противном же случае им приходилось пропускать ход.

В последующие десятилетия будут выходить игры на различные темы: «Грамматическая игра в рифмы» (1802), «Мифологическая игра» (1804), «Удовольствие от астрономии» (1805), «Удовольствие от натуральной философии» (1805), игры,

посвященные флоре, фауне, геологии и пр. Эти игры не только давали представление о различных дисциплинах, но и показывали, какие успехи в этих науках были сделаны англичанами. Игра «Наука в соревновании, или удовольствие от астрономии» (Science in Sport or The Pleasures of Astronomy), опубликованная в 1804 году Дж. Уоллисом, включала 35 иллюстраций с портретами астрономов и изображениями астрономических явлений. В центре был изображен «Флемстид-Хаус» — старейшая английская обсерватория, окруженная портретами астрономов — Птолемея, Коперника, Тихо Браге, Ньютона. Игрок, делающий ход первым, должен был зачитать вступление, написанное на игровом поле и содержащее в себе определения основных астрономических понятий. Из введения игроки узнавали, что такое астрономия, телескоп, солнечная система, земной глобус, звездный глобус и т. д. Помимо этого игроки должны были прочитать в буклете о каждом явлении, изображенном на ячейке, на которой остановится их фишка, и выполнить дополнительные задания. Например, игрок, остановившийся на ячейке No. 8 «Звездный глобус», должен был дать определение этого понятия или пропустить ход. Ответить верно он мог, если внимательно слушал вступительную часть.

Помимо образовательной, игра имела и дидактическую функцию. Некоторые задания составлены в стихах. Например, игрок, попавший на ячейку No. 28 «Волонтер», должен был прочитать: “Your life your haz ardfory our country’s weal. So spin again to recompence your zeal” («Ты рискуешь своей жизнью на благо отечества, в качестве вознаграждения вращай волчок еще раз») [15]. Заканчивается игра на ячейке No. 35 «Флемстид-Хаус», про который сказано: «Обсерватория и резиденция королевского астронома, которым

в настоящее время является доктор Н. Маскелин. Исследованиям этого астронома обязаны различные отрасли науки, во имя которых он посетил различные уголки земли. Мореплаватели в особенности должны быть благодарны ему за составление множества ценных таблиц и за Морской альманах, выходящий под его руководством. Побеждает тот, кто первый достигнет этого числа» [там же].

Одной из основных задач настольных игр было воспитания добродетели. Для этой цели были разработаны два типа игр. Первый предлагал игрокам прожить жизнь англичанина от рождения до смерти, демонстрируя различные типы личностей и повествуя об их пороках и добродетелях. Второй предлагал игроку самому разобраться в основах морали и принципах добродетели, перемещая фишку по полю, на котором были отмечены как положительные (терпение, доброта, покаяние), так и отрицательные (праздность, упрямство, гордыня, пьянство, ложь) черты. Первый тип игр возник раньше и соответствовал рекомендации Дж. Локка воспитывать примером. Дж. Локк писал: «Так называемым манерам, из-за которых детям столь часто достается и по поводу которых им приходится выслушивать столько благих увещаний со стороны мудрых нянек и гувернанток, по моему мнению, лучше обучать посредством примера, чем с помощью правил...» [2, с. 455].

Первой игрой, позволяющей отстраниться от себя настоящего и взглянуть со стороны на возможное развитие своей жизни стала «Новая игра в человеческую жизнь», изданная Дж. Уоллисом в 1790 г. (см. рис. 6). За основу им была взята изданная в 1770-х гг. во Франции игра “Le Nouveau Jeude La Vie Huaine”. Как и большинство настольных игр, “The New Game of Human Life” была представлена в виде раскрашенной вручную гравюры,

Рис. 5. Наука в соревновании, или удовольствие от астрономии, 1804 [15]

состоящей из закрепленных на холсте шестнадцати отдельных листов. Восемьдесят четыре ячейки с миниатюрными иллюстрациями обрамляли расположенные в центре правила игры. Каждая ячейка обозначала год жизни и изображала отдельного персонажа. Некоторых из них, по словам К. Роуи, можно было легко идентифицировать. Он отмечает, что под No. 40 (Поэт) был изображен А. Поуп, под No. 55 (Патриот) — У. Питт, а на последней ячейке No. 84 (Бессмертный человек) изображался И. Ньютон [5].

Правила игры являлись не просто инструкцией для проведения досуга, но служили своеобразным учебником морали, повествующим об опасностях, подстерегающих человека на пути его жизни: «Бессмертный Человек, прожив 84 года,

кажется достоин своими талантами и заслугами стать эталоном для окончания жизни, которая может закончиться только Вечностью. Когда мы доберемся до No. 84, мы получим от этой игры все возможное, но, если мы превысим это число, мы должны вернуться на столько пунктов назад, на сколько мы прошли дальше. Жизнь человека делится на семь периодов по 12 лет, а именно от младенчества к юности, зрелости, расцвету лет (*Prime of Life*), безмятежному среднему возрасту (*Sedate Middle Age*), старости, дряхлости (*Decrepitude*) и крайней дряхлости (*Dotage*). В жизни он сталкивается с различными состояниями, которые располагаются в том порядке, в котором они обычно сменяют друг друга» [15]. Глядя на то, какие модели поведения дают

преимущество в игре, ребенок должен был выстраивать свой личный путь, стараясь при этом опередить других игроков.

«Прилежный Мальчик в 7 получает ставку (Stake) и переходит на 42 место Оратора. Небрежный мальчик в 11 лет должен оплатить ставку и пропустить два хода. Усердный юноша в 15 лет получает 2 ставки и переходит на 55, где встречает Патриота. Непримечательный юноша в возрасте 19 лет должен заплатить 1 ставку и перейти к Певцу на 38. Дуэлянт в 22 года должен заплатить 2 ставки и вернуться на место мальчика под номером 3. Покладистый мужчина в возрасте 26 лет останется на своем месте, пока его не займет другой игрок, и тогда он сможет вернуться на место своего освободителя. Блудный сын под номером 30 должен заплатить четыре ставки и вернуться к Беспечному мальчику под номером 6. Женатый мужчина в 34 года получит две ставки в качестве доли своей жены и станет Хорошим отцом в 56 лет. Писатель романов в 40 лет должен заплатить 2 ставки и вернуться к Озорному мальчику 5 лет <...>» [там же].

Из перечисленного видно, что добродетель в данной игре идет рука об руку с финансовой состоятельностью. Действительно, владеть подобной игрой могли только обеспеченные люди, которые стремились привить своим детям коммерческую жилку. Инструкция для родителей, выгравированная на полях, гласит: «Если родители, взявшие на себя приятную задачу обучения своих детей (или кто-то, кому могло быть делегировано это важное дело), заставят их останавливаться на каждом персонаже и уделять время рассуждениям о морали, разясняя по ходу игры образы персонажей и противопоставляя счастье добродетельной и хорошо прожитой жизни фатальным последствиям порочных и аморальных занятий,

эта игра может быть признана самой полезной и занимательной из всех, которые до сих пор предлагались публике» [там же].

Подобные игры являлись инструментом конструирования возможных моделей поведения, прививая при этом две идеи, которые на первый взгляд кажутся не столь очевидными. Во-первых, гоночные игры обладали сильным элементом случайности, когда успех игрока зависел не столько от его личных знаний, сколько от удачного вращения волчка. «Как и в безопасной симуляции реальной жизни, жизнь человека в классово-мобильном обществе могла иногда разворачиваться со случайностью и непредсказуемостью вращения тотума» [5]. Во-вторых, успех одного игрока неизбежно означал поражение другого, что также прививало мысль о неизбежном превосходстве одного над другим. Как пишет об этом К. Роуи, «в отличие от сентиментальных романов восемнадцатого века, которые привязывали читателей к конкретному персонажу, ставя его счастье выше второстепенных, такие развлечения, как «Новая игра в человеческую жизнь», высвечивали соперничество в жизни при капитализме, демонстрируя его ходом игры, где несколько игроков борются за счастье, которого, в конце концов, добьется только один» [5].

С развитием книжной индустрии жанр образовательных настольных игр стал менее востребован, а образование и игра так и не смогли сформировать устойчивых форм взаимодействия. Для историков настольные игры (географические, исторические, естественнонаучные, воспитательные и пр.) являются бесценным источником, позволяющим взглянуть «изнутри» на образ мысли англичанина эпохи Георгов, хотя в русской историографии еще не было предпринято попыток их детального анализа. Их изучение осложняет

отсутствие четкого места в числе историографических источников. В музейных коллекциях образовательные настольные игры могут быть отнесены к числу детских игр, сборных изделий, графических работ и пр. [там же]. Тем не менее широкий диапазон тем, представленный в

образовательных играх, позволяет историку взглянуть на них не просто как на предмет детского досуга, но как на источник, открывающий путь к пониманию трансформаций, происходивших в мировоззрении людей переходной эпохи конца XVIII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в XVII–XVIII веках: коллективная монография / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2022. 1080 с.
2. Локк, Дж. Сочинения: в 3 т. / пер. с англ. и лат. Т. 3 / ред. и сост. А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с.
3. Айзенштат, М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН, 2019. 190 с.
4. Shefrin, J. “Make it a Pleasure and Not a Task”: Educational Games for Children in Georgian England // The Princeton University Library Chronicle. Princeton University Library. 1999. Vol. 60. No. 2. P. 251–275.
5. Rovee, Ch. The New Game of Human Life, 1790 // BRANCH: Britain, Representation and Nineteenth-Century History. URL: https://branchcollective.org/?ps_articles=christopher-rovee-the-new-game-of-human-life-1790 (дата обращения: 10.07.2022).
6. Goodfellow, C.G. The Development of the English Board Game, 1770–1850 // Board Games Studies. International Journal for the Study of Board Games. Leiden, 1998. Vol. 1. P. 70–80.
7. Jefferys, J. A Journey Through Europe or the Play of Geography. London: Carrington Bowles Map & Printseller, 1759. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1210> (дата обращения: 05.07.2022).
8. Whitehouse, F.R.B. Table Games of Georgian and Victorian Days. Hertfordshire: Francis Priory Press Limited, 1971. 102 p.
9. Dove, J. Geographical Board Game: Promoting Tourism and Travel in Georgian England and Wales // Journal of Tourism History. 2016. No. 8 (1). P. 1–18.
10. Wallis, J. The Royal Genealogical Pastime of the Sovereigns of England from the Dissolution of the Saxon Heptarchy to the Reign of His Present Majesty George the Third. London: Published by E. Newbery, 1791. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=980> (дата обращения: 10.07.2022).
11. Wallis, J., Harris, J. Historical Pastime or a New Game of the History of England from the Conquest to the Accession of George the Third. London, 1803. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=542> (дата обращения: 06.07.2022).
12. Wallis, J., Harris, J. Rules and Directions for Playing the Historical Pastime or New Game of the History of England with a Short Account of the Principal Events which Have Occurred from William the Conqueror to the Accession of George the Third. London, 1803. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=542> (дата обращения: 06.07.2022).
13. Harris, J. The Jubilee. A New and Interesting Game. London: Published by Harris J., 1810. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1373> (дата обращения: 10.07.2022).

14. An Arithmetical Pastime Intended to Infuse the Rudiments of Arithmetic under the Idea of Amusement. London: Published by John Wallis, 1798. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=2210> (дата обращения: 05.07.2022).
15. Science in Sport or the Pleasures of Astronomy a New Game Revised and Approved by Mrs. Bryan, of Blackheath. London: Printed for John Wallis, 1805. 16 p. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1384> (дата обращения: 20.06.2022).
16. Wallis, J. The New Game of Human Life. London: Published by John Wallis, 1790. URL: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=144> (дата обращения: 01.07.2022).

REFERENCES

1. “Kultura Duha” vs “Kultura Razuma”: *Intellektualy i Vlast v Britanii I Rossii v XVII–XVIII vekah: kollektivnaja monografija* [“Culture of the Spirit” vs “Culture of the Mind”: Intellectuals and Power in Britain and Russia in the XVII–XVIII Centuries: A Collective Monograph], ed. by L.P. Repina. Moscow, Akvilon, 2022, 1080 p. (in Russ.)
2. Lokk, J. *Socinenija: v 3 t. T. 3* [Essays, vol. 3], ed. and comp. A.L. Subbotin. Moscow, Mysl, 1988, 668 p. (in Russ.)
3. Ajzenstat, M.P. *Istoriceskoe znanie v politiceskoj kulture Britanii vtoroj poloviny XVIII veka* [Historical Knowledge in the Political Culture of Britain of the Second Half of the XVIII Century]. Moscow, Institut vseobshchej istorii, 2019, 190 p. (in Russ.)
4. Shefrin, J. “Make it a Pleasure and Not a Task”: Educational Games for Children in Georgian England. *The Princeton University Library Chronicle*. Princeton University Library, 1999, vol. 60, No. 2, pp. 251–275.
5. Rovee, Ch. The New Game of Human Life, 1790. *BRANCH: Britain, Representation and Nineteenth-Century History*. Available at: https://branchcollective.org/?ps_articles=christopher-rovee-the-new-game-of-human-life-1790 (accessed: 10.07.2022).
6. Goodfellow, C.G. The Development of the English Board Game, 1770–1850. Board Games Studies. *International Journal for the Study of Board Games*. Leiden, 1998, vol. 1, pp. 70–80.
7. Jefferys, J. *A Journey Through Europe or the Play of Geography*. London, Carrington Bowles Map & Printseller, 1759. Available at: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1210> (accessed: 05.07.2022).
8. Whitehouse, F.R.B. *Table Games of Georgian and Victorian Days*. Hertfordshire, Francis Priory Press Limited, 1971, 102 p.
9. Dove, J. Geographical Board Game: Promoting Tourism and Travel in Georgian England and Wales. *Journal of Tourism History*, 2016, No. 8 (1), pp. 1–18.
10. Wallis, J. *The Royal Genealogical Pastime of the Sovereigns of England from the Dissolution of the Saxon Heptarchy to the Reign of His Present Majesty George the Third*. London, Published by E. Newbery, 1791. Available at: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=980> (accessed: 10.07.2022).
11. Wallis, J., Harris, J. *Historical Pastime or a New Game of the History of England from the Conquest to the Accession of George the Third*. London, 1803. Available at: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=542> (accessed: 06.07.2022).
12. Wallis, J., Harris, J. *Rules and Directions for Playing the Historical Pastime or New Game of the History of England with a Short Account of the Principal Events which Have Occurred from William the Conqueror to the Accession of George the Third*. London, 1803. Available at: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=542> (accessed: 06.07.2022).

13. Harris, J. *The Jubilee. A New and Interesting Game*. London, Published by Harris J., 1810. Available at: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1373> (accessed: 10.07.2022).
  14. *An Arithmetical Pastime Intended to Infuse the Rudiments of Arithmetic under the Idea of Amusement*. London, Published by John Wallis, 1798. Available at: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=2210> (accessed: 05.07.2022).
  15. *Science in Sport or the Pleasures of Astronomy a New Game Revised and Approved by Mrs. Bryan, of Blackheath*. London, Printed for John Wallis, 1805. 16 p. Available at: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=1384> (accessed: 20.06.2022).
  16. Wallis, J. *The New Game of Human Life*. London, Published by John Wallis, 1790. Available at: <http://www.giochidelloca.it/scheda.php?id=144> (accessed: 01.07.2022).
-

Шпак Георгий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр сравнительной истории и теории цивилизаций, Институт всеобщей истории РАН, geo.shpak@gmail.com

Georgiy V. Shpak, PhD in History, Senior Researcher, Comparative History and Theory of Civilizations Department, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, geo.shpak@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.06.2022. Принята к публикации 29.07.2022

The paper was submitted 26.06.2022. Accepted for publication 29.07.2022

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ

Д.В. Зернов, К.В. Игаева

Аннотация. *Статья подводит предварительные итоги пилотного проекта по исследованию представлений о патриотизме молодых учителей. Предлагается классификация их представлений, систематизируются различия взглядов учителей-предметников и ответственных за воспитательную работу, молодых специалистов и опытных педагогов. Показывается различие формально-деятельностного и культурно-знаниевого понимания патриотического воспитания. Доказывается, что переплетение этих позиций во многом носит нарративный характер и зависит от конкретной формулировки вопроса, а также предшествующего хода разговора. Анализируются изменения планов воспитательной работы и нормативной документации в 2010–2022 гг. Показывается взаимосвязь представлений о патриотизме и исторической памяти, формирующей коллективную самоидентификацию не через разделение людей по национальному, корпоративному или еще какому-то принципу, но через объединение и поиск точек взаимодействия с другими.*

Ключевые слова: *исследования памяти, патриотическое воспитание, историческое образование, социологические исследования.*

Для цитирования: *Зернов Д.В., Игаева К.В. Историческая память и патриотическое воспитание в российских школах глазами молодых учителей // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 353–360. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-353-360*

Благодарности: *Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № Н-211-2_2022-2023 «Медиаизация как фактор трансформации коммеморативных практик молодежи».*

353

HISTORICAL MEMORY AND PATRIOTIC EDUCATION IN RUSSIAN SCHOOLS: Interviewing Young Teachers

D.V. Zernov, K.V. Igaeva

Abstract. *The article summarizes the preliminary results of a pilot project to study the perceptions of young teachers about patriotism. It offers a classification of their perceptions, systematizes the differences in the views of subject teachers and those responsible for educational work, young professionals and experienced teachers. The difference between the formal-activity and cultural-cognitive understanding of patriotic education is presented. It is proved that the interweaving of these positions has a narrative character and depends on the specific wording of the question, as well as the previous course of the conversation. Changes in the plans of educational work and normative documentation in 2010–2022 are analyzed. The article shows the interconnection of ideas about patriotism and historical memory, which forms a collective self-identification not*

© Зернов Д.В., Игаева К.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

through the division of people according to national, corporate or any other principle, but through the unification and search for points of interaction with others.

Keywords: *memory studies, patriotic education, historical education, sociological research.*

Cite as: Zernov D.V., Igaeva K.V. Historical Memory and Patriotic Education in Russian Schools: Interviewing Young Teachers. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 353–360. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-353-360

Acknowledgement: The paper was supported by the Russian Science Foundation, project No. N-211-2_2022-2023 “Mediatization as a Factor of Transformation of the Youth Commemorative Practices”.

Сегодня вопросы политики памяти и ее отношения с исторической наукой широко обсуждаются и в России, и во всем мире [1–3]. С другой стороны, не менее актуально оказывается осмысление патриотизма, очень часто трактуемого не просто как любовь к Родине, но как уважение и признание ценности ее истории, что, впрочем, может по-разному интерпретироваться в разных исторических и социально-философских контекстах [4–6].

Как отмечает известный российский историк М.М. Кром, в большинстве европейских языков (включая русский) термин «патриотизм» появился только в XVIII в. как производное от латинского *patriot* — земляк, соотечественник [4, с. 9–10]. Этот термин не предполагал каких-либо ценностных, политических или моральных характеристик. Но постепенно такие коннотации стали появляться при его использовании в связи с определенными социально-политическими взглядами тех или иных авторов. Напомним, что ещё Цицерон связывал понятие отечества (*patria*) со свободой и законами, а римский патриотизм носил республиканский характер. К этой традиции активно апеллировали либералы XVII–XIX вв. Активное формирование национальных государств в Европе делает такую трактовку одной из самых употребляемых. «Во многом благодаря Французской

революции в конце XVIII века термин «патриотизм» ассоциировался с идеями республиканизма, эгалитаризма и тираноборчества» [там же, с. 51].

Если в Европе это понятие носило яркоокрашенный «революционный шлейф», то в российском государстве, начиная уже с XVIII в., оно стало соотноситься с верностью государственным институтам. В царствование Екатерины II (1762–1796) идея служения Отечеству стала основой своего рода неписаного договора между императрицей и ее подданными. Рост идей национализма в России XIX — начала XX вв. трансформирует понятие Родины, которая все чаще связывается не с определенной территорией, но с государством и политическим строем и особым «воображаемым сообществом» — нацией (Б. Андерсон).

Современный российский патриотизм может трактоваться по-разному теми или иными социальными группами. Широкий спектр не всегда осознанных его трактовок выходит далеко за рамки противопоставления «государственников» и «либералов». «В нем, наряду с имперскими амбициями нынешней политической элиты и ностальгией среднего и старшего поколения по былому советскому величию, можно заметить и ростки новой гражданской активности (включая градозащитную деятельность, экологическое

движение и др.), которые, несомненно, подпитываются любовью к родине, большой и малой» [там же, с. 131].

Прежде чем перейти к анализу интервью с молодыми учителями о том, что значит для них патриотизм, напомним, что вопросы патриотического воспитания представлены в рамках нормативных документов российского Министерства просвещения. Хотя содержание патриотического воспитания не прописывалось в федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС) 2010 г., в нем регламентировались основные направления внеурочной деятельности общеобразовательных учреждений: спортивно-оздоровительное, духовно-нравственное, социальное, общеинтеллектуальное, общекультурное. Стандарт не определял конкретного содержания каждого из этих направлений, но фиксировал предполагаемый итог воспитательной деятельности в виде «портрета выпускника основной школы», который должен был обладать следующими характеристиками:

- любящий свой край и свое Отечество, знающий русский и родной язык, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции;
- осознающий и принимающий ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа, человечества;
- активно и заинтересованно познающий мир, осознающий ценность труда, науки и творчества;
- умеющий учиться, осознающий важность образования и самообразования для жизни и деятельности, способный применять полученные знания на практике;
- социально активный, уважающий закон и правопорядок, соизмеряющий

свои поступки с нравственными ценностями, осознающий свои обязанности перед семьей, обществом, Отечеством;

- уважающий других людей, умеющий вести конструктивный диалог, достигать взаимопонимания, сотрудничать для достижения общих результатов;
- осознанно выполняющий правила здорового и экологически целесообразного образа жизни, безопасного для человека и окружающей его среды;
- ориентирующийся в мире профессий, понимающий значение профессиональной деятельности для человека в интересах устойчивого развития общества и природы»¹.

Большинство этих пунктов носят созидательный характер, подчеркивают важность гуманистических ценностей и неразрывной взаимосвязи любви к родному краю, общественным институтам (гражданскому обществу, многонациональному российскому народу) и человечеству в целом. Политическая сфера конструируется здесь лишь косвенно (как производная от культурных ценностей и социальных норм).

Эти установки и соответствующие оттенки понимания патриотизма преобладали в нормативных документах до последнего времени, включая «Примерную программу воспитания» 2020 г. Здесь направления воспитательной работы вновь не были расписаны детально, но формировались как наиболее значимые приоритеты развития личности в зависимости от уровня образования. Например, в воспитании детей подросткового возраста (уровень основного общего образования) таким приоритетом становится формирование ценностного отношения к своему Отечеству, своей малой Родине как месту,

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования от 17 декабря 2010 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=387922&ysclid=15qvffe65g89706079> (дата обращения: 18.07.2022).

в котором человек вырос и которое нужно оберегать; к миру как главному принципу человеческого общежития; к семье как главной опоре в жизни человека и источнику его счастья.

«Примерная рабочая программа воспитания» 2022 г. становится существенно более объемной и содержит подробные пояснения по всем видам воспитательной деятельности. Здесь дополняются старые и появляются новые направления воспитательной деятельности: гражданское воспитание, патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, физическое, трудовое, экологическое, воспитание ценностей научного познания. При этом впервые *гражданское воспитание*, определяемое как формирование гражданской идентичности, изучение и уважение прав, свобод и обязанностей гражданина России, и *патриотическое воспитание* — воспитание любви к родному краю, Родине, своему народу, уважения к другим народам России; историческое просвещение, формирование российского национального исторического сознания, российской культурной идентичности — отделяются друг от друга как направления, хотя имеют практически идентичные результаты воспитательной деятельности².

В ходе пилотного исследования было проведено 12 интервью с молодыми учителями, работающими в школе, советниками директора по воспитательной работе, вожатыми и 6 интервью с преподавателями со значительным стажем. Все информанты говорят о патриотизме как о любви к Родине, однако по-разному видят проблемы и перспективы воспитательной работы в этом направлении. Следует оговориться, что эти трактовки не исключают друг друга, но скорее переплетаются в

ходе интервью и актуализируются в зависимости от конкретной ситуации или вопроса.

Условно можно выделить следующие дискурсивные трактовки патриотического воспитания в интервью учителей: во-первых, патриотическое воспитание часто описывается как социальная активность или *коллективная деятельность*, формализованная и регламентированная в соответствии с планом работы образовательной организации. Особенно явно такой подход преобладает в интервью заместителей директора по воспитательной работе и вожатых, которые работают по этому плану и в функционал которых входит организация разного рода мероприятий, что без активного участия школьников представляется крайне затруднительным. Татьяна (вожатая, интервью 22.06.2022): «У нас много акций, конкурсов, классных часов, мастер-классов, открытых уроков на военную тематику, на какие-то памятные даты». Сильной стороной этого подхода представляется широкое вовлечение учащихся в совместную деятельность. Однако планы мероприятий часто спускаются сверху, поэтому самостоятельная деятельность школьников становится менее важной, чем отчет для начальства. Олег (советник директора по воспитательной работе, интервью 20.06.2022): «Детям хочется живого общения, а сейчас стало очень много дистанционных работ и конкурсов. Если что-то на сцене сделать, праздник, то желающих гораздо больше. <...> А сейчас все больше показухи становится. Мы все фотографируем, выкладываем в социальных сетях, в гугл-формы прикрепляем. Тут стараешься работать на красивые фотографии». Историческая память здесь — лишь материал,

² Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций от 23.06.2022 г. URL: <https://fgosreestr.ru/poop/primernaja-programma-vozpitanija?ysclid=15qvol1xfi310284769> (дата обращения: 18.07.2022).

с которым нужно активно работать в прагматических интересах.

Достаточно часто эта стратегия пересекается с пониманием патриотизма как приобщения к *национальным символам* и официальным ритуалам через подъем флага России, пение гимна, участие в шествии «Бессмертного полка», почетный караул у Вечного огня и т. д. Татьяна (вожатая, интервью 22.06.2022): «Работая в школе уже 2 года, я могу сказать, что человек, который серьезно относится к патриотизму, — это человек, который участвует в различных мероприятиях, конкурсах, акциях, направленных на патриотическое воспитание. Он входит в актив, сам спрашивает, в чем можно поучаствовать? А есть дети, которые не любят всю эту тему. Это неформалы, как я их называю, у них крашенные волосы, неформальная форма одежды, они не хотят об этом даже узнать. <...> Вообще патриот — это когда идешь по улице в праздник 9 мая, видишь женщину с гвоздиками, с георгиевской ленточкой, сразу понимаешь, что женщина понимает историю и всю суть праздника». Здесь ношение георгиевской ленточки или кадетской формы оказывается важным показателем принадлежности к общему коллективному смыслу, отрефлексировать который информанту кажется сложнее, чем просто указать на символ. Минимальный характер такой рефлексии в перспективе может превратить сами символы в клише.

Третьей дискурсивной стратегией определения патриотизма представляется акцент на *знание* истории своей страны и *понимание ее культуры*. Такой подход преобладает у учителей-предметников. Ольга (учитель истории, интервью 24.06.2002): «Человеку, который любит свою Родину, не обязательно знать все даты, но хотя бы какие-то причинно-следственные связи, понимать, как вообще

строилась страна твоя». Важно, что такое знание включает важный момент рефлексивности. Историческая память с этой точки зрения представляется не воспроизведением информации, но ключом к процессу идентификации как осознанной принадлежности к некоторой культурной общности.

На пересечении этой стратегии и интерпретации патриотизма как коллективной деятельности оказывается еще одна его трактовка, которая часто преобладает в кадетских школах или специализированных классах, выпускники которых нацелены на поступление в военные училища или службу в армии. Патриотическое воспитание воспринимается здесь как элемент *профессиональной подготовки*. Александр (учитель истории в кадетской школе, интервью 25.06.22): «Патриотизм — это не пение гимнов, это труд на благо Родины». Такой патриотизм формируется не столько через коллективную деятельность учащихся, сколько как приобщение к корпоративной культуре, через экскурсии в сотрудничающие со школой организации: МЧС, следственный комитет, прокуратуру, МВД или военные части. Непосредственным объектом идентификации здесь оказывается профессиональная корпорация или социальный институт, метонимически замещающий народ как более широкую общность. Прагматика подобной трактовки связана с перспективой профессиональной самореализации школьников и оказывается достаточно востребованной не только в кадетских школах.

Следующая стратегия позиционирует патриотизм как *любовь к своей семье, заботу о родных и своей малой Родине*. Такая трактовка чаще всего озвучивается через запятую, в дополнение или как конкретизация общих слов о любви к Родине. Галина (руководитель онлайн-школы, интервью 2.07.2022): «На мой взгляд,

важнее всего живое общение с родными и близкими». С этой точки зрения, важна, прежде всего, личная память и опыт, которым делятся представители старшего поколения в живом общении — ветераны на 9 мая, заслуженные учителя со своими коллегами или на уроках и т. д.

Близко примыкает к такой трактовке патриотизма любовь к родному краю и его природе. Ольга (учитель истории, интервью 24.06.2022): «Как минимум бережное отношение ко всем памятникам и природе, природа тоже создавалась не один год, и это тоже надо ценить. <...> У меня в голове картинка: у нас на даче есть река огромная, и над этой рекой всегда закат. И часто там получается: низ красный, потом синее небо и облака, т. е. как флаг России». Ксения (учитель начальных классов, интервью 22.06.2022): «Каждый мелкий поступок превращается во что-то большее. Детям покажется странным, что такого: кинул бумажку — с кем не бывает. Мы как работаем: ты кинул бумажку, кто-то еще пнул кого-то. Если каждый из нас будет так поступать, то это приведет к большим последствиям. <...> Посадил какое-нибудь растение на аллее или в парке, занимался волонтерством, очищал что-то, какую-то местность (пруд, парк), либо проводил мероприятия какие-нибудь с детьми, допустим просветительского характера, объяснял, рассказывал не только 9 мая, как это обычно происходит; мы касаемся темы патриотизма вообще, в целом». Показательно, что такая экологическая проблематика отсутствует в интервью учителей более старшего поколения, ориентированных скорее на культурную традицию и знаниевый подход, но регулярно встречается в высказываниях молодых специалистов (особенно из сельской местности), принадлежащих к поколению миллениалов.

Все перечисленные интерпретации патриотизма не очень отрефлексированы в

интервью и часто пересекаются. Во многом это переплетение носит нарративный характер, оно зависит от конкретной формулировки вопроса и предшествующего хода разговора. Если говорить о социальных факторах, то можно обозначить некоторые предварительные выводы, которые, впрочем, требуют уточнения в ходе более масштабного социального исследования. Во-первых, важно отметить преобладание формально-деятельностного подхода среди вожатых и ответственных за воспитательную работу, тогда как среди учителей-предметников более популярно культурно-знаниевое понимание патриотизма. Во-вторых, достаточно сильны возрастные различия: учителя в возрасте чаще высказывают критическое отношение к бюрократизации патриотического воспитания и его редукции к военной составляющей; тогда как молодые специалисты практически никогда не высказывают критики, но гораздо чаще включают в свои ответы экологическую проблематику. Ирина (учитель истории, интервью 23.06.2022) отмечает, что патриотизм включает «снисхождение к руководству страны. <...> Патриот принимает все, что в ней (в стране) творится, ему в любом случае нравится, где он живет». В-третьих, несмотря на существенные различия в трактовке патриотизма, все информанты крайне осторожно затрагивают современные политические события или уклоняются от разговора о них. Их представления о патриотизме остаются деполитизированными, что радикально отличается от упоминавшихся в начале статьи либеральных и консервативных трактовок этого термина, преобладавших в эпоху модерна и возрождающихся в официальных документах 2022 г. Показательно также, что ни один из информантов не использовал слово «нация». Возможно, это связано с тем, что патриотизм

в восприятии учителей предполагает объединение и интеграцию, а не проведение границ и разделение по какому-либо признаку.

Возвращаясь к изменениям ФГОС и «Примерных рабочих программ по воспитанию» с 2010 по 2022 гг., отметим, что подробная регламентация патриотического воспитания в них предполагает усиление формально-деятельностного подхода, не очень популярного среди учителей-предметников, но весьма востребованного и разделяемого управленческим аппаратом в сфере образования. Целью этих изменений становится политизация и формализация патриотического воспитания, однако оборотной стороной этого процесса может стать еще большее снижение его рефлексивности и связи с интернализированными ценностными установками, превращение в заученные клише.

Скорее всего, понятие «патриотизм» будет и дальше оставаться зонтичным — включать и соединять между собой разные интерпретации и оттенки смыслов. Коллективная идентификация и память продолжают работать не на разделение людей по политическому, национальному, корпоративному или еще какому-то принципу, но скорее на объединение и поиск точек взаимодействия с другими. Важно подчеркнуть, что если в современной государственной политике памяти преобладает модель антагонистического противопоставления разных идентичностей [2], то в высказываниях как молодых, так и опытных учителей этот антагонизм отсутствует. Поэтому перспективы развития исследований памяти (memory studies), на наш взгляд, во многом связаны с феноменологией этого типа исторического сознания и содействием росту его рефлексивности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
2. Ефременко, Д.В., Малинова, О.Ю., Миллер, А.И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
3. Воробьева, О.В., Николаи, Ф.В. Политика памяти, вызовы идентичности и стратегии преодоления социокультурных угроз в оценках российских и англоязычных исследований культуры // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 4. С. 173–180.
4. Кром, М.М. Патриотизм, или дым Отечества. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 160 с.
5. Павлов, А.А. Патриотизм: социально-философский подход // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 83–94.
6. Тимофеева, О. Родина. М.: Сигма, 2020. 64 с.
7. Примерная рабочая программа воспитания для общеобразовательных организаций от 23.06.2022 г. URL: <https://fgosreestr.ru/poop/primernaja-programma-vospitanija?ysclid=15qv0l1xfi310284769> (дата обращения: 18.07.2022).
8. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования от 17 декабря 2010 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=387922&ysclid=15qvffe65g89706079> (дата обращения: 18.07.2022).

REFERENCES

1. *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe], ed. by A. Miller, D. Efremenko. St. Petersburg, Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, 632 p. (in Russ.)
2. Efremenko, D., Malinova, O., Miller, A. *Politika pamyati i istoricheskaya nauka* [Politics of Memory and Historical Science], *Rossijskaya istoriya* = Russian History, 2018, No. 5, pp. 128–140. (in Russ.)
3. Vorobeva, O.V., Nikolai, F.V. *Politika pamyati, vyzovy identichnosti i strategii preodoleniya sociokulturnyh ugroz v ocenках rossijskikh i angloyazychnyh issledovanij* [Politics of Memory, Challenges to Identity and Strategies for Overcoming Social and Cultural Threats in Russian and English-Speaking Cultural Studies], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* = Bulletin of Perm University. History, 2020, No. 4, pp. 173–180. (in Russ.)
4. Krom, M.M. *Patriotizm, ili dym Otechestva* [Patriotism, or the Smoke of the Fatherland]. St. Petersburg, Izdatelstvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. (in Russ.)
5. Pavlov, A.A. *Patriotizm: socialno-filosofskij podhod* [Patriotism: Social and Philosophical Approach], *Znanie. Ponimanie. Umenie* = Knowledge. Understanding. Ability, 2018, No. 2, pp. 83–94. (in Russ.)
6. Timofeeva, O. *Rodina* [Motherland]. Moscow, Sigma, 2020. (in Russ.)
7. *Primernaya rabochaya programma vospitaniya dlya obshcheobrazovatelnyh organizacij ot 23.06.2022 g.* [Exemplary Work Program of Education for General Educational Organizations Dated 06.23.2022]. Available at: <https://fgosreestr.ru/poop/primernaja-programma-vospitaniya?ysclid=l5qv0l1xfi310284769> (accessed: 18.07.2022). (in Russ.)
8. *Federalnyj gosudarstvennyj obrazovatelnyj standart osnovnogo obshchego obrazovaniya ot 17 dekabrya 2010 g.* [Federal State Educational Standard of Basic General Education of December 17, 2010]. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=387922&ysclid=l5qvffe65g89706079> (accessed: 18.07.2022). (in Russ.)

Зернов Дмитрий Васильевич, кандидат политических наук, доцент, кафедра отраслевой и прикладной социологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, zerdv@mail.ru

Dmitrii V. Zernov, PhD in Politics, Associate Professor, Branch and Applied Sociology Department, N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, zerdv@mail.ru

Игаева Ксения Владимировна, преподаватель, кафедра всеобщей истории, дисциплин классического цикла и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, igaeva.ksenia@yandex.ru

Ksenia V. Igaeva, Lecturer, General History, Classical Cycle Disciplines and Law Department, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, igaeva.ksenia@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.06.2022. Принята к публикации 22.07.2022

The paper was submitted 19.06.2022. Accepted for publication 22.07.2022

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В США 2020 ГОДА: лингвокультурологический аспект

А.В. Попова

Аннотация. Статья посвящена американской избирательной кампании 2020 года. Целью статьи является анализ основных социальных и языковых явлений, происходивших во время президентской гонки в США, а также попытка обозначить направления для дальнейшего изучения данного вопроса. Структура статьи отражает хронологию значимых событий, на фоне которых разворачивалась предвыборная кампания 2020 года в Соединенных Штатах Америки. Автор пытается понять, каким образом произошедшее отражает социокультурную ситуацию в стране, сопровождая данные явления лингвокультурологическим комментарием. Таким образом, рассматриваются основные общественные группировки, поддержавшие кандидатов в президенты (Black Lives Matter, LGBTQ, Antifa, Proud Boys), их лозунги и ценности, предпринимается попытка объяснить природу социального конфликта, в основе которого лежат разные системы верований и чувств. Затрагиваются понятия «академическая порядочность» и «успех» и их взаимосвязь в американской культуре, а также особое внимание уделяется лингвокультурным особенностям президентских дебатов 2020 года.

Ключевые слова: президентские выборы, движение «Жизни черных важны», антифа, гордые парни, «Когда начинается мародерство, начинается стрельба», движение в защиту гражданских прав чернокожего населения США, президентские дебаты, академическая порядочность.

Для цитирования: Попова А.В. Особенности президентских выборов в США 2020 года: лингвокультурологический аспект // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 361–372. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-361-372

361

MAIN FEATURES OF THE 2020 UNITED STATES PRESIDENTIAL ELECTION: Linguocultural Aspect

А.В. Попова

Abstract. This article deals with the 2020 United States presidential election. It is aimed at focusing on the main sociocultural phenomena that happened on the background of the presidential race in the country and outlining the issues that deserve further research. The structure of the article reflects the succession of significant events in the country of 2020. The author makes an effort to understand the connection of these phenomena with the sociocultural situation in the US providing a linguocultural commentary. Thus, the main social communities who gave support to the presidential candidates such as Black Lives Matter, LGBTQ, Antifa, Proud Boys are mentioned. The

© Попова А.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

researcher tries to explain the reason for the strong social disagreements aroused by the different systems of values and beliefs. The article tackles the conceptions of academic integrity and success and their interconnection in the American culture. Also, the presidential debate of 2020 is given in outline and analyzed from the linguocultural point of view.

Keywords: *presidential election, Black Lives Matter, Antifa, Proud Boys, “When the looting starts the shooting starts”, the civil rights campaign, presidential debate, academic integrity.*

Cite as: Popova A.V. Main Features of the 2020 United States Presidential Election: Linguocultural Aspect. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 361–372. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-361-372

Необходимо отметить тот факт, что президентские выборы 2020 года в США проходили на фоне эпидемии коронавируса. Этот фактор, по оценке экспертов, заметно понизил уровень электоральной поддержки Дональда Трампа, несмотря на определенные успехи в экономике США и рекордно низкий уровень безработицы [1].

Еще одной особенностью «президентской гонки 2020» является то, что она проводилась на фоне майских массовых протестов, организованных активистами **Black Lives Matter** после смерти афроамериканца Джорджа Флойда 25 мая 2020 года в Миннеаполисе (штат Миннесота). Те протестующие, которые сначала выступали с лозунгами за расовую справедливость и роспуск полиции (**“Defund the police”**, т. е. «Расформируем полицию»), оказали поддержку кандидату от демократической партии Джо Байдену. Эти же протестующие вышли на улицы с плакатами **“Count all vote”** («Считайте все голоса»). В то время как Дональд Трамп призывал остановить подсчет по его мнению «незаконных» бюллетеней, демократы не раз призывали досчитать голоса в бюллетенях, пришедших по почте [там же].

Девиз **“Defund the police”** был растиражирован организацией **Black Visions Collective** сразу после гибели Джорджа

Флойда. Данная некоммерческая организация была основана в декабре 2017 года в штате Миннесота, целью объединения стала борьба за права афроамериканцев, также оно взаимодействует с представителями сообществ LGBTQ [2].

Вот несколько примеров лозунгов уличных протестов против остановки подсчета голосов: **“No cops! No KKK!”**, **“What do we want? Justice! When do we want it? Now!”**. Отсюда следует, что протестующее против расовой несправедливости чернокожее население США, объединившись с левыми движениями, влилось в ряды сторонников Джо Байдена [1]. (Например, представители международного движения Antifaschistische Aktion или Antifa также принимали участие в протестах после выборов, одноименное военное движение было организовано коммунистической партией Германии в 1923 году для борьбы с фашизмом) [3].

Таким образом, демократический избиратель на выборах 2020 голосовал скорее по **протестной модели**. Джо Байдена выбирали просто потому, что он не Дональд Трамп, поскольку последнего либеральная публика обвиняла в шовинизме, ксенофобии, мизогинии (женоненавистничестве), расизме и фашизме (отсюда и флаги антифа в рядах протестующих) [1].

Профессор политологии Университета Флориды Майкл Макдоналд заявил, что

на выборах во вторник 3 ноября 2020 года проголосовали 160 миллионов человек, явка составила 66,9%. По словам профессора, **явка была самой высокой за последние 120 лет:** в 1900 году она составляла 73,7% [4].

Коронавирусная инфекция подтолкнула избирателей голосовать по почте, так же столь высокая явка объясняется крайней поляризацией американского общества и политизацией граждан: обострились проблемы образования и здравоохранения, экономического неравенства, политики идентичности и исторической политики (случаи сноса памятников героям Конфедерации и Христову Колумбу прекрасно иллюстрируют идеологический раскол в американском обществе) [1]. Здесь особенно следует отметить проблему «коллективных представлений», которые, по идее Л. Леви-Брюля, являются системой верований и чувств, общей для членов общества и не зависящей от бытия отдельной личности, передающейся из поколения в поколение, «навязывая себя личности», становясь «продуктом не рассуждения, а веры» [5, с. 53]. По утверждению ученого, коллективные представления обладают высокой эмоциональной интенсивностью, оценочностью и нечувствительностью к логическим противоречиям. Причем оценки, как правило, «полярны»: либо абсолютный «плюс», либо абсолютный «минус». И если эти оценки меняются, то только на противоположный знак, обычно с «плюса» на «минус» [там же, с. 58]. В Красных в своей книге «“Свой” среди “чужих”»: миф или реальность?» пишет о том, что из-за своих особых свойств, упомянутых выше, представления могут послужить причиной конфликта не на рациональном, а на чувственно-эмоциональном уровне, для разрешения которого противоборствующим сторонам будет сложно

договориться по сути обсуждаемых вопросов [там же, с. 59].

Выборы 2020 стали **самыми дорогими** за всю историю США: старейшая партия США и ее главный соперник в общей сложности потратили на выборы президента и выборы в Конгресс **беспрецедентные 14 млрд долларов**. Так, демократы потратили на предвыборную кампанию 6,9 млрд. долларов по сравнению с 3,8 млрд. долларов у республиканцев. Кандидат от демократической партии Джо Байден стал первым кандидатом в истории США, которому удалось собрать пожертвования от доноров на сумму 1 млрд долларов [1].

Это первые выборы в истории США, когда демократы сумели превзойти республиканцев относительно финансирования избирательной кампании, так как первые задействовали максимальное количество внутренних и внешних ресурсов для победы на прошедших выборах [там же].

Впервые с 2012 года на президентских выборах в США **не было «нечестных выборщиков»** [там же].

Рассмотрим некоторые ключевые моменты этапов выборной кампании 2020 в хронологическом порядке.

1. После гибели Джорджа Флойда 25 мая 2020 года начинаются беспорядки в разных городах и штатах с участием движения Black Lives Matter. 29 мая Дональд Трамп реагирует на это твитом: **“When the looting starts the shooting starts”** (Когда начинается мародерство, начинается стрельба) [6].

На этот твит остро реагирует общественность и СМИ: в New York Times выходит статья под заголовком **“Looting Comment From Trump Dates Back to Racial Unrest of the 1960s”**. Статья раскрывает имя автора данного высказывания — им оказывается Walter E. Headley,

бывший начальник полиции Майами, которому в 1967 году в период рождественских праздников пришлось иметь дело с волной беспорядков в «черных анклавах» города. Жесткие высказывания мистера Хэдли приходятся на самый пик расового противостояния в 1960-х гг.: “This is war. I mean it, every bit of it”. Он также говорит о том, что применять суровые меры следует только к 10% афроамериканского населения Майами, так как они являются настоящими бандитами (“young hoodlums”) в возрасте от 15 до 20 лет, прикрывающимися лозунгами движения в защиту гражданских прав чернокожего населения США (“Who have taken advantage of the civil rights campaign”) [7].

Несколько часов спустя после публикации первого твита Трамп пишет еще один: **“Looting leads to shooting, and that’s why a man was shot and killed in Minneapolis on Wednesday night”**. Затем, чтобы на этот раз избежать двусмысленности, он на всякий случай осторожно поясняет: **“I don’t want this to happen, and that’s what the expression put out last night meant”**. Когда на пресс-конференции один из репортеров спросил Дональда Трампа, знает ли тот историю возникновения высказывания **“When the looting starts the shooting starts”**, последний заявил, что понятия не имел о расистском подтексте этого выражения и уж тем более о его авторе — мистере Хэдли [там же]. Эта неловкая ситуация, в которой оказался президент Дональд Трамп, говорит о том, что тема расизма все еще очень болезненна для американского общества несмотря на то, что движение в защиту чернокожего населения США достигло своего апогея в шестидесятых годах прошлого столетия.

2. 18 сентября умерла **старейший член Верховного суда** и кумир либеральной общественности Рут Гинзбург. Это

открыло возможность Дональду Трампу укрепить позиции республиканцев. Президент направил на рассмотрение Сената кандидатуру Эми Кони Барретт, и 26 октября Сенат утвердил ее кандидатуру. Теперь в Верховном суде заседают 6 консерваторов и 3 либерала. Так как должность федерального судьи является пожизненной, то предлагаемая президентом кандидатура может повлиять на политику Верховного суда на долгие годы вперед [6].

3. 29 сентября состоялся **первый раунд теледебатов** Дональда Трампа и Джо Байдена в рамках избирательной кампании. (Суть дебатов — последний шанс кандидатов повлиять на решение избирателей). Встреча переросла в перепалку — участники грубили друг другу, переходя на личности [там же].

В тот же день BBC News вкратце излагает ход дебатов под метафоричным и в то же время довольно резким заголовком **As it happened: The US debate “cat fight”** [8]. Автор характеризует участников словесной баталии как «задиристых и желчных»: **“scrappy and acrimonious”**. Также в материале упоминается отказ Трампа осудить деятельность главных оппонентов антифа — «Гордых Парней», или **“Proud Boys”**. Данное движение возникло в 2016 году, его название связано с текстом песни из мюзикла «Алладин» — **“Proud of Your Boy”**. Гордые Парни носят черно-желтые тенниски от Фреда Перри и красные бейсболки с лозунгом избирательной кампании Дональда Трампа 2016-го года **“Make America Great Again”**. Их убеждения можно коротко выразить следующим образом: **“glorify the entrepreneur”, “close the border”, “give everyone a gun”, “end welfare” (libertarianism) and “venerate the housewife” (traditional gender roles)** [9].

Оппоненты схлестнулись в политической поединке не на шутку — автор

заметки описывает это следующим образом: “Fox News **anchor** Chris Wallace had his hands full throughout as Biden and Trump interrupted each other” [8]. Этот заголовок очень коротко и точно описывает атмосферу в студии, царившую во время дебатов. Хочется обратить внимание на слово *anchor*, которое здесь является термином и определяется следующим образом: “The anchor on a television or radio programme, especially a news programme, is the person who presents it ... and acts as a link between interviews and reports which come from other places or studios” [10]. Представляется очевидным, что слово *anchor* является термином науки о морском деле, а в сфере журналистики оно приобретает новые семантические оттенки. Какой же механизм за этим стоит? Можно предположить, что это перенос значения, основанный на принципе метафоризации, согласно которому «метафора не ограничивается одной лишь сферой языка», а сами мыслительные процессы метафоричны по определению Дж. Лакоффа [11, с. 7]. Л.М. Алексеева в своей монографии «Термин и метафора» развивает эту идею, из которой следует, что термины являются «своеобразными мыслительными метками» и «могут иметь в научном тексте статус метафор» [там же, с. 8]. Исследователь утверждает, что метафорические термины передают динамику и новизну знания [там же, с. 10]. Требования, предъявляемые к терминам (однозначность, отсутствие омонимии и синонимии и пр.), в жизни науки не соблюдаются, а некоторые из них лишены смысла [там же, с. 12]. В.М. Лейчик считал, что одной из причин относительности существования термина является то, что он не обладает постоянными семантическими и формальными свойствами, а приобретает их лишь на время нахождения в рамках одной термино-

системы [там же, с. 13]. По утверждению П.А. Флоренского, термин не является единицей, строго приписанной к определенной научной системе понятий, а может варьироваться в других системах [там же, с. 13]. В.В. Налимов отмечает «открытость» термина, который должен не только выражать ранее созданные концепции, но и служить для формулировки новых суждений, т. е. термин обладает полифункциональностью и семантической незамкнутостью [там же, с. 21]. Процесс терминопорождения начинается с того, что в тексте семантически задается новая функция термина, а носитель языка извлекает из памяти ранее созданную, уже готовую языковую единицу [там же, с. 22]. Иными словами, для создания нового термина используется форма уже созданной ранее терминологической единицы или слова естественного языка с новым семантическим наполнением [там же, с. 24]. Здесь было бы уместно привести мнение Платона о том, что «знание есть не что иное, как припоминание» [там же, с. 27], а также идею Н.Г. Комлева и М.Л. Ремневой о законе кумуляции в науке: 1) базирование науки на предшествующих знаниях и 2) необходимость учитывать исследования в параллельных научных областях. В.И. Вернадский считал, что избыток неологизмов в науке (биологии) приводит к потере ясности понимания явлений и к неоднозначной трактовке различными исследователями нового термина, не способного вытеснить старый. Переосмысление старых понятий в языковом плане является метафоризацией [там же, с. 28]. Например, физики-ядерщики считают, что для того, чтобы объективно описать изучаемое явление атомной физики, нужно играть различными образами, т. е. прибегать к механизму метафоризации [там же, с. 29]. В.Н. Телия считает, что «метафоризация — это

процесс, приводящий к получению нового знания о мире в ходе его оязыковления путем использования уже имеющихся в языке наименований» [там же, с. 32]. Хосе Ортега-и-Гассет отмечал, что ученый пользуется уже существующей лексикой, за которой уже закреплено значение, чтобы назвать изученное явление и быть понятым коллегами, носителями языка. Таким образом, при помощи значения выбранного слова у термина появляется свое новое значение. «Это и есть метафора» [там же, с. 39].

Играя образами, читатель представляет ведущего эфира Криса Уоллеса в роли «якоря», которому все же не удалось удержать американскую политическую лодку у берегов тихой гавани Fox News, и она, раскачиваемая то республиканской, то демократической стихиями, покинула причал и бешено понеслась по волнам взаимных обвинений и упреков.

Одной из ключевых (по мнению автора «summary») претензий Дональда Трампа к Джо Байдену стало высказывание, ставящее под сомнение компетентность кандидата от демократической партии: **“You graduated either the lowest or almost the lowest in your class. Don’t ever use the word ‘smart’ with me”** [12]. Американский новостной сайт The Western Journal, придерживающийся консервативных взглядов, 29 сентября публикует материал, подготовленный Майклом Остином, под броским заголовком **“Trump Blasts Biden’s Brains: You Graduated Last in Class, Don’t Use the Word ‘Smart’ with Me”**, в котором метафора “blasts Biden’s brains” превращает политическую дуэль в бой без правил, где можно пускать в ход любой вид оружия и не гнушаться запыщенными приемами. И это не голословное утверждение, брошенное Дональдом Трампом в лицо противнику. Брэд Парскаль, глава цифрового штаба

избирательной кампании Дональда Трампа, обнародовал кадры из архива C-SPAN, снятые в 1987 году, где Джо Байден приукрашивает свои достижения во время обучения в юридическом колледже при частном исследовательском университете, расположенном в городе Сиракьюс, штат Нью-Йорк [там же]. Это недоумение произошло незадолго до президентской кампании демократа Джо Байдена, основным соперником которого в 1988 году мог стать республиканец Джордж Буш-старший, но этого так и не произошло в силу сложившихся обстоятельств. Чтобы придать своей кандидатуре политический вес, сенатор Джо Байден утверждает, что был «выдающимся студентом» и закончил данное учебное заведение с неплохими результатами: **“And then decided I wanted to stay, went back to law school and, in fact, ended up in the top half of my class”** [там же]. Тогда в 1988 году сильный удар по кампании Джо Байдена нанесла публикация еженедельного новостного журнала “Newsweek” со ссылкой на все тот же злополучный видеоархив от C-SPAN о том, что Джо Байден никогда не отличался успехами в колледже [13]: **“Newsweek says Biden actually went to school on a half-scholarship, ended up near the bottom of his class and won only one degree, not three”** [12]. **“During his time at the Syracuse University College of Law, Joe Biden graduated 76th in a class of 85 students”** [там же]. Хотя в интервью газете *The New York Times*, опубликованном 22 сентября 1987 года, Джо Байден все-таки признается, что переборщил со своим академическим рейтингом: **“I did not graduate in the top half of my class at law school and my recollection of this was inaccurate”** [там же].

Но история на этом не заканчивается, журнал *Time* раскрывает причину низкой успеваемости Джо: плагиат. В далеком

1965 г., будучи студентом вышеупомянутого колледжа, будущий кандидат в президенты пишет научную работу, в которую включает 5 страниц текста, заимствованного из статьи, названия и автора которой молодой исследователь не указал ни в тексте своего проекта, ни в списке справочной литературы [13]. Но этот проступок еще мог ему сойти с рук, если бы Джо Байден уже в 1987 году снова не взялся за старое. *Time* пишет об этом казусе с долей иронии, удачно использовав метонимию: **“His mouth — or rather, what he failed to say — got him in trouble again”** [там же]. Выступая перед избирателями во время ежегодной ярмарки в штате Айова, сенатор произносит практически слово в слово отрывок из знаменитой речи лидера партии британских лейбористов Нила Киннока, забыв сослаться на ее автора [там же]. Одна из самых старейших и влиятельных американских газет *The Washington Post*, освещавшая Уотергейтский скандал в 1972 году, в статье от 5 июня 2019 года под заголовком **“Echoes of Biden’s 1987 plagiarism scandal continue to reverberate”** цитирует сперва **Н. Киннока**: “Why am I the first Kinnock in a thousand generations to be able to get to university? <...> Was it because all our predecessors were thick? ...Those people who could sing and play and recite and write poetry? ...Those people who could work eight hours underground and then come up and play football?” А затем автор заметки приводит слова **Джо Байдена**: “Why is it that Joe Biden is the first in his family ever to go to a university? ... Is it because I’m the first Biden in a thousand generations to get a college and a graduate degree? That I was smarter than the rest? Those same people who read poetry and wrote poetry and taught me how to sing verse? Is it because they didn’t work hard? My ancestors, who worked in the coal

mines of northeast Pennsylvania and would come up after 12 hours and play football for four hours?” Политические соперники умело использовали эту оплошность Байдена, обнаруживая все новые и новые случаи заимствования текстов выдающихся спикеров, среди которых оказались Роберт Кеннеди и Хьюберт Хамфри (38-й вице-президент США) [14]. Тогда Джо Байден был вынужден снять свою кандидатуру, сетуя на ужасную атмосферу президентской гонки 1988 года и еще не зная о том, что 32 года спустя этот опыт ему пригодится [15]. Единственное, что будет отличать эти две избирательные кампании, — это новейшие информационные технологии, предполагающие новые механизмы и инструменты игры, но правил в ней по-прежнему не будет.

Для более глубокого понимания данной ситуации с плагиатом следует отметить особое отношение к данному явлению в системе образования США: в большинстве американских университетов и колледжей за плагиат предусмотрены суровые наказания вплоть до отчисления. Попытка выдать чужой труд за свой, не предоставив правильно оформленной ссылки на первоисточник, расценивается как воровство. *“The biggest challenge for international students and academic integrity at an American university are cultural in nature — how plagiarism and copying work are viewed”* [16]. Данное утверждение принадлежит Вейду Шафферу, проректору по научной работе в West Texas A&M University. Многие университеты в США организуют обязательные курсы по академической добросовестности/честности (academic integrity) для иностранных студентов, чтобы избежать неприятных ситуаций, связанных с межкультурными несоответствиями. Stevenson University в штате Мэриленд предписывает всем поступившим в вуз студентам

зарегистрироваться на онлайн курс по академической добросовестности, более того, администрация университета предупреждает на своем официальном сайте о том, что только при условии успешного окончания данного курса студенты смогут продолжить обучение в следующем семестре. “Academic integrity isn’t just about following university policy... Integrity and success are inexorably linked in our eyes”, — утверждает Кевин Питт, директор департамента по работе со студентами (Office of Student Conduct) в State University штата Нью-Джерси [там же]. То есть такие культурные ценности, как «честность» и «успех», неразрывно связаны в понимании американцев: первое является неотъемлемым условием последнего. Данное положение вещей обуславливает серьезность претензий политических оппонентов к Джо Байдену и снятие его кандидатуры с предвыборной гонки 1988 года.

В ходе дебатов 2020 Дональд Трамп уличает Джо Байдена в новой «лжи»: “So you said you went to Delaware State, but you forgot the name of your college. You didn’t go to Delaware State” [12]. Конечно, речь идет о годах учебы в университете штата Делавер, которые Джо Байден по старой привычке добавил к списку личных достижений. Информационный канал Fox News опроверг этот миф, ссылаясь на отчет *The Washington Times*: “However, according to a new report in The Washington Times, the historically Black college refutes Biden’s claims” [17]. Джо Байден делает это заявление в октябре 2019 года на мероприятии в учебном заведении для афроамериканцев штата Южная Каролина, где он победит на праймериз через несколько месяцев [там же]. На этот раз Джо удалось избежать всеобщего порицания, оставшись в большой игре. Это может сигнализировать о том, что в политической жизни страны

могут срабатывать иные законы, отличные от правил, предусмотренных академической средой. Данный эпизод противоречит характеристике американской культуры как универсалистской (по классификации Фонса Тромпенаарса), в которой неукоснительно соблюдаются правила этического и юридического стандарта, установленные для всех раз и навсегда [18 с. 23, с. 38]. Вот почему в публикациях авторитетных информационных агентств о результатах президентских дебатов преобладают пессимистические экспертные оценки.

30 сентября BBC News выпускает критический обзор под заголовком “**Presidential debate: Trump and Biden trade insults in chaotic debate**”, в котором выделяет следующие ключевые моменты [19]:

1) участники перебивают друг друга, но Дональд Трамп делает это (по подсчетам CBS News) 73 раза;

2) Джо Байден довольно грубо обращается с Дональдом Трампом, используя метафору “**clown**”, просторечные вульгаризмы “**Will you shut up, man?**”, “**Keep yapping, man**” («Продолжай тявкать, чувак»);

3) Дональд Трамп пытается гиперболизировать: “**Joe. Forty-seven years [in politics], you’ve done nothing**”;

4) Дональд Трамп дает шокирующую команду Гордым Парням: “**Proud Boys, stand back and stand by, but I’ll tell you what, somebody’s got to do something about antifa and the left**”. И они послушно внимают его призыву посредством мессенджера Telegram: “**Standing down and standing by sir**”.

Реакция на дебаты была однозначной: демократы хвалили Сонного Джо (**Sleepy Joe** — говорящее имя, которое Дональд Трамп придумал для Джо Байдена еще в 2019 году и опубликовал в Твиттере [20]), а республиканцы поддерживали Дональда Трампа.

Вот некоторые из высказываний:

1) Билл Степъен, менеджер избирательной кампании Дональда Трампа 2020: “President Trump just turned in **the greatest debate performance in presidential history**, displaying a command of the facts and control of the conversation”.

2) Камала Харрис (на тот момент — кандидат в вице-президенты) не скупится на эпитеты, говоря о республиканском кандидате: “**An angry, interrupting bully**”.

3) Давид Урбан, работавший старшим советником президентской кампании Дональда Трампа в 2016 году, утверждает, что “Trump succeeded in getting Mr Biden to act like Donald Trump a bit in terms of **name-calling**”.

4) Хиллари Клинтон гордится Джо Байденом: “**So proud of Joe Biden**”.

5) CNN: “**Absolutely awful debate**”.

6) BBC: “**Many media outlets described a chaotic, mud-slinging contest that painted the American political system in an ugly light**”.

7) The Times: “**The clearest loser** from the first presidential debate between Donald Trump and Joe Biden was **America**” [19].

По данным CBS NEWS, победу одержал Джо Байден, набравший 48% голосов, 41% опрошенных поддержали Дональда Трампа. При этом у 83% зрителей дебаты вызвали раздражение [21].

Согласно политической традиции должно было состояться 3 раунда дебатов, но из-за болезни Дональда Трампа,

заразившегося коронавирусом, провели 2 раунда. 22-го октября состоялись заключительные дебаты с отключением микрофона оппонента во время выступления кандидата [6].

4. 3 ноября в США прошли 59-е выборы президента. По данным телекомпании CNN, более 100 млн американцев проголосовали досрочно. Из-за пандемии во многих штатах в этом году было разрешено заочное голосование [там же].

5. 14 декабря члены коллегии выборщиков проголосовали в административных центрах своих штатов и в округе Колумбия на выборах президента США. Джо Байден получил 306 голосов, а Дональд Трамп — 232 [там же].

Хорошую прессу во время кампании Дональду Трампу давал сайт правых взглядов Breitbart и телеканал Fox News. The Washington Post, the New York Times преимущественно выступали против Дональда Трампа.

В заключение следует отметить, что проанализированные языковые примеры отражают социальные и культурные изменения в современном американском обществе. Для более глубокого понимания данных процессов представляется важным изучить события и факты, обозначенные в статье, а также те, которые остались за рамками данного исследования: социальные сети, видеохостинги как мощные инструменты манипулирования мнением избирателей во время пандемии и т. п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конькова, Д. Особенности президентских выборов в США 2020. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/konkova_daria/osobennosti-prezidentskikh-vyborov-v-ssha-2020/ (дата обращения: 18.03.2021).
2. Black Visions Collective. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Black_Visions_Collective (дата обращения: 17.03.2021).
3. Antifaschistische Aktion. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Antifaschistische_Aktion (дата обращения: 18.03.21).

4. СМИ: явка на президентских выборах в США стала самой высокой за 120 лет. URL: <https://ria.ru/20201104/yavka-1583054542.html> (дата обращения: 17.03.2021).
5. *Красных, В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
6. *Безвиконная, К., Валиуллин, И.* Хроника президентских выборов США 2020 года — в спец-проекте ТАСС. URL: (дата обращения: 15.03.2021).
7. *Wines, M.* “Looting” Comment from Trump Dates Back to Racial Unrest of the 1960s. URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/29/us/looting-starts-shooting-starts.html> (дата обращения: 10.03.2021).
8. As it Happened: The US Debate “Cat Fight”. URL: (дата обращения: 17.03.21).
9. *Wendling, M.* US Election 2020: Who Are the Proud Boys — And Who Are Antifa? URL: <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-54352635> (дата обращения: 17.03.2021).
10. Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners. Harper Collins Publishers Westerhill Road. Bishopbriggs, Glasgow G64 2QT. Third Edition, 2001. 1824 p.
11. *Алексеева, Л.М.* Термин и метафора / науч. ред. Л.Н. Мурзин. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1998. 250 с.
12. *Austin, M.* Trump Blasts Biden’s Brains: You Graduated Last in Class, Don’t Use the Word “Smart” with Me. URL: <https://www.westernjournal.com/trump-blasts-bidens-brains-graduated-last-class-dont-use-word-smart/> (дата обращения: 17.03.2021).
13. *Waxman, O.B.* Why Joe Biden’s First Campaign for President Collapsed after Just 3 Months. URL: <https://time.com/5636715/biden-1988-presidential-campaign/> (дата обращения: 19.04.2021).
14. *Satija, N.* Echoes of Biden’s 1987 Plagiarism Scandal Continue to Reverberate. URL: https://www.washingtonpost.com/investigations/echoes-of-bidens-1987-plagiarism-scandal-continue-to-reverberate/2019/06/05/dbaf3716-7292-11e9-9eb4-0828f5389013_story.html (дата обращения: 19.04.2021).
15. *Сидорчик, А.* Джо в законе. Байден мог стать президентом в 1988-м, но попался на плагиате. URL: https://aif.ru/politics/world/dzho_v_zakone_bayden_mog_stat_prezidentom_v_1988-m_no_popalsya_na_plagiate (дата обращения: 19.04.2021).
16. *Durrani, A.* What International Students Should Know about Academic Integrity. Before Studying at US Universities, Prospective International Students Should Understand Concepts Like Plagiarism, Experts Say. URL: <https://www.usnews.com/education/best-colleges/articles/2019-07-23/what-international-students-should-know-about-academic-integrity> (дата обращения: 13.01.2022).
17. *Musto, J.* Biden Said He Was a Student at Delaware State University; School Says Otherwise. URL: <https://www.foxnews.com/politics/biden-said-he-was-a-student-at-delaware-state-university-they-say-otherwise> (дата обращения: 19.04.2021).
18. *Самохина, Т.С.* Они и мы: Америка, Англия, Россия. М.: МПГУ, 2008. 184 с.
19. Presidential Debate: Trump and Biden Trade Insults in Chaotic Debate. URL: <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-54350538> (дата обращения: 16.03.2021).
20. «Сонный Джо!»: Трамп высмеял решение Байдена баллотироваться в президенты. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2183542/> (дата обращения: 19.04.2021).
21. Voters React to First 2020 Presidential Debate. URL: <https://www.cbsnews.com/video/voters-react-to-first-2020-presidential-debate/?intcid=CNM-00-10abd1h> (дата обращения: 18.03.2021).

REFERENCES

1. Konkova, D. *Osobnosti prezidentskih vyborov v SSHA 2020* [Features of the US Presidential Election 2020]. Available at: https://russiancouncil.ru/blogs/konkova_daria/osobnosti-prezidentskikh-vyborov-v-ssha-2020/ (accessed: 18.03.2021). (in Russ.)
2. *Black Visions Collective*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Black_Visions_Collective (accessed: 17.03.2021).
3. *Antifaschistische Aktion*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Antifaschistische_Aktion (accessed: 18.03.21).
4. *SMI: yavka na prezidentskih vyborah v SSHA stala samoj vysokoj za 120 let* [Mass Media: The Turnout in the US Presidential Election Was the Highest in 120 Years]. Available at: <https://ria.ru/20201104/yavka-1583054542.html> (accessed: 17.03.2021). (in Russ.)
5. Krasnyh, V.V. “Svoj” sredi “chuzhikh”: mif ili realnost? [“Own” Among “Strangers”: Myth or Reality?]. Moscow, Gnozis, 2003, 375 p. (in Russ.)
6. Bezikonnaya, K., Valiullin, I. *Hronika prezidentskih vyborov SSHA 2020 goda — v specproekte TASS* [Chronicle of the US Presidential Election in 2020 — in the TASS Special Project]. Available at: (accessed: 15.03.2021). (in Russ.)
7. Wines, M. “Looting” Comment from Trump Dates Back to Racial Unrest of the 1960s. Available at: <https://www.nytimes.com/2020/05/29/us/looting-starts-shooting-starts.html> (accessed: 10.03.2021).
8. *As it Happened: The US Debate “Cat Fight”*. Available at: (accessed: 17.03.21).
9. Wendling, M. *US Election 2020: Who are the Proud Boys — and Who Are Antifa?* Available at: <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-54352635> (accessed: 17.03.2021).
10. *Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners*. Harper Collins Publishers Westerhill Road, Bishopbriggs, Glasgow G64 2QT. Third edition, 2001, 1824 p.
11. Alekseeva, L.M. *Termin i metafora* [Term and Metaphor], ed. by L.N. Murzin. Perm, Izdatelstvo Permskogo universiteta, 1998, 250 p. (in Russ.)
12. Austin, M. *Trump Blasts Biden’s Brains: You Graduated Last in Class, Don’t Use the Word “Smart” with Me*. Available at: <https://www.westernjournal.com/trump-blasts-bidens-brains-graduated-last-class-dont-use-word-smart/> (accessed: 17.03.2021).
13. Waxman, O.B. *Why Joe Biden’s First Campaign for President Collapsed after Just 3 Months*. Available at: <https://time.com/5636715/biden-1988-presidential-campaign/> (accessed: 19.04.2021).
14. Satija, N. *Echoes of Biden’s 1987 Plagiarism Scandal Continue to Reverberate*. Available at: https://www.washingtonpost.com/investigations/echoes-of-bidens-1987-plagiarism-scandal-continue-to-reverberate/2019/06/05/dbaf3716-7292-11e9-9eb4-0828f5389013_story.html (accessed: 19.04.2021).
15. Sidorchik, A. *Dzho v zakone. Bajden mog stat prezidentom v 1988-m, no popalsya na plagiare* [Joe’s in Law. Biden Could Have Become President in 1988, But He Got Caught on Plagiarism]. Available at: https://aif.ru/politics/world/dzho_v_zakone_bayden_mog_stat_prezidentom_v_1988-m_no_popalsya_na_plagiare (accessed: 19.04.2021). (in Russ.);
16. Durrani, A. *What International Students Should Know About Academic Integrity. Before Studying at US Universities, Prospective International Students Should Understand Concepts Like Plagiarism, Experts Say*. Available at: <https://www.usnews.com/education/best-colleges/articles/2019-07-23/what-international-students-should-know-about-academic-integrity>(accessed: 13.01.2022).
17. Musto, J. *Biden Said He Was a Student at Delaware State University; School Says Otherwise*. Available at: <https://www.foxnews.com/politics/biden-said-he-was-a-student-at-delaware-state-university-they-say-otherwise> (accessed: 19.04.2021).

18. Samohina, T.S. *Oni i my: Amerika, Angliya, Rossiya* [They and We: America, England, Russia]. Moscow, Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2008, 184 p. (in Russ.)
19. *Presidential Debate: Trump and Biden Trade Insults in Chaotic Debate*. Available at: <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-54350538>(accessed: 16.03.2021).
20. “*Sonnyj Dzhо!*”: *Tramp vysmeyal reshenie Bajdena ballotirovatsya v prezidenty* [“Sleepy Joe!” Trump Ridiculed Biden’s Decision to Run for President]. Available at: <https://www.ntv.ru/novosti/2183542/> (accessed: 19.04.2021). (in Russ.)
21. *Voters React to First 2020 Presidential Debate*. Available at: <https://www.cbsnews.com/video/voters-react-to-first-2020-presidential-debate/?intcid=CNM-00-10abd1h> (accessed: 18.03.2021).

Попова Антонина Владимировна, старший преподаватель, кафедра фонетики и лексики английского языка, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, av.popova@mpgu.su

Antonina V. Popova, Senior Lecturer, English Phonetics and Lexicology Department, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, av.popova@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 26.06.2022. Принята к публикации 27.07.2022

The paper was submitted 26.06.2022. Accepted for publication 27.07.2022

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ДИСКРИМИНАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

М.А. Соколова

Аннотация. *Статья ставит своей целью рассмотреть современные формы и виды вербальной дискриминации на материале американского политического медиатекста. Основное внимание в статье уделяется проявлению политики позитивной дискриминации, а также видам скрытой дискриминации. Все выводы проиллюстрированы актуальными примерами из аутентичных медиаисточников. В заключение автор констатирует происходящие изменения как в самих дискриминационных практиках, так и во внутренней мотивации их участников, а также отмечает роль СМИ в этих процессах.*

Ключевые слова: *дискриминация, открытая дискриминация, политика позитивной дискриминации, подход безразличного отношения к цвету кожи, скрытая дискриминация, микроагрессия, амбивалентная дискриминация, авersiveная дискриминация, «колоризм», пост-расистское общество.*

Для цитирования: *Соколова М.А. Современные формы дискриминации в американском политическом медиадискурсе // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 373–379. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-373-379*

MODERN FORMS OF DISCRIMINATION IN THE AMERICAN POLITICAL MEDIADISOURSE

М.А. Sokolova

373

Abstract. *The article aims to study modern types and forms of verbal discrimination when used in an American political media-text. The article focuses on the manifestation of the affirmative action, as well as forms of covert discrimination. All the implications are grounded by the acute examples taken from the authentic media sources. By way of conclusion, the author states the alterations that are taking place both in the practices of discrimination and the inner motivation of its participants. The author also notes the role of media in those processes.*

Keywords: *discrimination, overt discrimination, affirmative action, color-blindness, covert discrimination, microaggression, ambivalent prejudice, aversive discrimination, “colorism”, post-racial society.*

Cite as: *Sokolova M.A. Modern Forms of Discrimination in the American Political Mediadiscourse. Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 373–379. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-373-379*

© Соколова М.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Введение. Современными американскими средствами массовой информации, а вслед за ними и СМИ других стран культивируется идея политической корректности. Широко распространён страх прозвучать/показаться оскорбительным по отношению к тем, кто долгое время находился в позиции подавляемого: к женщинам, секс-меньшинствам, представителям неевропеоидной расы и пр.

Существующий термин “*discrimination*” в его современном значении “*making invidious distinctions prejudicial to a class of persons (usually based on race or color)*” вошел в английский язык (в его американский вариант) в 1866 г. [1] в период Реконструкции Юга США (1865–1877 гг.). Позднее появились разнообразные словосочетания, позволяющие ограничить сферу дискриминации: *sex discrimination, job discrimination, age discrimination, race discrimination, class discrimination*, а также другие термины для обозначения разных форм дискриминации: *sexism, ageism, racism, weightism, lookism, ableism* и пр.

Чаще всего дискриминация ассоциируется со стереотипами и навешиванием ярлыков и называется открытой дискриминацией (*overt discrimination*). Например, евреи могут представляться неприятными и влиятельными (*powerful, controlling, sinister*) (выделение подчеркиванием здесь и далее наше — М.С.):

“*It is the notion that Jews should be viewed only as being white, privileged oppressors,*” he said. “*It denies Jewish identity and involves a whitewashing of Jewish history*”[2].

Или чернокожие могут быть выставлены как глупые лентяи (*stupid, lazy*):

“*Before Poitier, few Black actors were permitted a break from the stereotypes of bug-eyed servants and grinning entertainers*” [там же], а районы их проживания — как бедные и опасные (*deprived, dangerous*):

“*Numerically, it’s hemorrhaging Black people — like other parts of the South and West Sides of Chicago — making a neighborhood already seen as poor and crime-ridden even worse off*”[там же].

К навешиванию ярлыков (*derogatory and imposed labels*) относятся оскорбительные наименования людей своего или противоположного пола (*bimbo, biddy, sissy, skirt, wimp*), представителей другой этнической группы (*Negro, beaner, spiggoty, Paddy, Chink, squinty*) или того или иного меньшинства (*crip, spaz, faggot, gimmie, bum, druggie*).

Открытая дискриминация — это и системные проявления несправедливости, связанные с патриархальным строем общества, структурный/институциональный расизм, нетерпимое отношение общества к меньшинствам.

От всех «неправильных» языковых единиц и их форм нещадно избавляются, и их место в английском языке занимают политкорректные аналоги. Лексика, считающаяся сексистской (как правило, это слова, оканчивающиеся на *-man* и *-ess*, а также местоимение *he* и его формы для обозначения человека в общем), заменяется гендерно-нейтральной (*firefighter, police officer, mailperson, office cleaner, custodian*) или феминитивами (*Congresswoman, chairwoman*), принимая иногда причудливый вид: *womyn, herstory*.

Расистская лексика и слова, обозначающие разнообразные меньшинства, также заменяются нейтральными политкорректными вариантами: *people of color, Native American, physically challenged, gay, homeless*.

Данные изменения в лексическом составе английского языка хорошо изучены и уже вошли в норму употребления. Однако исследования дискриминационных практик не ограничиваются только указанными выше случаями проявления открытой дискриминации.

Affirmative action

Сегодня все большее внимание специалистов привлекают явления обратной (*reverse discrimination*) и позитивной дискриминации (*positive discrimination*), более известные в современном американском политическом дискурсе как *affirmative action*. Политика позитивной дискриминации в США обязана своим появлением указу президента Джона Кеннеди в 1961 году [3, с. 157]. Первоначально она понималась как мера ликвидации существовавшего тогда в США в первую очередь расового неравенства и этнической дискриминации.

Политика позитивной дискриминации предусматривала расовое квотирование и предоставление привилегий при приеме в высшие учебные заведения, при устройстве на работу и в бизнес-сфере для чернокожего населения, а позднее и для коренных народов страны, выходцев из Латинской Америки и Азии. По отношению к женщинам эта политика в полной мере стала применяться только с 1971 года, и, как отмечает Л.В. Кириллова в своем историографическом обзоре американских исследований вопроса позитивной дискриминации [там же, с. 161], среди большого количества работ по данной проблематике именно женщинам как участникам политики позитивной дискриминации посвящено незначительное число исследований.

За годы своего существования позитивная дискриминация прошла стадии от *color-blindness* — поддерживаемого обществом подхода безразличного отношения к цвету кожи при высоких амбициях, трудолюбии и таланте небелых жителей США — к *race-consciousness* — бюрократическом подходе фиксации количества представителей миноритарных этнических групп при устройстве на работу или при поступлении в ВУЗ, а также

расового квотирования. Известный американский политический социолог Э. Бонилья-Сильва [4] утверждает, что *color-blindness* все-таки представляет собой вид дискриминационного предубеждения, и относит к этому явлению такие формы, как *laissez-faire racism*, *competitive racism* и *symbolic racism*.

Скрытая дискриминация

Помимо общественного мнения (от первоначального одобрения первой стадии до негативного отношения к последней) изменилось и мироощущение американского общества.

В частности, принятый в 1968 г. *The Fair Housing Act* ставил своей целью изменение существовавшей в США политики сегрегации по месту проживания чернокожего населения (*residential segregation*), и вследствие введения этого закона на смену официальным терминам *red line* (граница района, где можно селиться черным) и *green line* (район для белых) пришли схожие в своем значении сленгизмы *block-busting* и *steering* — политика заселения/расселения квартала при покупке жилья чернокожими, часто приводящая к панике в районах, где они раньше не жили, и, следовательно, к резкому падению цен на недвижимость. Однако, как отмечает Э. Бонилья-Сильва [там же], сама сегрегация никуда не делась, и в современном английском языке это явление все чаще камуфлируется эвфемизмом «самосегрегация»:

The district has seen a proliferation of charter schools in recent years that opponents say contributes to self-segregation [2].

Сама дискриминация также видоизменилась: на смену открытой форме пришла скрытая дискриминация (*covert discrimination*), проявляющаяся, например, в излишней вежливости по отношению к дискриминируемому или в специфическом

употреблении политкорректных языковых средств [5, с. 138]. К этой форме дискриминации относится так называемая «микроагрессия» (*microaggression*) — “A statement, action, or incident regarded as an instance of indirect, subtle, or unintentional discrimination against members of a marginalized group such as a racial or ethnic minority” [6]. Вербальная микроагрессия представляет собой оскорбительные выпады и шутки на этническую, гендерную или другую тему (*racial slurs or jokes*), сплетни и прямые вопросы женщинам на тему деторождения, выбора карьерного пути или финансового положения:

The GOP candidate’s talking points on women, which include suggesting that employers have a right to ask women if they intend to have children as a way to protect their “investment,” have been so inflammatory that his Republican rivals have seized the opportunity to juxtapose themselves against him [2].

Или:

While women outnumber men at all levels of education, some say the pay gap can be in part explained by women historically pursuing degrees and careers in lower-paying fields such social work. Others have suggested that women tend to earn less than men because they are more likely to prioritize family responsibilities throughout their careers [7].

Кроме того, к проявлению микроагрессии относятся разного рода интерпретации чувств оскорбленного и предположения, что вместо дискриминации и оскорблений имела место «избыточная чувствительность»:

“Jassem went so far as to blame Ms. Alen for reacting to Ms. Minnis’ misconduct and accused her of being *hypersensitive*”, according to the suit [там же].

Язык реагирует на происходящие в обществе изменения, и в нем появляются

единицы как для обозначения негативных явлений (*gender pay gap, glass ceiling, Eurocentric norms, inequitable hiring, male-dominated occupations, toxic masculinity, occupational segregation* и др.), так и положительных — *bystander training, bystander language* или (*improving*) *diversity, equity and inclusion (in the workplace)*.

Современные формы дискриминации протекают в скрытой форме, поскольку общество порицает любые формы выражения неприязни по отношению к людям иной этнической принадлежности, религии или ориентации, которые на протяжении долгого времени подвергались дискриминации как со стороны государства, так и со стороны простых обывателей. Результатом этих скрытых процессов является появление амбивалентной (*ambivalent prejudice*) и аверсивной (*aversive discrimination*) форм дискриминации [8].

Амбивалентная дискриминация характеризуется сочетанием двойственного отношения к миноритарной группе: с одной стороны, жалко, но с другой — неприятно. Таким людям оказывается всяческая помощь, часто даже сверх необходимого, однако личные контакты с ними не налаживаются.

Аверсивная дискриминация в основном приписывается этническим европейцам и отличается внешним проявлением вежливости и корректности по отношению к чернокожим/мигрантам/представителям меньшинств, но при этом сопровождается острым внутренним переживанием неприязни:

Child migrants from Central America got more sympathy than help last week when the U.S. 9th Circuit Court of Appeals heard arguments on a landmark case testing the children’s right to counsel in deportation hearings [2].

Однако учеными, занимающимися исследованием дискриминации и ее форм,

не выделяется в отдельную категорию и не номинируется тот вид, когда дискриминации подвергаются, например, мужчины со стороны женщин, белые со стороны чернокожих:

Both women and men have kids, obviously, but women are more likely to make political decisions based on how they care for their families or their community [там же].

Или:

And just as the distribution of minority groups across suburbia is not random, the distribution of whites across suburbia has really significant political implications [там же].

Многолетняя борьба за права дискриминируемых групп в США привела к парадоксальной ситуации, при которой эти самые группы чувствуют свое превосходство над бывшими угнетателями, даже свою исключительность, при которой осуждается любое проявление мужественности:

In a TV interview earlier this month, Missouri Senator Josh Hawley claimed the left was telling men their “masculinity is inherently problematic.” He also told interviewer Mike Allen he would make masculinity a signature political issue [там же], трансгендеры требуют снисходительности и лучших условий в спорте:

Dubbed the Fairness in Women’s Sports Act, the House bill lays out that female sports teams in Florida are specifically for “biological” women and girls while also creating a path for handling gender disputes by requiring a medical professional to verify a student’s sex [там же], а чернокожие граждане США не считают геноцид людей другой этнической группы проявлением расизма:

She said the Holocaust was “not about race ... it’s about man’s inhumanity to other man” [там же].

Дискриминация как современная идеология

Современные исследователи (например, [4; 9; 10]) утверждают, что сегодня в связи с общественным осуждением и моральным запретом на открытое выражение предубеждения или превосходства мажоритарных групп над миноритарными дискриминация не только никуда не делась, но и приобрела статус общественной идеологии. Либерализация западного общества приводит к появлению таких феноменов, как «минимизация расизма», «культурный расизм», «натурализация» и «абстрактный либерализм» (“*minimization of racism,*” “*cultural racism,*” “*naturalization,*” and “*abstract liberalism*”) [4] — явлений, искажающих первоначальное понимание расизма и дискриминации.

Одним из самых ярких проявлений дискриминации является предубеждение по поводу цвета кожи, получившее название «колоризм» (“*colorism*”). Как отмечает Lori L. Tharps, в обществе демонизируется темная кожа, а светлая, наоборот, дает массу преимуществ: люди с более светлым цветом кожи имеют возможность получить лучшее образование, зарабатывать больше и жить в лучших районах, чем представители той же самой этнической группы, но с более темным цветом кожи. Это наблюдение справедливо не только для чернокожих американцев или выходцев из Латинской Америки, но и для других этносов [11].

Ученые сходятся во мнении, что понимание расизма как исторически сложившегося превосходства белых над черными или цивилизованных и развитых людей над аборигенами или туземцами (также известного как «колониализм») в эпоху этнического многообразия и смешанных браков устарело. Сегодня все чаще можно встретить мнение, что современная Америка — это общество,

переросшее расизм (*post-racial society*), однако противостояние, выраженное дихотомией «мы» — «они» или «свои» — «чужие» по-прежнему сохраняется, только теперь это противопоставление не столько по принадлежности к той или иной расе, но и по половому признаку, и по социальному статусу [4]: “*race is a “socially constructed” category [...]. The mutability and even instability of the category “race” is not unique to this category as all social categories (e. g., gender, class, etc.) are socially rather than biologically real [...]; hence, they all are subject to change.*”

Либеральные ценности, пропагандируемые на Западе, делают модным принадлежность к меньшинству, в связи с чем на первый план в борьбе за чемпионство, рабочее место, поступление в университет или повышение по службе выступает не здоровая конкурентность или объективные заслуги (например, опыт, знания, способности), а идентификация человека как дискриминируемой личности: трансгендера, чернокожего, феминистки, гея и пр. В то же время принадлежность к большинству (к европеоидной расе, среднему классу и пр.) в обществе стигматизируется. И главную роль здесь играют СМИ, которые не только формируют общественное мнение [9, с. 242], но и манипулируют им, ловко играя на чувстве

вины (*White Supremacy*) и чувстве страха «быть отмененным» (*cancel culture*).

Заключение. Таким образом, можно заключить, что в современном американском политическом дискурсе происходят значительные изменения в дискриминационных практиках: на смену открытому проявлению расизма, мизогинии, ксенофобии и прочих видов дискриминации приходят скрытые формы, зачастую не осознаваемые самими участниками этого сложного процесса.

Если изначально под любой дискриминацией, будь то превосходство одного пола над другим, одной религии или одного этноса над другими подразумевались исторические и/или социальные установки и процессы, то на сегодняшний день можно говорить о новой социальной идеологии. Дискриминации подвергаются не те, кого меньше, кто слабее или беднее, а зачастую представители мажоритарных групп.

Подобная дискриминация навязывается обществу посредством эвфемизмов и вербальной микроагрессии, а главным инструментом выступают средства массовой информации.

Кроме того, изменились и внутренние установки участников дискриминационных практик: основным побуждением при дискриминации сегодня выступает страх быть причисленным к большинству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Etymonline.com. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 05.07.2022).
2. Politico. URL: <https://www.politico.com/> (дата обращения: 05.07.2022).
3. Кириллова, Л.В. Историкографический обзор политики позитивной дискриминации в США // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 157–162.
4. Bonilla-Silva, E. The Structure of Racism in Color-Blind, “Post-Racial” America // *American Behavioral Scientist*. 2015. Vol. 59. Iss. 11. P. 1358–1376.
5. Себряк, А.Н. Лингвистическая дискриминация и лингвистическая апроприация как примеры феномена двойственного сознания в США // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 1. С. 134–148.

6. Lexico.com. URL: <https://www.lexico.com> (дата обращения: 15.06.2022).
7. Cnbc.com. URL: <https://www.cnbc.com> (дата обращения: 15.06.2022).
8. Fiske, S.T. Managing Ambivalent Prejudices: Smart-but-Cold and Warm-but-Dumb Stereotypes // *Ann Am Acad Pol Soc Sci*. 2012. Vol. 639 (1). P. 33–48.
9. Dijk, Teun A. van. Sage Series on Race and Ethnic Relations // *Elite Discourse and Racism*. Vol. 6. Sage Publications, Inc., 1993. 320 p.
10. Bouvier, G. Racist Call-Outs and Cancel Culture on Twitter: The Limitations of the Platform's Ability to Define Issues of Social Justice // *Discourse, Context & Media*. Elsevier Ltd., 2020. Vol. 38.
11. Tharps, L.L. The Difference between Racism and Colorism. URL: <https://time.com/4512430/colorism-in-america/> (дата обращения: 05.07.2022).

REFERENCES

1. *Etymonline.com*. Available at: <https://www.etymonline.com/> (accessed: 05.07.2022).
2. *Politico*. Available at: <https://www.politico.com/> (accessed: 05.07.2022).
3. Kirillova, L.V. Istoriograficheskiy obzor politiki pozitivnoj diskriminacii v SSHA [Historiographical Review of the Policy of Positive Discrimination in the USA], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* = Bulletin of the Udmurt University. History and Philology, 2015, vol. 25, iss. 4, pp. 157–162. (in Russ.)
4. Bonilla-Silva, E. The Structure of Racism in Color-Blind, “Post-Racial” America. *American Behavioral Scientist*, 2015, vol. 59, iss. 11, pp. 1358–1376.
5. Sebyruk, A.N. Lingvisticheskaya diskriminaciya i lingvisticheskaya apropiaciya kak primery fenomena dvojstvennogo soznaniya v SSHA [Linguistic Discrimination and Linguistic Appropriation as Examples of the Phenomenon of Dual Consciousness in the USA], *Vestnik novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikaciya* = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, No. 1, pp. 134–148. (in Russ.)
6. *Lexico.com*. Available at: <https://www.lexico.com> (accessed: 15.06.2022).
7. *Cnbc.com*. Available at: <https://www.cnbc.com> (accessed: 15.06.2022).
8. Fiske, S.T. Managing Ambivalent Prejudices: Smart-but-Cold and Warm-but-Dumb Stereotypes. *Ann Am Acad Pol Soc Sci*, 2012, vol. 639 (1), pp. 33–48.
9. Dijk, Teun A. van. Sage Series on Race and Ethnic Relations. *Elite Discourse and Racism*, vol. 6. Sage Publications, Inc., 1993, 320 p.
10. Bouvier, G. Racist Call-Outs and Cancel Culture on Twitter: The Limitations of the Platform's Ability to Define Issues of Social Justice. *Discourse, Context & Media*, Elsevier Ltd., 2020, vol. 38.
11. Tharps, L.L. *The Difference between Racism and Colorism*. Available at: <https://time.com/4512430/colorism-in-america/> (accessed: 05.07.2022).

Соколова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра фонетики и лексики английского языка, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, ma.sokolova@mpgu.su

Marina A. Sokolova, PhD in Philology, Associate Professor, English Phonetics and Lexicology Department, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, ma.sokolova@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 15.08.2022. Принята к публикации 02.09.2022
The paper was submitted 15.08.2022. Accepted for publication 02.09.2022

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ РЕЧЕВОГО ОТГОРАЖИВАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

М.Ю. Сейранян

Аннотация. *Статья посвящена одному из частотных элементов англоязычного дискурса — маркерам речевого отгораживания (хеджингу). В центре внимания автора социокультурные и языковые характеристики данного феномена. На основании проведенного автором исследования выявлены особенности функционирования хеджинга, проанализированы ключевые вербальные средства реализации. Показано, что хеджинг может быть реализован любыми вербальными средствами. Особое внимание уделяется роли просодических средств в оформлении маркеров отгораживания. Представленные в статье результаты показывают, что хеджинг является неотъемлемой составляющей различных видов англоязычного дискурса (как устной, так и письменной разновидности) и отражает такие черты британского национального характера, как некатегоричность, уважение к личному пространству, сомнение, самоирония и др.*

Ключевые слова: хеджинг, онлайн-дискурс, национально-культурная специфика, речевое отгораживание, просодические средства.

Для цитирования: Сейранян М.Ю. Дискурсивные маркеры речевого отгораживания как отражение национально-культурной специфики речевого общения // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 380–386. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-380-386

380

HEDGING AS A MARKER OF NATIONAL-CULTURAL SPECIFICS OF COMMUNICATION

M.Yu. Seiranyan

Abstract. *The article addresses the problems of hedging as part and parcel of the English discourse. Focus is given to socio-cultural and verbal aspects of this phenomenon. Basing on the data obtained in the course of study, the author gives an overview of key functions hedges perform in online discourse and reveal key verbal means the speakers use while hedging. Special attention is given to the role of prosodic means, so called prosodic hedges. The observations made in the paper demonstrate that hedging is an indispensable part of different types of discourse (oral as well as written) and marks such key features of British national character as privacy, self-irony, doubt, lack personal judgment and imposition.*

© Сейранян М.Ю., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Keywords: *hedging, online discourse, national identity, hedges, prosodic means.*

Cite as: Seiranyan M. Yu. Hedging as a Marker of National-Cultural Specifics of Communication. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 3, part 2, pp. 380–386. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-380-386

Очевидно, что маркеры отгораживания являются неотъемлемой частью любого вида дискурса (как письменной, так и устной разновидностей). Несмотря на достаточное количество исследований феномена отгораживания, в рамках лингвистики и лингвокультурологии, прагматики, психологии по-прежнему актуальным представляется изучение национально-культурной, социокультурной специфики «отгораживания» на примере дискурса повседневной речи в целом и просодических характеристик в частности.

Анализ работ, посвященных маркерам отгораживания, позволяет сделать вывод о полифункциональности данного феномена. Хеджинг способствует снижению пафосности, категоричности высказывания, смягчению негативной коннотации реплик, направлен на благосклонную содержательность текста, выражение поддержки собеседника. Безусловно, ключевую роль в интерпретации маркеров в каждом отдельном виде дискурса (бытовом, академическом, политическом, риторическом и т. д.) играет контекст (как лингвистический, так и экстралингвистический). Дискурсивные маркеры речевого отгораживания могут принадлежать к любой части речи и приводить в качестве примера существительные, глаголы, прилагательные, наречия и даже артикли: «Любая языковая единица может приобрести статус ограничителя в зависимости от коммуникативного контекста» [1, с. 92]. При этом важно, что единицы высказывания, которые функционируют как маркеры отгораживания в одном контексте, в другом могут выражать/

передавать совершенно иные значения. Маркеры речевого отгораживания являются не только способами реализации дополнительных коннотаций высказывания, но и участвуют в создании индивидуального контекста (атмосферы) дискурса. Так, в научном и академическом дискурсах маркеры отгораживания могут выполнять роль «текстовых манипуляторов» [2]. При этом авторы исследований по лингвистике и философии склонны использовать большее количество средств «хеджирования», особенно когда текст содержит небольшое количество экспериментальных данных. В таких случаях стиль изложения направлен на достижение достоверности и обоснованности информации.

В свою очередь, в риторическом и политическом дискурсах использование таких маркеров отгораживания, как *I guess, I believe, you know, well, like, say* способствуют «снижению» формальности дискурса, придают высказываниям квазиспонтанный/квазиразговорный характер, направлены на «сближение говорящего и аудитории». В речи политиков маркеры отгораживания используются вместо сообщения какой-либо конкретной информации [3, с. 97], в то время как в контексте интервью основной функцией маркеров является, по мнению Т.И. Грибановой и Т.М. Гайдуковой, снижение категоричности, определенности. Большая по сравнению с академическим и политическим дискурсом степень неподготовленности влияет на выбор группы маркеров «отгораживания». Оправданным является превалирование *I know, I believe, well*

и т. д. [там же, с. 98]. Интересной представляется и точка зрения ряда исследователей [1; 2; 4] о схожести «отгораживания» и модальности, как “vague and open to a number of possible definitions”. Особое место в современных междисциплинарных исследованиях дискурса занимает вопрос о проявлении гендерных различий в речевом поведении. Среди первых работ, в которых затрагивается вопрос о гендерной специфике хеджирования, следует отметить исследование Р. Лакоффа. По мнению автора, женщины смягчают свои высказывания при помощи дискурсивных маркеров типа *you know, of course, like*, не добавляющих содержательности тексту, но направленных на благосклонную интерпретацию и поддержку от собеседника [5].

Очевидно, что, претендуя на языковую исключительность, люди в похожих коммуникативных ситуациях ведут себя одинаково. Говорящий человек в каждый момент своей речевой деятельности демонстрирует особенности группового речевого поведения, фокусируя в себе черты «коллективных языковых личностей». Личность является изменяющимся единством, в котором сосуществуют различные социально-ситуативные роли, модусы поведения, а также сугубо индивидуальные особенности, проявление которых в конкретном дискурсе отличается различной степенью значимости. Известно, что социализация личности проявляется как в процессе усвоения законов взаимодействия заданной этнокультуры, так и в активной речевой деятельности по нормам конкретной культуры. «Участвуя в дискурсе, коммуниканты вырабатывают свой стиль, в котором раскрываются их социальные и личностные характеристики» [6, с. 280]. Индивидуальный опыт общения складывается на основе социально значимых сценариев, которые

через повторяемость в определенных речевых ситуациях накапливаются в памяти индивида и, по мнению ван Дейка, создают «базу данных» и используются говорящими во вновь встречающихся речевых ситуациях [7, с. 276]. Кроме того, в каждом обществе существует «матрица общения» [8], функционально связанная со свойственной данному обществу нормой/кодом поведения.

Можно предположить, что большое количество хеджирования в британском речевом дискурсе является ничем иным, как отражением специфики британской культуры, британского характера, а именно таких норм поведения, как вежливость, сдержанность, уважение к личному пространству собеседника, соблюдение дистанции, некатегоричность и недоговоренность. «Для британской культуры, которой, как известно, свойственен индивидуализм, характерна горизонтальная или социальная дистанция, показывающая степень социально-психологической близости коммуникантов, в отличие от вертикальной или статусной дистанции, которая зависит от иерархии собеседников и показывает степень социального неравенства» [9, с. 54].

Так, например, в контексте академической публичной речи обращение к средствам отгораживания может быть продиктовано стремлением говорящего намеренно «снизить» свой образ, не показаться «слишком» знающим. Подобная тактика соблюдения скромности особенно характерна для британской речевой культуры: «Оратор никогда не проявляет высокомерия, не подчеркивает уровень своих достижений или свое превосходство перед аудиторией» [10, с. 108]. Кроме того, явление хеджинга можно рассматривать как проявление стратегии толерантности и гармонизации взаимодействия, которые призваны минимизировать любого рода

конфликтные ситуации. В контексте англоязычного академического дискурса маркеры речевого отгораживания передают свойственные британской лингвокультуре сомнение и скептицизм, и отсутствие подобных «смягчителей» в речи может быть воспринято как проявление излишней самоуверенности, а в некоторых ситуациях быть причиной сбоя в коммуникации.

Анализ работ, посвященных описанию маркеров речевого отгораживания, позволяет сделать вывод о значимости просодического компонента. С одной стороны, просодия рассматривается как сопутствующий компонент, во взаимодействии с лексико-синтаксическими языковыми средствами, с другой, — как самостоятельное средство реализации неуверенности, некатегоричности, колебания.

В то же время, как справедливо отмечает Н.А. Катина, «проблема установления инвариантных просодических характеристик дискурсивных маркеров речевого отгораживания усложняется их разной языковой структурой (ср., например, наречие *somehow*; подчинительное предложение *as it were*; фразу с предлогом *in a sense*; предложно-именные сочетания *sort of, kind of*; предложение *shall I say*)» [9, с. 70].

Материал исследования

В качестве материала исследования был выбран сериал “Staged” (BBC). Одной из причин в пользу выбора именно этого сериала послужил сюжет репетиции новой постановки в режиме онлайн, реального времени.

События последних двух лет, эпидемиологическая обстановка во всем мире повлекли за собой ряд изменений не только в сфере образования, здравоохранения, бизнеса, но и культуры. Оказавшиеся в изоляции актёры, лишённые возможности

не только играть, но и заниматься постановкой новых спектаклей, либо остаются без работы, либо пытаются применить «новый» формат взаимодействия — репетиции онлайн. В результате у нас появляется возможность не только проанализировать звучащий монолог в реальном времени, но и проследить возможные изменения в речевом поведении участников дискурса, вызванные сменой ситуации общения, местом общения.

По предварительной гипотезе маркеры речевого отгораживания в речи актеров придают взаимодействию неформальную тональность, направлены на смягчение/снижение пафосности и назидательности высказывания, а также являются средствами уточнения/разъяснения своей точки зрения. Мы также предполагаем, что речевое отгораживание будет присутствовать в речи актеров в большом количестве как неотъемлемый культурно-специфический компонент речевого поведения британцев (как неотъемлемый компонент британской культуры речевого поведения).

На первом этапе были просмотрены все серии (два сезона по 10 серий в каждом) с целью получить общую информацию о жанре сериала, участниках, характере взаимоотношений между актерами, проанализировать речевое поведение участников дискурса через призму широкого и узкого (ситуативного) контекста. Далее (на втором этапе) были выявлены наиболее частотные маркеры отгораживания, в частности просодические средства хеджинга.

Следует отметить, что все актеры «играют» самих себя. В сериале основные герои — два актера, которые одновременно являются авторами сюжета постановки, их семьи и режиссер. Помимо этого в каждой серии есть приглашенные герои (актеры, агенты наших героев,

режиссеры и продюсеры), которые, как правило, дают советы, делятся своими впечатлениями о сюжете или являются потенциальными претендентами на исполнение той или иной роли в будущей постановке. Характер взаимодействия варьируется в зависимости от темы разговора, отношения участников друг к другу: от дружелюбного гармоничного обсуждения до спора и открытой конфронтации, обусловленной естественными противоречиями во взглядах и мнениях.

Проведенный анализ еще раз подтвердил, что маркером речевого отгораживания может быть любое языковое средство (любая единица дискурса). Выбор того или иного средства и его функциональность зависит от индивидуальных особенностей горящего и от контекста.

В ходе анализа было отмечено, что у каждого говорящего есть определенный индивидуальный набор лексических, синтаксических и просодических единиц, которые в зависимости от контекста могут относиться к:

- ограничителям и смягчениям признака;
- реализации неуверенности, некатегоричности;
- комментариям и добавлениям информации;
- обобщениям и/или пояснениям.

Наиболее частотными в корпусе исследования являются: *oh, well, er, um, hm, uhm; somehow, like, absolutely, right; you know, you see; I think; I guess; I see; say, sort of, a bit, a little, quite; tag-questions (isn't it, did I, aren't you), — ish (childish, yellowish).*

Well, it's sort of... isn't it?

Let's do it, shall we?

I wouldn't be possible without, er, uhm, David.

What I meant was...quite, sort of...

I did that, didn't I?

No, they didn't, did they?

You mean like in the flesh, like...?

I've been run of my feet, there's just so much work to do.

Мы также отмечаем частое использование повторов в ситуациях, когда говорящий комментирует свои собственные высказывания, избегает прямолинейности и категоричности:

I mean it's sort of, like, well, well, you know, you see, er, er, it's like.

Повторы являются частотными средствами реализации так называемого колебания:

What can we do? What can we do? What's what's, what's...

Или:

Well, well, er, er, I did it, I did it, well...

Среди наиболее распространенных просодических средств реализации речевого отгораживания следует отметить вариативность продолжительности пауз по сравнению с окружающим контекстом. В частности, в момент колебания отмечаем членение на короткие синтагмы краткими паузами:

Two|of|the|actors|that|we|were|considering|you|and|Michael||

Just|to offer|your thgoughts|or|your|experience.||

При этом паузы на стыках предложений не противопоставлены по длительности паузам между синтагмами в предложении, а центр высказывания маркирован нисходящим или нисходяще-восходящим тоном и утрированным растягиванием гласного:

What |David| means is| that|we|feel|erm| you know| quite a lot of| love|er|even| ownership|of|the project| too| We were| a little bit| hurt|when we heard| that we| weren't| needed.

Также мы отмечаем незаполненные паузы хезитации, замедление темпа, снижение громкости и тонального уровня как

частотные просодические средства «отгораживания» в отсутствии других лексико-синтаксических средств:

We would|be|very|happy|to.

Обобщая наблюдения, полученные в ходе исследования, можно выделить некоторые отличительные особенности хеджинга в современном англоязычном дискурсе:

1. Хеджинг (маркеры отгораживания) является комплексным многоаспектным феноменом, изучение которого находится в сфере пересечения прагма и социолингвистики, теории текста и дискурс-анализа.

2. Использование маркеров речевого отгораживания регламентировано контекстом ситуации, в частности такими факторами, как индивидуальные особенности говорящего, лексико-грамматический контекст, цель и формат коммуникации.

3. Просодические средства могут выступать в качестве самостоятельных маркеров отгораживания. К ключевым в данном случае можно отнести средний тональный уровень, паузы хезитации, частые краткие паузы, растягивание гласного ядерного центра высказывания, оформление ядра высказывания тоном среднего уровня (terrace), нефинальным тоном (Mid-Fall).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Darian, S.* Hypothesis in Introductory Science Texts // *IRAL*. 1995. Vol. 33. No. 2. P. 83–108.
2. *Markkanen, R., Schroder, H.* Hedging: A Challenge for Pragmatics and Discourse Analysis: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Berlin, New York, 2010. P. 3–18.
3. *Gribanova, T.I., Gaidukova, T.M.* Hedging in Different Types of Discourse // *Training, Language and Culture*. 2019. Vol. 3. No. 2. P. 85–99.
4. *Palmer, F.R.* Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 236 p.
5. *Lakoff, G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 1972. P. 183–228.
6. *Карасик, В.И.* Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
7. *Демьянков, В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука конца XX в.* М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
8. *Гамперц, Дж.* Типы языковых обществ // *Новое в лингвистике*. Вып. 7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 182–198.
9. *Катина, Н.А.* Роль просодии в реализации дискурсивных маркеров речевого отгораживания (на материале британских лекций): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 162 с.
10. *Фрейдина, Е.Л.* Публичная речь и ее просодия. М.: Прометей, 2005. 191 с.

REFERENCES

1. *Darian, S.* Hypothesis in Introductory Science Texts. *IRAL*, 1995, vol. 33, No. 2, pp. 83–108.
2. *Markkanen, R., Schroder, H.* *Hedging: A Challenge for Pragmatics and Discourse Analysis: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin, New York, 2010, pp. 3–18.
3. *Gribanova, T.I., Gaidukova, T.M.* Hedging in Different Types of Discourse. *Training, Language and Culture*, 2019, vol. 3, No. 2, pp. 85–99.
4. *Palmer, F.R.* *Mood and Modality*. Cambridge, Cambridge University Press, 1986, 236 p.

5. Lakoff, G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 1972, pp. 183–228.
6. Karasik, V.I. *Yazykovye klyuchi* [Language Keys]. Moscow, Gnozis, 2009, 406 p. (in Russ.)
7. Demjankov, V.Z. Dominiruyushchie lingvisticheskie teorii v konce XX veka [Dominant Linguistic Theories at the End of the Twentieth Century]. In: *Yazyk i nauka konca XX v.* [Language and Science of the Late Twentieth Century]. Institut yazykoznaniya Rossijskoj akademii obrazovaniya, 1995, pp. 239–320. (in Russ.)
8. Gumpertz, Dzh. Tipy yazykovykh obshchestv [Types of Linguistic Societies]. In: *Novoe v lingvistike. Вып. 7. Sociolingvistika* [New in Linguistics, iss. 7, Sociolinguistics]. Moscow, Progress, 1975, pp.182–198. (in Russ.)
9. Katina, N.A. *Rol prosodii v realizacii diskursivnykh markerov rechevogo otgorazhivaniya (na materiale britanskih lekcij)* [The Role of Prosody in the Implementation of Discursive Markers of Speech Detachment (Based on the Material of British Lectures)]: PhD Dissertation (Philology). Moscow, 2014, 162 p. (in Russ.)
10. Frejdina, E.L. *Publichnaya rech i ee prosodiya* [Public Speech and Its Prosody]. Moscow, Prometej, 2005, 191 p. (in Russ.)

Сейранян Маргарита Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра фонетики и лексики английского языка, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет, margo.seiranyan@yandex.ru

Margarita Yu. Seiranyan, ScD in Philology, Associate Professor, Professor, English Phonetics and Lexicology Department, Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, margo.seiranyan@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.08.2022. Принята к публикации 02.09.2022

the paper was submitted 20.08.2022. Accepted for publication 02.09.2022

ДЕКОНСТРУКЦИЯ БИНАРНОЙ ГЕНДЕРНОЙ МОДЕЛИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

(на материале англоязычного рекламного дискурса)

Ю.М. Сергеева, Д.А. Ивасик

Аннотация. Анализ проблемы гендерной идентичности и ее языкового выражения показывает, что в современном обществе намечается устойчивая тенденция элиминации гендерно маркированных языковых средств, обусловленных бинарной гендерной моделью. Наличие гендерной вариативности и расширение спектра гендерных ролей вынуждают создателей рекламного дискурса соответствовать меняющимся социокультурным представлениям о маскулинности/феминности. Среди способов деконструкции бинарной гендерной модели в рекламном дискурсе можно назвать отсутствие прямой номинации адресата, апелляцию к универсальным ценностям и понятиям, использование гендерно нейтральных эпитетов и метафор, визуальную реализацию гендерной нейтральности. В совокупности они способствуют смягчению гендерной дисфории, укреплению толерантности по отношению к гендерно флюидным и небинарным личностям, поскольку рекламный дискурс оперирует во всех сферах жизни общества, передавая посредством упрощенного смыслового кода наиболее важные смысловые установки.

Ключевые слова: гендерный стереотип, рекламный текст, гендерный маркер, система личных местоимений, унисекс, универсальные ценности, гендерная метафора.

Для цитирования: Сергеева Ю.М., Ивасик Д.А. Деконструкция бинарной гендерной модели в современной лингвокультуре (на материале англоязычного рекламного дискурса) // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 387–395. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-387-395

387

DECONSTRUCTION OF THE BINARY GENDER MODEL IN MODERN LANGUAGE (Based on English Advertising Texts)

Yu.M. Sergeeva, D.A. Ivasik

Abstract. The analysis of the problem of gender identity and its linguistic expression shows that in modern society there is a steady trend towards the elimination of gender-marked linguistic means due to the binary gender model. The presence of gender variability and the expansion of the range of gender roles force the creators of advertising discourse to comply with the changing social and cultural perceptions of masculinity/femininity. Among the ways to deconstruct the binary gender model in advertising discourse one can mention the absence of direct naming of the addressee, appeal to universal values and concepts, the use of gender-neutral epithets and metaphors, visual

© Сергеева Ю.М., Ивасик Д.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

realization of gender neutrality. Taken together, they contribute to mitigating gender dysphoria and strengthening tolerance towards gender-fluid and non-binary personalities, because advertising discourse operates in all spheres of society, transmitting through a simplified semantic code the most important semantic attitudes.

Keywords: *gender stereotype, advertising text, gender marker, personal pronouns, unisex, universal values, gender based metaphor.*

Cite as: Sergeeva Yu.M., Ivasik D.A. Deconstruction of the Binary Gender Model in Modern Language (Based on English Advertising Texts). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 3, part 2, pp. 387–395. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-387-395

В настоящее время междисциплинарные гендерные исследования представляют собой обширную и интенсивно развивающуюся область изучения самых разнообразных гендерных аспектов. В данной статье затрагивается проблема лингвистического маркирования социокультурной категории гендера: в частности, рассматриваются случаи деконструкции бинарной гендерной модели в англоязычном рекламном дискурсе. Отметим, что исследование наименований лиц мужского и женского пола, изучение грамматической категории рода и связанных с ней проблем референции находит свое отражение в трудах как отечественных, так и зарубежных лингвистов (О.А. Ворониной, А.А. Денисовой, А.В. Кирилиной, Е.И. Литневской, В.Ю. Мамаевой, Т.Н. Хрустальной, Л. Voroditsky, Е.-М. Thùne и др.) [1–8]. Однако наличие целого ряда работ по данной тематике отнюдь не исчерпало всех аспектов конструирования гендера в языке и речи. Таким образом, актуальность исследования обусловлена важностью изучения процессов личностной референции в языке, с одной стороны, и необходимостью выявления способов нейтрализации гендерных стереотипов, проявляющихся через использование гендерных референциальных маркеров, с другой стороны.

В качестве материала исследования использовались рекламные тексты, разме-

щенные на официальных сайтах брендов люксовой одежды, косметики и парфюмерии, таких как *Gucci, Calvin Klein, Dior, Tom Ford, Zadig & Voltaire, Lancome*. Методом сплошной выборки было отобрано около 400 единиц рекламного дискурса, в которых гендер референта намеренно не определен. В результате лингвостилистического и сопоставительного анализа такого рода контекстов были выявлены дискурсивные факторы, способствующие деконструкции бинарной гендерной модели.

В своем исследовании мы исходили из положения о том, что гендерные стереотипы массового сознания, сформированные в условиях традиционного общества, являются важнейшим регулятором нравственных, культурных, правовых отношений между членами того или иного социума. Эти стереотипы создают проблему кризисного несоответствия представлений о гендерных отношениях изменившимся условиям бытия. Стереотипы массового сознания, связанные с гендерными ролями мужчин и женщин, весьма разнообразны по содержанию и происхождению. Некоторые из них имеют долгую историю, другие появились совсем недавно. Так, древнейшее представление о принадлежности мужчин и женщин к «разным мирам», основанное на несходстве их физиологии, привело к представлению об исходной греховности женщин,

о неспособности женщин к высшей духовной созидательной деятельности, о большей зависимости женщин от своей половой принадлежности [9, с. 5]. Среди современных стереотипов можно назвать мнение о том, что эмансипация привела к уничтожению женского начала в женщине, или представление о том, что в современном обществе воцарилось гендерное равенство. Последний стереотип особенно опасен для дальнейшего развития общества, поскольку дает ложное представление о реальном положении дел; на самом деле в современном обществе повсеместно наблюдается дискриминация на рынке труда, насилие в семье, закрытый доступ женщин во властные структуры, недооценка вклада женщин в развитие общества и культуры и т. д.

Господство бинарной гендерной модели, предполагающей существование и принятие обществом двух гендерно маркированных социальных групп (лиц женского пола и лиц мужского пола), продолжается по сей день, несмотря на предпринимаемые усилия нивелировать различие между полами как на социальном, так и на политическом уровнях. Действительно, в современном обществе многие профессии уже не являются гендерной привилегией, женщины вносят свой вклад в семейный бюджет, повсеместным становится планирование деторождения, технологический прогресс существенно сокращает и облегчает бытовые обязанности. Однако на глубинном уровне, на уровне подсознания большинство людей опирается на ценностные модели патриархального общества, до сих пор не утратившие своего воздействия и превратившиеся из регуляторов общественной жизни в регрессивный, сдерживающий фактор.

В плане гендерной проблематики дисгармония между практикой общественного бытия и ценностными ориентациями

индивида вызывается тем, что проявление того или иного гендера не соответствует личным представлениям индивида о маскулинности и феминности, не вписывается в его систему ценностей. Данная система формируется из его интересов, принципов, психических, физических и интеллектуальных возможностей. Ценности в широком смысле слова представляют собой культурно и социально обусловленные критерии восприятия индивидом явлений и фактов действительности, причем как внешней, объективной действительности, так и своего внутреннего, субъективного мира. В этом плане они являются стереотипами, поведенческими моделями человеческой деятельности, по мере усвоения которых происходит социализация индивида.

Представление субъекта о собственных ценностях воплощается в его ценностные ориентации, которые служат ему критериями оценки действительности, формируя тем самым базу для создания *оценочных суждений*. Формирование оценочного суждения обязательно связано с наличием у индивида представления об окружающем мире и выступает как форма активного *информационного взаимодействия* личности с этим миром. Актуальная информация поступает к индивиду по разным каналам, важнейшими из которых в современном социокультурном пространстве являются средства массовой информации, в составе которых реклама выступает как наиболее активный компонент. Именно реклама сообщает индивиду об актуальных тенденциях сегодняшнего дня, позволяя тем самым ориентироваться в окружающем мире, быть равноправным членом социума, соответствовать его ожиданиям.

Реклама воспринимается как источник «социальных подсказок»: создавая имидж товара, рекламный дискурс определенным

образом маркирует и потребителей этого товара, их социальный статус, возраст, пристрастия, интересы и (не в последнюю очередь) их гендерную принадлежность. В этом плане рекламный дискурс можно определить как перформативное высказывание, поскольку реклама предписывает референту принимать на себя определенную гендерную роль и вести себя соответственно этой роли. Д. Батлер (Judith Butler) считает, что гендер — это следствие многократных перформативных действий, которые осуществляются в определенном культурном контексте; именно многократность такого повторения создает видимость его естественного происхождения [10, с. 45]. Конечно, речь здесь не идет об искусственности гендера в целом, но лишь подчеркивает сложность этого конструкта, разные аспекты которого обладают разной степенью условности.

Исследование рекламного дискурса в гендерном аспекте ставит данную статью в ряд работ, изучающих отражение в языке гендерных стереотипов, в частности, уже упоминаемого нами представления о принадлежности всего сущего двум биологическим полам (мужскому или женскому) и, следовательно, двум социальным гендерам. В гендерной теории маскулинность и феминность понимаются как социокультурные аспекты, как набор определенных качеств, приписываемых мужчинам и женщинам, но существующих в каждом индивиде в уникальной пропорции.

В языке в целом и в языке рекламы, в частности, маркеры того или иного гендера выступают как своеобразные *индексы*, которые могут указывать на гендерную идентичность говорящих. В качестве индексирующих средств могут выступать различные лингвистические средства как собственно дейктические,

т. е. местоимения, так и образно-стилистические средства, например, метафоры и эпитеты.

Грамматический род в английском языке, в отличие от, например, числа, не является неотъемлемой характеристикой имени существительного и выражается широким спектром морфологических и лексических языковых средств: словообразовательными аффиксами, частями сложных слов, лексемами разных частей речи, маркирующими гендер референта. Система местоимений является отражением грамматической категории рода, которая, в свою очередь, имеет социальную значимость как категория, конструирующая понятие гендера через систему языка и репрезентирующая в ней гендерные различия.

Э. Бодин (Ann Bodine), подчеркивая важность личной местоименной референции, отмечает, что она позволяет привести символическую репрезентацию межличностных отношений в соответствие с тем, как эти отношения структурированы в идеологических и поведенческих структурах членов данного речевого общества [11, с. 131]. Так, изменения в культурной и социальной сферах обуславливают потребность нивелирования формальных различий в обозначении пола, замену гендерно маркированных лексем на нейтральные.

В конструировании современного рекламного дискурса эта тенденция находит отражение в производстве *гендерно нейтральных* товаров, главной особенностью которых является отсутствие конкретной целевой аудитории, выделяемой по гендерному признаку. В приведенном ниже примере рекламного текста идея унитарности реализована посредством использования личного местоимения *us*, которое является завершающим компонентом в перечислении целевой

аудитории. Упоминаемые ранее местоимения *her* и *him* в данном контексте не противопоставлены друг другу, напротив, синтаксический параллелизм усиливает воздействие данного слогана, привлекает внимание реципиента к главному когнитивному компоненту рекламного дискурса, подчеркивая всеохватную характеристику товара.

(1) THIS IS US!

IT'S US! Is the new fragrance **for her, for him, for us** [12].

Отсутствие прямой номинации адресата — еще один прием нейтрализации гендерных различий в рекламном дискурсе; в таких текстах потребитель не позиционируется как цисгендерная личность (мужчина или женщина), напротив, подчеркивается вариативность целевой аудитории. Так, лексемы *universal* и *genderless* указывают на неограниченность целевой аудитории по половому признаку и предполагают всеохватывающий характер, отказ от фокусирования на одной из составляющих бинарной гендерной модели.

(2) Presenting a **universal scent**: Gucci Mémoire d'une Odeur... [13].

(3) CK **EVERYONE** is a **genderless scent**... [14].

Неопределенное местоимение *everyone* обладает обобщающей семантикой, и тем самым создается эффект принадлежности каждого члена общества к данной категории потребителей товара. Лексемы *men* и *women* употребляются в данном контексте не как противоположные понятия: они объединяются глаголом *to share*, семантика которого предполагает общность взглядов или мнений, совместное действие, взаимную выгоду, совместное владение чем-либо.

(4) Designed **for men and women to share, it belongs to everyone** [там же].

Одним из эффективных приемов манипулятивного воздействия рекламы на

потребителя служит имитация диалогического дискурса, т. е. использование прямого обращения посредством местоимения второго лица *you*. Такое обращение нейтрализует гендерный аспект, так как каждый потребитель может идентифицировать себя с адресатом рекламного слогана независимо от своей гендерной идентичности — цисгендер, агендер, бигендер, гендерквир, трансгендер.

(5) A fragrance that **inspires you to be yourself** [там же].

Важно отметить, что в современном рекламном дискурсе наблюдается тенденция опускать описание внешних проявлений бинарности или небинарности индивида, его/ее гендерных ролей, особенностей гендерного самовыражения. Эмоционально-оценочные высказывания в рекламном дискурсе представлены в основном метафорами и эпитетами. Так, в примере (6) используются эпитеты *free-spirited* и *youthful*, для которых не характерна определенная гендерная адресация, они могут быть употреблены для описания представителя любого гендера. В примере (7) можно наблюдать использование метафоры *a fragrance that transcends gender*, которая убеждает нас в том, что аромат выходит за пределы бинарных гендерных рамок.

(6) CK One is a **free-spirited, youthful fragrance**... [там же].

(7) Presenting a universal scent: Gucci Mémoire d'une Odeur, **a fragrance that transcends gender** and explores the power of memory [13].

Рекламные тексты, приведенные выше, свидетельствуют о гендерной нейтральности рекламируемых товаров. На уровне потребления речь идет о товарах унисекс (unisex), главной характеристикой которых является отсутствие признаков, указывающих на половую принадлежность их владельца. В рассматриваемых нами

примерах таким товаром является продукция ведущих косметических брендов, большинство которых представляют широкую линейку продуктов для обоих полов. Первый в мире аромат унисекс под названием *CK One*, который позиционируется как естественный, свежий и нейтральный запах, не имеющий четких половых различий, был выпущен в 1994 году фирмой Calvin Klein. Особенность запахов унисекс (*Gieffeffe* Gianfranco Ferre, *Acqua di Gio* Giorgio Armani, *Black Tea & Green Tea* Bvlgari, *Hot & Cold* Benetton) состоит в том, что в них не прослеживается четко выделяемая основная тема, смикшированы акценты, поэтому один и тот же аромат воспринимается по-разному: и как мужской, и как женский парфюм.

Товары, как и модели поведения их потребителей, принадлежат к внешней культуре, открытой и доступной для наблюдения. Другие феномены — мифы, ритуалы, нормы поведения, ценности принадлежат внутреннему миру индивида, его внутренней культуре. На концептуальном уровне речь идет о включении в рекламный дискурс апелляции к духовно-нравственным ценностям, лежащим в основе мировоззрения, выступающим ориентиром жизнедеятельности индивида в социуме.

К таким понятиям относятся свобода самовыражения, право индивида на счастье, равенство всех людей, терпимость, индивидуальность, сила памяти, и пр., которые являются универсальными для всех независимо от пола.

(8) ... Gucci Mémoired'une Odeur... explores **the power of memory** [там же].

(9) ... a scent for today that **celebrates the infinite freedom of self-expression** [14].

(10) ...IT'S US! Is the very essence of Zadig, which unites the Zadig family. A diverse but united tribe that exudes **happiness**,

rock spirit and freedom. No gender, no age limit, no borders. A common wish: to live a happy, free and intense life [12].

Как можно видеть из примеров, этот способ деконструкции бинарной гендерной модели реализуется как обособленно, так и в комбинации с иными способами, например, использованием гендерно нейтральных местоимений.

На данный момент правомерно говорить о формировании образов мужчины и женщины посредством языковых средств, которые в традиционном, стереотипном видении мужчины и женщины несовместимы с ними, не используются для их описания. Мужчина теряет свою главенствующую позицию и делит ее с женщиной, приобретая и перенимая некоторые черты традиционно женского поведения. Например, при описании образа современного мужчины активно используется лексика тематического поля «Красота и уход за собой», традиционно используемая при описании образа женщины. В свою очередь, образ женщины формируется с помощью различного рода мотивирующих языковых единиц, являющихся следствием влияния различных социальных движений, например, феминизма и бодипозитива. Женщины в рекламных компаниях предстают дерзкими, смелыми и самоуверенными лидерами, имеющими те же права, что и мужчины, и способными открыто заявлять о своей независимости.

(11) Distinctive spice accents, modern woods and a primal impact accord make Tom Ford for Men a luxurious fragrance that is both elegant and modern. A reflection of Tom Ford himself, it was created **for men who are refined, seductive and sophisticated** [15].

(12) Determined and confident, the Givenchy Gentleman is **elegant and proud of his appearance** [16].

(13) ...its iconic floral bouquet of J'adore is a magnificently balanced and multifaceted vision — an ode to **fearless women** [17].

(14) Here's to the ones who dream big; a new generation of **conquering women, strong, outspoken & empowered** [18].

Если говорить о визуальной составляющей рекламного дискурса, то гендерная нейтральность выражается посредством нарушения правил и канонов, что демонстрирует универсальность, возможность совместного использования продвигаемого товара представителями обоих полов. Например, можно наблюдать рекламу бренда Gucci, а именно губной помады, которая используется одновременно как девушкой, так и молодым человеком [13]. Если использование девушкой губной помады является весьма стереотипным и обыденным, то такое же действие, совершаемое молодым человеком, выходит за рамки традиционности и стереотипного образа маскулинности. Именно посредством иллюстрации совместного использования продвигаемого товара представителями обоих полов, что демонстрируется одинаковым оттенком помады на их губах, достигается гендерная нейтральность на визуальном уровне.

В заключение еще раз подчеркнем, что в качестве одного из возможных способов преодоления негативного влияния стереотипов массового сознания на существование представителей разных гендеров в современном обществе используется элиминация бинарной гендерной модели посредством стирания граней между маскулинностью и феминностью, установления гендерной толерантности во всех областях жизни социума. К способам деконструкции бинарной гендерной модели в рекламном дискурсе можно отнести отсутствие прямой номинации адресата, апелляцию к универсальным ценностям и понятиям, использование гендерно нейтральных эпитетов и метафор, визуальную реализацию гендерной нейтральности. Авторы рекламных текстов прибегают и к обособленному использованию вышперечисленных средств, и к комбинации этих приемов. Правомерно говорить об изменении культуры восприятия гендерных образов мужчины и женщины в современном социуме и появлении соответствующих изменений в языке и дискурсе при репрезентации данных феноменов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронина, О.А. Основы гендерной теории и методологии. М.: МЦГИ — МВШСЭН, 2001. 416 с.
2. Денисова, А.А. Словарь гендерных терминов. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
3. Кирилина, А.В. Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании // Армия и общество. 2010. № 4. С. 110–114.
4. Литневская, Е.И. К вопросу о гендерной маркированности рекламы: отражение в рекламных текстах особенностей женской и мужской речи // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2006. № 3. С. 62–70.
5. Мамаева, В.Ю. Гендерные особенности поведения потребителей // Вестник ТГЭУ. 2012. № 3. С. 87–97.
6. Хрусталева, Т.Н. Репрезентация гендерных стереотипов в журнальной рекламе // Наука. Инновации. Технологии. 2007. № 48. С. 1–8.
7. Boroditsky, L., Schmidt, L.A., Phillips, W. Sex, Syntax, and Semantics // Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought. 2003. P. 61–79.

8. Thùne, E.-M., Bazzanella, C., Leonardi, S. Language and New Literacy: A Multilingual Analysis. Bloomsberry, 2006. P. 5–6.
9. Марговская, М.Г. Гендерные стереотипы массового сознания в период кризиса традиционного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013.
10. Butler, J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. Routledge, 1990. 172 p.
11. Bodine, A. Androcentrism in Prescriptive Grammar: Singular “They”, Sex-Indefinite “He”, and “He or She” // Language in Society. 1975. Vol. 4. No. 2. P. 129–146.
12. Официальный сайт бренда Zadig & Voltaire. URL: <https://zadig-et-voltaire.com/eu/en/c/this-is-us-fragrance-638> (дата обращения: 08.01.2022).
13. Официальный сайт бренда Gucci. URL: https://www.gucci.com/uk/en_gb/pr/beauty/fragrances/fragrances-for-women/gucci-memoire-dune-odeur-60ml-eau-de-parfum-p-58919099990099 (дата обращения: 27.12.2021).
14. Официальный сайт бренда Calvin Klein. URL: <https://www.calvinklein.co.uk/ck-everyone-50-ml-eau-de-toilette-9350033771mul> (дата обращения: 09.02.2022).
15. Официальный сайт бренда Tom Ford. URL: <https://www.tomford.co.uk/tom-ford-for-men/8806600102.html> (дата обращения: 20.12.2021).
16. Официальный сайт бренда Givenchy. URL: <https://www.givenchybeauty.com/us/p/gentleman-original-F10100020.html> (дата обращения: 22.12.2021).
17. Официальный сайт бренда Dior. URL: https://www.dior.com/en_gb/fragrance/womens-fragrance/jadore (дата обращения: 02.01.2022).
18. Официальный сайт бренда Lancome. URL: <https://www.lancome.co.uk/perfume/women-s-perfumes/idole/idole-1-intense/A01923-LAC.html> (дата обращения: 29.12.2021).
19. Официальный сайт магазина косметики и парфюмерии Sephora. URL: <https://www.sephora.com/product/gucci-rouge-a-levres-gothique-metallic-lipstick-P454991> (дата обращения: 12.02.2022).

REFERENCES

1. Voronina, O.A. *Osnovy gendernoi teorii i metodologii* [The Framework of Gender Theory and Methodology]. Moscow, Moskovskij centr gendernyh issledovanij — Moskovskaya vysshaya shkola socialnyh i ekonomicheskikh nauk, 2001, 416 p. (in Russ.)
2. Denisova, A.A. *Slovar gendernykh terminov* [Glossary of Gender Terms]. Moscow, Informatsiya XXI vek, 2002, 256 p. (in Russ.)
3. Kirilina, A.V. Lingvisticheskie gendernye issledovaniya kak proyavlenie smeny epistemy v gumanitarnom znanii [Linguistic Gender Studies as Manifestation of Epistemic Change in Human Science], *Armiya i obshchestvo* = Army and Society, 2010, No. 4, pp. 110–114. (in Russ.)
4. Litnevskaya, E.I. K voprosu o gendernoi markirovannosti reklamy: otrazhenie v reklamnykh tekstakh osobennosti zhenskoi i muzhskoi rechi [To the Issue of Gender Marking in Advertisement: Reflection of the Features of Female and Male Speech in Advertisement], *Vestnik Moskovskogo universiteta* = Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology, 2006, No. 3, pp. 62–70. (in Russ.)
5. Mamaeva, V.Yu. Gendernye osobennosti povedeniya potrebiteli [Gender Characteristics of Consumer Behavior], *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = Bulletin of the Pacific State University of Economics, 2012, No. 3, pp. 87–97. (in Russ.)
6. Khrustaleva, T.N. Reprezentaciya gendernyh stereotipov v zhurnalnoj reklame [Representation of Gender Stereotypes in Magazine Advertisement], *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* = Science, Innovations, Technologies, 2007, No. 48, pp. 1–8. (in Russ.)

7. Boroditsky, L., Schmidt, L.A., Phillips, W. Sex, syntax, and semantics, In: *Language in mind: Advances in the Study of Language and Thought*, 2003, pp. 61–79.
8. Thùne E.-M., Bazzanella, C., Leonardi, S. *Language and New Literacy: A Multilingual Analysis*, Bloomsberry, 2006, pp. 5–6.
9. Margovskaya, M.G. *Gendernye stereotipy massovogo soznaniya v period krizisa tradicionnogo obshchestva* [Gender Stereotypes in Mass Consciousness during the Crisis of Traditional Society]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philosophy). Moscow, 2013. (in Russ.)
10. Butler, J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. Routledge, 1990, 172 p.
11. Bodine, A. Androcentrism in Prescriptive Grammar: Singular “They”, Sex-Indefinite “He”, and “He or She”, *Language in Society*, 1975, vol. 4, No. 2, pp. 129–146.
12. *Oficialnyj sayt brenda Zadig & Voltaire* [Zadig & Voltaire Official Website]. Available at: <https://zadig-et-voltaire.com/eu/en/c/this-is-us-fragrance-638> (accessed: 08.01.2022).
13. *Oficialnyj sayt brenda Gucci* [Gucci Official Website]. Available at: https://www.gucci.com/uk/en_gb/pr/beauty/fragrances/fragrances-for-women/gucci-memoire-dune-odeur-60ml-eau-de-parfum-p-58919099990099 (accessed: 27.12.2021).
14. *Oficialnyj sayt brenda Calvin Klein* [Calvin Klein Official Website]. Available at: <https://www.calvinklein.co.uk/ck-everyone-50-ml-eau-de-toilette-9350033771mul> (accessed: 09.02.2022).
15. *Oficialnyj sayt brenda Tom Ford* [Tom Ford Official Website]. Available at: <https://www.tomford.co.uk/tom-ford-for-men/8806600102.html> (accessed: 20.12.2021).
16. *Oficialnyj sayt brenda Givenchy* [Givenchy Official Website]. Available at: <https://www.givenchybeauty.com/us/p/gentleman-original-F10100020.html> (accessed: 22.12.2021).
17. *Oficialnyj sayt brenda Dior* [Dior Official Website]. Available at: https://www.dior.com/en_gb/fragrance/womens-fragrance/jadore (accessed: 02.01.2022).
18. *Oficialnyj sayt brenda Lancome* [Lancome Official Website]. Available at: <https://www.lancome.co.uk/perfume/women-s-perfumes/idole/idole-l-intense/A01923-LAC.html> (accessed: 29.12.2021).
19. *Oficialnyj sayt magazina kosmetiki i parfyumerii Sephora* [Sephora Official Website]. Available at: <https://www.sephora.com/product/gucci-rouge-a-levres-gothique-metallic-lipstick-P454991> (accessed: 12.02.2022).

Сергеева Юлия Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра грамматики английского языка, Московский педагогический государственный университет, yum.sergeeva@mpgu.su

Yuliya M. Sergeeva, ScD in Philology, Associate Professor, Professor, English Grammar Department, Moscow Pedagogical State University, yum.sergeeva@mpgu.su

Ивасик Денис Александрович, аспирант, ассистент, кафедра грамматики английского языка, Московский педагогический государственный университет, vandom1998@mail.ru

Denis A. Ivasic, Postgraduate Student, Assistant, English Grammar Department, Moscow Pedagogical State University, vandom1998@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2022. Принята к публикации 25.05.2022

The paper was submitted 20.04.2022. Accepted for publication 25.05.2022

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ВОЗНИКШИХ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 (сопоставительный аспект)

Т.С. Ананьина, А.А. Тимофеева

Аннотация. В период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в различных лингвокультурах возникли новые лексические и фразеологические единицы, а также понятийные элементы новой реальности и социальных практик и привычек, обусловленные изменениями в укладе жизни людей практически по всему миру. В статье анализируются психолингвистические и семантические характеристики русских, французских, английских и немецких лексических и фразеологических единиц, возникших в период пандемии COVID-19, в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: психолингвистические характеристики, семантические характеристики, пандемия COVID-19, русский язык, французский язык, английский язык, немецкий язык, сопоставительный аспект.

Для цитирования: Ананьина Т.С., Тимофеева А.А. Психолингвистические и семантические характеристики русских и европейских лексических и фразеологических единиц, возникших в период пандемии COVID-19 (сопоставительный аспект) // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 396–412. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-396-412

396 PSYCHOLINGUISTIC AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF RUSSIAN AND EUROPEAN LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL UNITS EMERGED DURING THE COVID-19 PANDEMIC (Comparative Aspect)

T.S. Ananina, A.A. Timofeeva

Abstract. During the COVID-19 pandemic, new lexical and phraseological units have emerged in various linguistic cultures, as well as conceptual elements of a new reality and social practices and habits, due to changes in the way of life of people almost all over the world. The article analyzes the psycholinguistic and semantic characteristics of Russian, French, English and German lexical and phraseological units that emerged during the COVID-19 pandemic in a comparative aspect.

Keywords: psycholinguistic characteristics, semantic characteristics, COVID-19 pandemic, Russian, French, English, German, comparative aspect.

© Ананьина Т.С., Тимофеева А.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Cite as: Ananina T.S., Timofeeva A.A. Psycholinguistic and Semantic Characteristics of Russian and European Lexical and Phraseological Units Emerged During the COVID-19 Pandemic (Comparative Aspect). *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 396–412. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-396-412

Прежде всего, необходимо отметить, что язык как таковой является мощным средством коммуникативного и информативного воздействия, позволяющим не просто описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но и интерпретировать их, задавать нужное адресанту видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную или отрицательную оценку. Однако в рамках собственно языкознания механизмы языкового воздействия стали обсуждаться сравнительно недавно. Философское осмысление языковых явлений ёмко отражает утверждение французского философа М. Фуко о силе воздействия образного слова: «Язык точности» совершенно необходим для «господства посредством идеологии» [1].

В данной статье мы попытаемся в сопоставительном аспекте рассмотреть психолингвистические и семантические характеристики лексических единиц (далее — ЛЕ) и фразеологических единиц (далее — ФЕ), возникших в период пандемии COVID-19 в русском, французском, английском и немецком языках.

Специфика психолингвистического подхода к вышеуказанной проблеме состоит в объяснении феномена языкового воздействия. Так, человек определенным образом предрасположен к восприятию и пониманию социума. Такая предрасположенность обусловлена наличием социализирующих структур человеческого мозга.

В области лингвистической философии данный подход реализован, например, во взглядах исследователя В. фон Гумбольдта и ряда его последователей (неогумбольдтианцев), ярчайшим пред-

ставителем которых являлся Л. Вайсгербер, считавший, что язык в целом, со всей спецификой своей структуры, способен оказывать на человека определенное воздействие [2]. Проблеме языкового воздействия на человека в широком смысле посвящена и гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа.

Напомним, что пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 была официально объявлена ВОЗ 11 марта 2020 года. Ряд ее последствий, в частности, многомесячный карантин практически по всему миру, прекращение международного авиасообщения, закрытие культурно значимых социальных объектов, а также экономические, культурные и психологические потрясения и изменения стали настолько существенными, что оказали влияние и на речевые характеристики носителей европейских языков. В европейских языках возникли новые ЛЕ и ФЕ, появление которых сразу же привлекло внимание лингвистов с целью их комплексного рассмотрения как с точки зрения их самостоятельной семантики, так и с позиции психолингвистики в аспекте их создания и восприятия в сознании носителей.

Так, например, в 2021 году в Санкт-Петербурге специалистами Института лингвистических исследований Российской Академии Наук был опубликован «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [3], отражающий достаточно широкий пласт ЛЕ и ФЕ, содержащих в своей семантической структуре психолингвистический аспект языкового воздействия. Исследователь И.Г. Овчинникова, под *лексикографическим* значением подразумевает словарную дефиницию, а

под **психолингвистическим** — интерпретацию данных, добытых путем эксперимента, позволяющую определить смыслы, имеющие связь со словом в сознании носителей европейских языков [4, с. 256–280.]. Лингвист И.А. Стернин полагает, что значение, формулируемое в толковом словаре в результате применения принципа редуccionизма, следует называть лексикографическим, поясняя это тем, что оно сформулировано лексикографами непосредственно для представления слова в таких словарях. При этом ученый подчеркивает, что лексикографическое значение — это искусственный конструкт лексикографов, представляющий собой некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря в качестве словарной дефиниции [5, с. 57–63].

Языковая ситуация, возникающая в период пандемии COVID-19, является поистине уникальной в связи с тем, что невероятно быстро возрастает количественная интенсивность неологизации словарного состава исследуемых в статье языков. С самого начала пандемии новые ЛЕ и ФЕ стали практически ежедневно появляться на страницах электронных и печатных СМИ, а процесс неологизации европейских языков приобрел масштабы «массовой языковой игры» [3]. Следует отметить, что большинство современных исследований, посвященных неологизмам, рассматривают такие единицы в их соотношенности с языковой системой, реагирующей на появление новых реалий, предметов, явлений и фиксирующей соответствующие номинации в словарях. Однако роль носителей языка, их индивидуальное восприятие вновь появившейся ЛЕ или ФЕ практически не принимается во внимание, за исключением ряда упоминаний об «ощущении новизны»,

которое остается недостаточно определенным и весьма субъективным критерием. Существенный вклад в развитие современной неологии сделала именно психолингвистика, в рамках которой неологизмы рассматриваются в качестве ЛЕ, не встречавшихся ранее в индивидуальном речевом опыте носителей европейских языков [6, с. 75–101]. Так, новизна является, фактически, индивидуально субъективным критерием оценки новой ЛЕ или ФЕ, что проявляется на уровне личностного восприятия носителей европейских языков и оформляется в «ощущении новизны». Отметим, что ощущение как таковое является продуктом психической деятельности людей и не может существовать вне отдельного человека. Ощущения всегда индивидуальны и сугубо личностны, поэтому «новизна» существует только в сознании носителей европейских языков. На уровне социума или коллектива следует говорить о тенденции усвоения и использования ЛЕ и ФЕ, что по мнению исследователя Н.М. Шанского является «оттенком свежести и необычности» [7, с. 168].

ЛЕ и словосочетания *локдаун*, *дистанционное обучение*, *дистант*, *удалёнка*, *санитайзер* и проч. мгновенно приобрели статус частотных, а слово *lockdown* было признано британскими лексикографами «Словом года» [3].

Так, на протяжении 2020–2021 гг. новый языковой материал заимствовался в русский язык из других языков: из англ. яз., ср.: *лайт-вакцина* (от англ. *light* — легкий) — о вакцине против *коронавирусной инфекции*, имеющей краткосрочный эффект; *пандемиял* (от англ. *pandemial*) — о том, чье детство и юность пришлись на период пандемии *коронавирусной инфекции*; *твиндемия* (от англ. *twindemic*) — смесь *коронавируса* и гриппа; из нем. яз., ср.: *хамствертво* (от нем. *Hamsterkauf* —

«панический покупательский ажиотаж») — о покупательском ажиотаже на продукты первой необходимости в первые недели после объявления пандемии *коронавирусной инфекции*) [3].

ЛЕ создавались и создаются по узуальным и окказиональным моделям, и в общей сложности возникло около 3500 ЛЕ [там же] и словосочетаний, входящих в целостную лексико-семантическую систему, включающую слова различных частей речи: существительные (*вакцина* (шутл.) — об алкогольном напитке как о возможном средстве излечения от *коронавирусной инфекции*), прилагательные (*балконный* — происходящий, осуществляемый на балконах в период строго *карантина* — о пении, домашних концертах и т. п.), глаголы (*закарантинить* (разг.) — ввести *карантин*, обязать соблюдать *карантин*) [там же]. Такие ЛЕ-неологизмы шутливого характера свидетельствуют о тенденции носителей русского языка к минимизации стресса ввиду возникновения продолжительной кризисной ситуации. Отметим, что существует множество способов преодоления и компенсации последствий стресса, увеличения психологических ресурсов человека вследствие преодоления тревожных состояний. Одним из таких способов является применение юмора.

Разнообразна и стилистическая окраска ЛЕ, возникших в период пандемии в речи носителей русского языка, варьирующаяся от официальной до жаргонной. Ключевыми ЛЕ, связанными с тематикой пандемии, в речи носителей русского языка являются *ковид*, *коронавирус*. Прилагательные, образованные от них, — *ковидный*, *коронавирусный* — приобретают разветвленную систему узуальных значений (более 10), количественно превосходящую семантические структуры общеупотребительных слов той же

семантики [там же]. Таким образом, примерно говорить о замещении в речи носителей русского языка целого ряда общеупотребительных слов, связанных со значением «инфекционное заболевание», именно базовой ЛЕ *ковидный*, *коронавирусный* (вместо *гриппозный*, *заразный*, *инфицированный* и проч.).

В период пандемии рассматриваемые европейские языки столкнулись с явлением, фактически, «стихийного словотворчества» и «языковой интуиции» их носителей, что является, по сути, одним из механизмов преодоления последствий стрессовых ситуаций в массовом сознании.

Ввиду этого процесса в речи носителей, в частности, русского языка возникли индивидуально-авторские, окказиональные слова и выражения, например, ЛЕ: *коронавт* (шутл.), имеющая два основных значения, зафиксированных в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»: 1. о враче, о медицинском работнике; 2. о том, кто носит средства индивидуальной защиты; *каранте* (шутл.) — о карантине по *коронавирусной инфекции* как об искусстве поведения и о боевой стратегии (контаминация: *карантин* + *карате* (японское боевое искусство); *радиоковидствующий* (пренебр.) — о том, кто информирует в новостях о *коронавирусной инфекции*, обсуждает ее в теле- и радиопрограммах (в речи *ковид-диссидентов*, т.е. людей, отрицающих реальность пандемии); *удалёнец* — о человеке, работающем удалённо в связи с *карантином* по *коронавирусной инфекции*; *цифровирусный*: «*Цифро-вирусная лихорадка*» (Новости высоких технологий Чувашии, 15.06.2020) [там же].

Следует отметить, что в массовом сознании носителей русского языка возникли сомнения в существовании *коронавируса* и *пандемии* как таковой, что

отражено в возникновении таких ЛЕ, как **ковид-диссидент**, **коронанигилист**, **коронаскептик**, **макароновирус**, **фейковир** и т. п. [там же].

Ироничный оттенок имеют ЛЕ-новообразования, отражающие, подчас, скептическое и насмешливое отношение носителей русского языка к ограничениям, призванным остановить распространение **коронавируса**: **алкоизоляция** (об употреблении спиртных напитков как форме досуга и развлечения на **самоизоляции** в период пандемии), **самоарест** (о режиме **самоизоляции**); **шашлык** (о моде, о цепной реакции на пикники в период строгой **изоляции** в начале пандемии **коронавирусной инфекции**) [там же].

Распространение получили также аппозитивные сочетания, не имеющие аналогов в речи носителей других европейских языков: **автор-коронавирусник** (разг. шутл.), **стихи-карантинки** (разг. шутл.), **возовско-китайский**, **лавочно-масочный**, **масочно-безвоздушный**, **пандемийно-антиуристический**, **дистант-время**, **карантин-активность**, **Ковид Ковидыч** (разг. шутл. в функции имени собств.), **Ковидище Поганое** (разг. шутл. в функции имени собств.). Таким образом, констатируется преобладание ироничного отношения к **пандемии** в сознании носителей русского языка. Устойчивыми выражениями стали разговорные ФЕ **болеть ковидом**, **заразиться ковидом** [там же].

Словосочетание **красная зона** имеет аналоги и в речи носителей других рассматриваемых языков (с тем же значением). Данное словосочетание обозначает медицинские учреждения, сосредотачивающие в себе максимальную нагрузку по лечению и реабилитации пациентов с COVID-19. Цветовая лексика в речи носителей русского языка (имеет аналоги и в речи носителей других рассматриваемых языков) представлена также

колоронимом — **жёлтый** — характеризующийся средним уровнем распространения заболеваемости **коронавирусной инфекцией** (о стране или регионе), ср.: **жёлтая зона**. В противовес — словосочетание с положительной коннотацией: **чистая больница** — о стационаре, ведущем в период пандемии **коронавирусной инфекции** плановый прием и осуществляющем лечение пациентов с иными заболеваниями в штатном режиме (не имеет эквивалентов в речи носителей других рассматриваемых языков) [там же].

Согласно количественному подсчету новообразований в речи носителей русского языка, наименования **коронавирусной инфекции** представлены 135 ЛЕ, наименования **ковид-диссидентов** — более чем 50. Также в период пандемии возникло около 600 синонимов, семантически связанных с тематикой пандемии COVID-19 [там же]. Таким образом, русский язык оказывается наиболее продуктивным в образовании ЛЕ, обозначающих новые реалии периода пандемии COVID-19.

По данным «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» количественно значимые словообразовательные гнезда с начальными компонентами **корона(вирус)** включают 1105 ЛЕ, **ковид- (COVID-)** — 1074 ЛЕ (ср.: **COVID-активный** — о пациенте, больном **коронавирусной инфекцией**), **карантин** — 258 ЛЕ, **зум (Zoom)** — 226 ЛЕ (ср.: **обеззуметь** (разг. ирон.) — лишиться возможности общаться, учиться, работать при помощи платформы видеоконференций Zoom; остаться без видеосервиса Zoom; **зум-активность**; **ZOOM-бар**) [там же].

Отдельным аспектом, привлекающим внимание лингвистов, в связи с возникающими новообразованиями в речи носителей русского языка, являются фразеологические единицы (далее — ФЕ). По нашим сведениям, такие ФЕ являются

уникальными речевыми образованиями носителей русского языка и не имеют аналогов в речи носителей других рассматриваемых европейских языков. Так, вирусолог, академик Ф.И. Ершов в газете «Московский комсомолец» пишет о «ковидных» *антипословицах* следующее: «Народный фольклор и чувство юмора всегда помогали людям переживать даже самые тяжелые времена. Поэтому в период пандемии родилось много мемов, пословиц и анекдотов... Когда пандемия COVID-19 была в самом разгаре и было, на первый взгляд, не до шуток, юмор как вечный «спасательный круг» российского человека помогал людям жить» (30.08.2020).

В «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» отмечается несколько семантически интересных примеров ФЕ — *антипословиц, антипоговорок и антифраз*, свидетельствующих об ироничном отношении к пандемии, отраженном в языковом сознании носителей русского языка, строящихся на уже известных и зафиксированных в языке выражениях: *Вирус не воробей, вылетит — не поймашь; Незваный гость — хуже инфицированного; Вирус в бороду — пневмония в ребро; Обещанной вакцины три года ждут; А ВОЗ и ныне там; Любишь кататься — люби и масочки носить; Мал санитарзер, да дорог; Сдай, сверчок, свой мазок!; Бойся китайцев, дары приносящих* [там же]. Значимыми смысловыми компонентами в данных ФЕ являются ЛЕ, отражающие основные реалии пандемии COVID-19: *вирус, инфицированный, пневмония, вакцина, ВОЗ, масочки, санитарзер, мазок, китайцы*. Примечательным является употребление носителями русского языка уменьшительно-ласкательного суффикса *-очк-*, свидетельствующего, например, об ироничном отношении к маске как повсеместному и необходимому средству индивидуальной

защиты, а также устоявшихся лексических компонентов, что способствует звучности, запоминаемости и злободневности этих *антипословиц* и *антипоговорок*. Подчеркнем, что данный аспект заслуживает отдельного рассмотрения в рамках научной статьи.

С начала пандемии COVID-19 в речи носителей французского языка появилось значительное количество неологизмов, а уже существующие ЛЕ расширяют свою семантику — принимают либо новые значения, либо «обретают вторую жизнь», переходя из области узкоспециальной терминологии, в частности, медицинской, в общелитературный язык. Такие ЛЕ, зачастую, выступают наименованиями новых реалий и привычек, возникших во французском обществе в период пандемии. Следует отметить, что ряд ЛЕ, которые прежде, до периода *локдауна*, относились преимущественно к медицинской или же юридической терминологии, и были известны и понятны лишь узкому кругу специалистов данных областей, в период пандемии COVID-19 распространяются в повседневной речи и в СМИ, получая массовое употребление. Иными словами, данные ЛЕ приобретают статус неологизмов в общелитературном французском языке.

Исследователь Н.Н. Бузунов в статье «Новая лексика и факторы ее появления во французском языке в период пандемии Covid-19» рассматривает особенности функционирования в речи французов медицинского термина *confinement (m.)*. До пандемии COVID-19 рассматриваемая ЛЕ имела медицинское значение — «запрещение больному, инфицированному какой-либо болезнью, выходить из дома», а также юридическое — «заточение в одиночной камере». В период пандемии COVID-19 ЛЕ, фактически, «обрела новую жизнь» и широко распространилась

в повседневной речи и СМИ уже в новом значении — «режим самоизоляции, самоизоляция во избежание заражения коронавирусом». Кроме того, от терминологической ЛЕ **confinement (m.)** было образовано несколько неологизмов-derivатов: **déconfinement (m.)** — «выход из режима самоизоляции», **se déconfiner** — «выйти из режима самоизоляции», **reconfinement (m.)** — «повторный переход к режиму самоизоляции», **s'enconfiner** — «соблюдать режим самоизоляции» [8, с. 104; 9]. Данные единицы не имеют аналогов в речи носителей других рассматриваемых европейских языков.

«Вторую жизнь» в речи французов получили и медицинские терминологические ЛЕ **anosmie (f.)** — «частичная потеря обоняния», **asymptomatique** — «бессимптомный», **anxiogène** — «вызывающий тревогу», **comorbidité (f.)** — «наличие симптомов сразу нескольких заболеваний одновременно» [8, с. 104; 9].

В сознании французов укореняются следующие контекстуальные терминологические словосочетания: **patient zéro (m.)** — «первый человек, заразившийся коронавирусом» и заимствованный англицизм **contact tracing (m.)** — «поиск людей, с которыми контактировал **patient zéro** и выявление процента заразившихся» [8, с. 104; 9].

Следует также отметить, что для сознания французов характерен навязчивый, панический страх заболеть COVID-19, что поспособствовало появлению в их речи терминологической ЛЕ, обозначающей данное явление — **paranovirus (m.)** (*paranoïa*+*coronavirus*) — «параноидальная боязнь заболеть коронавирусом», а для номинации человека, подверженного данной разновидности психического расстройства, возник термин **hypoconfiniaque (m.)** (*hypocondriaque*+*confinement*). Обилие ложной информации в СМИ,

связанной с нагнетанием страха перед пандемией COVID-19, послужило причиной укоренения в сознании французов ЛЕ **infodémie (f.)** (*information*+*épidémie*) — «распространение ложной информации о COVID-19» [10]. Данная ЛЕ также употребляется и носителями русского, английского и немецкого языков.

Следует отметить, что в сознании французов формируются как ЛЕ, подчеркивающие фактическую информацию — суффиксальное образование **covidé** — «зараженный Covid-19» (по аналогии с уже существующим **grippé** — «зараженный вирусом гриппа»), но также и указывающие на недоверие к ограничительным мерам — префиксальное образование **antimasque (m.)** — «человек, протестующий против масочного режима» [8, с. 105; 11]. В сознании носителей русского языка укоренились аналогичные ЛЕ: **ковидный** (разг., зараженный коронавирусной инфекцией), **антимаскер** (о противнике ношения медицинских масок — заимств. из английского языка (*anti-masker*)) [3].

Также в речи французов возникло множество ЛЕ, образованных от общей основы **covid**, что также проявляется и у носителей других рассматриваемых европейских языков, в частности, русского; либо **corona-(virus)**: **covidiot (covid+idiot) (m.)** — «человек, пренебрегающий правилами самоизоляции, ковид-диссидент»; его дериват — **covidiotie (f.)** — «пренебрежение правилами самоизоляции»; **covidiome (m.)** — «слово или выражение, отражающее тематику пандемии»; **covidéprimer (covid+déprimer)** — «находиться в депрессии во время самоизоляции», **mélancovid (m.)** — «меланхолия, вызванная пребыванием в самоизоляции» [8, с. 105; 12]. Таким образом, можно говорить о возникновении в языковом сознании французов отдельного семантического

поля значений, объединенных общей семой **covid**.

Кроме того, в речи французов отмечается появление немалого количества примеров новообразований, иронично обыгрывающих новые реалии как в бытовой жизни, так и в рабочей сфере: **immobésité (f.)** (*immobilité+obésité*) — «ожирение вследствие малоподвижного образа жизни», **solidaritude (f.)** (*solidarité+solitude*) — «совместная поддержка друг друга во время самоизоляции», **se télésaluer** — «приветствовать друг друга в удаленном режиме (напр. при работе в Zoom)», **faire des télépauses** — «делать паузы во время дистанционной работы», **se télédéconnecter** — «отключаться по завершении работы в дистанте», **zoomposium (m.)** (*zoom+symposium*) — «совещание в Zoom» [8, с. 105; 11].

В период пандемии время отпуска приходится вынужденно проводить либо дома, либо недалеко от дома, в связи с чем в речи французов возникли ЛЕ **homezage (m.)** (от английского слова *home* (дом) и французского **bronzage (f.)** (*загар*)) — «принятие загара дома (или рядом с домом); ирон. «праздное времяпрепровождение дома». Интересен тот факт, что длительное совместное проживание супругов в домашней *изоляции* нередко приводит к разводу, что породило в языковом сознании французов ЛЕ с шутливым, ироничным оттенком — **covidivorce (m.)** (*covid+divorce*) [8, с. 105].

Ироничный оттенок в сознании французов приобретают ЛЕ, обозначающие мероприятия, сборища, предполагающие большое скопление людей, но проходящие с ограничениями в период пандемии COVID-19. Так, например, празднование дней рождения послужило причиной появления ЛЕ **coronanniversaire (m.)** (*coronavirus+anniversaire*). Также возникли ЛЕ, обозначающие «совместные

посиделки с алкоголем с друзьями в дистанционном режиме»: **whatsappéro (m.)**, **skypéro (m.)**, **coronapéro (m.)** (*whatsapp\skype\coronavirus+apéro*), **apéronavirus (m.)** (*apéro+coronavirus*) [9], где *apéro (m.)* — это ставшее уже расхожим сокращение от *apéritif (m.)* в значении «дружеские посиделки с алкоголем». В речи носителей русского языка аналогичную ситуацию отражают ЛЕ **вакцина** (об употреблении спиртных напитков в качестве возможного «лекарства» от коронавируса) и **алкоизоляция** (ирон. форма выражения «досуга» в период вынужденной самоизоляции, подразумевающего употребление спиртных напитков).

Ограничения на посещение кафе и ресторанов «обогатили» языковое сознание французов ЛЕ **quarantini (m.)** (*quarantaine+martini*) и **locktail (m.)** (*lockdown+cocktail*), обозначающими приготовленные в домашних условиях «мартини» и «коктейль» в период вынужденного локдауна [Ibidem]. Таким образом, происходит, фактически, метафоризация привычных значений.

Отдельного рассмотрения заслуживают словосочетания, заимствованные французским языковым сознанием из английского языка. Эти единицы коснулись и досуговой сферы молодежи (**cloud rave** — «диджейский сет, транслируемый онлайн», **lockdown parties** — «вечеринки, которые организуются онлайн (например, в социальных сетях)»), и рабочей/учебной деятельности (**zoombombing (n.)** — «вмешательство, вторжение постороннего лица в Zoom-конференцию (на рабочее совещание или на занятие в Zoom)). В речи носителей многих европейских языков появляется терминологическая ЛЕ **clapping (n.)**, обозначающая общественное явление, предполагающее массовый вечерний выход людей на балконы и аплодирование врачам за их тяжелый труд [13] — заимств.

из английского языка. Кроме того, в речи французов укоренилась ЛЕ-англицизм **superspreader (m.)** (досл. «суперраспространитель») — «человек, заразивший коронавирусом очень большое количество людей» в связи с возрастающим количеством заболевших COVID-19 [9]. Носители русского языка также переняли эту ЛЕ в переводном варианте — «суперраспространитель». В языковом сознании немцев рассматриваемая ЛЕ упрочилась без изменений в качестве прямого заимствования из английского языка.

В статье «Эволюция концептуальных метафор с областью-мишенью “Coronavirus/Pandemic” в современном английском языке (на материале колонки главного редактора британской газеты “The Guardian”)» исследователи М.А. Кузина, Т.В. Буденко, И.Н. Зиновьева и С.Ю. Степанова рассматривают пандемию COVID-19 в качестве экстралингвистической ситуации-катализатора [3, с. 60]. Так, в речи носителей английского языка в период пандемии укоренились оригинальные метафоры в то время, как некоторые уже существующие получили «вторую жизнь». Отдельного рассмотрения заслуживают возникшие в среде носителей английского языка неологизмы с корнями **corona(virus) (m.)**, **iso(lation) (f.)**, **quarant(in)e (m.)**, а также особенности расширения валентности ряда существующих ЛЕ, ср. словосочетания: **isolation hotel** — «отель, предназначенный для соблюдения режима обязательной самоизоляции», **isolation cooking** — «процесс приготовления пищи в период соблюдения режима самоизоляции», **Trump flu** — «грипп Трампа» (ирон. представление коронавируса), **Wuhan Clan** — «Уханьский клан» (ирон. намек на лабораторное происхождение коронавируса), **lockdown neighbours** — «соседи, с которыми человек видится чаще ввиду всеобщей

самоизоляции в период локдауна», **quarantine shaming** — «общественное порицание за несоблюдение карантина» [14; 15].

Лексикографы **Oxford Languages** проанализировали более 11 миллиардов ЛЕ, возникших в речи носителей английского языка, в результате чего был образован приблизительный перечень слов, связанных с коронавирусом [16].

Приблизительный корпус ЛЕ, возникших в речи носителей английского языка в период пандемии COVID-19, можно разделить на следующие подгруппы:

1. **coronavirus, COVID-19** и слова, производные от них;
2. **pandemic and other demics** (слова, связанные с пандемией COVID-19 и оканчивающиеся на дериват **-demics**);
3. **social distancing, lockdown, and other measures** (социальная дистанция, изоляция и другие меры);
4. **masks and coverings** (маски);
5. **epidemiological terms** (эпидемиологические термины);
6. **on the frontline** (на передовой) [Ibidem].

К первой подгруппе относятся следующие ЛЕ: **corona, rona** (разг. сокр.), **pre-Covid (m.)** — «доковидный» (о периоде времени), **post-covid (m.)** — «постковидный» (о периоде времени), **pre-coronavirus (m.)** — «докоронавирусный» (о периоде времени), **post-coronavirus (m.)** — «посткоронавирусный» (о периоде времени) (синонимы, заимств. в русский и немецкий языки), **BC (humorous “before Covid”)** — ирон. «до ковида» (по аналогии с «до нашей эры»), **covidiot (m.)** — «ковидиот», также во французском языке — «тот, кто игнорирует пандемию и ограничения, препятствующие распространению коронавирусной инфекции», **coronials** — букв. «корониалы» — «те, кто родился в период пандемии; тот, чье

детство пришлось на период пандемии» (по аналогии с «миллениалы» — терм. ЛЕ, возникшей в теории поколений) [16].

Ко второй подгруппе можно отнести ЛЕ: **infodemic (f.)** — «инфодемия», т.е. намеренное нагнетание ажиотажа вокруг пандемии, преувеличение, упоминание ложных сведений о ней в СМИ», (также в русском и французском языках), **plandemic (f.)** — «пландемия», т.е. запланированная пандемия» (в речи «ковид-диссидентов»), **twindemic** — «одновременное течение двух пандемий (коронавируса и гриппа)» [Ibidem].

Третья подгруппа содержит ЛЕ и словосочетания: **social distancing** — «социальное дистанцирование» (заимств. в немецкий язык), **physical distancing** — «физическое дистанцирование» (синонимы), **lockdown (m.)** — «локдаун, вынужденный режим самоизоляции», **shelter-in-place** — «самоизоляция, карантин», **stay-at-home** — букв. «домашний режим», **reopening (n.)** — «возобновление работы учреждений и магазинов после окончания локдауна», **easing (n.)** — «смягчение ограничений, препятствующих распространению коронавируса», **handwashing (n.)** — «мытьё рук», **deep cleaning** — «дезинфекция» [Ibidem].

В четвертую подгруппу входят ЛЕ и словосочетания: **face mask** — «лицевая маска», **face covering** — «лицевая маска», **face shield** — «защитная маска» (синонимы), **maskless (m.)** — «о том, кто не носит маску», **unmasked (m.)** — «о том, кто не носит маску» (синонимы), **mask-up** — букв. «поднять маску», **anti-mask (m.)** — букв. «антимаска» — о противниках ношения медицинских масок», **anti-masker (m.)** — «антимаскер» — о противниках ношения медицинских масок» (синонимы), **mask-shaming (n.)** [Ibidem]. ЛЕ **mask-shaming** имеет два противоположных значения:

1. порицание тех, кто не носит маски;
2. порицание тех, кто носит маски.

Носителями русского языка была заимствована ЛЕ **антимаскер**, а для наименования противоположного значения в речи возникло слово **замасочник** (в речи ковид-диссидентов).

К пятой подгруппе относятся ЛЕ и словосочетания: **armchair epidemiologists** — букв. «диванные эпидемиологи» — простые обыватели, рассуждающие о пандемии», **flatten the curve** — букв. «сгладить кривую» — представить сниженную статистику заболеваемости коронавирусом», **superspreader events** — «случаи массового заражения «суперраспространителем», **superspreader (m.)** [Ibidem] — букв. «суперраспространитель», заимств. в исходном виде носителями французского языка, а также русского — в переводе).

К шестой подгруппе можно отнести ЛЕ и словосочетания: **PPE (personal protective equipment)** — «средства индивидуальной защиты»; в речи носителей русского языка — **средства индивидуальной защиты**), **key workers** — «специалисты, востребованные в период пандемии», **essential workers, frontline workers** (синонимы), **anti-vaxxer (m.)** — «о противнике обязательной вакцинации» [Ibidem] (заимств. в исходном виде носителями русского языка — **антиваксер**).

Лексикографы словаря **Merriam-Webster** составили собственный список ЛЕ и словосочетаний-новообразований, возникших в речи носителей английского языка в период пандемии COVID-19. Данные единицы можно объединить в следующие семантические группы:

1. Повседневная жизнь, межличностные отношения (49%); например, **Blursday (m.) (n)** — «день недели, неотличимый от любого другого» (в период самоизоляции) [17]. Подобная ЛЕ-новообразование

возникла и в речи французов — **lundimanche (m.)** — «один, одинаковый, повторяющийся день, в который превратились все дни недели вовремя локдауна». **Self-quarantine (m.)** — «период самоизоляции для предотвращения распространения болезни». **Quarantrends** — «занятия, распространенные у людей на карантине» [Ibidem].

2. Наука и медицина (21%); например, **superspreader (m.)** (n) — «человек, инфицированный (патогенным) микроорганизмом, передающий его необычайно большому количеству других людей» [Ibidem]. ЛЕ была заимствована французами и носителями немецкого языка без изменений, а также носителями русского языка в переводном варианте — **суперпространитель**.

3. Образование, работа, технологии (17%); **In-person** — «лично». **Frontliner (m.)** — «специалист, востребованный в период пандемии». **Zoombombing (n.)** (n) — «практика проникновения во время видеоконференций в приложении Zoom и публикации насильственного, порнографического или оскорбительного контента» [Ibidem].

4. Взгляды и убеждения людей (10%); например, **anti-masker (m.)** — «человек, выступающий против ношения масок» [Ibidem]; заимств. носителями русского языка без изменений — **антимаскер; корона-убер** — «люди, не принимающие коронавирус всерьез, выходящие на улицы и распространяющие инфекцию» [Ibidem]. В речи носителей русского языка упрочилось понятие **ковид-диссидент**, т. е. «лицо, отрицающее существование пандемии COVID-19».

5. Искусство и массовая культура (3%). Например, **coronacellations** — «отмена любых спортивных соревнований, театральных представлений в период локдауна» [Ibidem].

Пандемия COVID-19 достаточно радикально меняет мир, порождая в речи носителей рассматриваемых европейских языков новые ЛЕ, назначение которых — номинация связанных с ней новых явлений и понятий. Известный германист Л.А. Нефедова в статье «О дискурсивной маркированности «коронной» лексики в современном немецком языке» пишет, что «особенность такой лексики — ее дискурсивная маркированность, функционирование в качестве маркеров дискурса *коронавирусной пандемии*» [18].

Так, сотрудники Института немецкого языка в Мангейме (IDS Mannheim) составили словарь новой лексики, отражающей современную аномальную *коронавиртуальную реальность* как в публичном, так и в разговорном дискурсе. ЛЕ, возникшие в речи носителей немецкого языка в период пандемии COVID-19, достаточно необычны и в плане выражения, и в плане содержания. В денотативном значении ЛЕ присутствует сема, указывающая на их принадлежность к периоду пандемии COVID-19, например: **Nacktnase (m.)** — досл. «голый нос» как обозначение человека, который носит во время пандемии коронавируса маску, закрывая только рот». Данная ЛЕ возникла в речи носителей немецкого языка, но отсутствует в сознании носителей русского, французского и английского языков. Глагольная ЛЕ **zoomen** — «зумиться» (данная единица появилась и в речи носителей русского языка в адаптированном виде) имеет значение «общаться и работать с программным обеспечением для видеоконференций Zoom». Рассматриваемая ЛЕ возникла в речи носителей рассматриваемых европейских языков по причине широкого распространения видеоконференцсвязи в период режима *социальной дистанции* [5].

В период пандемии COVID-19, охватившей временной промежуток двух лет

(2020–2021 гг.), в речи носителей рассматриваемых европейских языков возникло огромное количество новых ЛЕ и словосочетаний, необходимых для обозначения изменившихся реалий современного мира. Основное влияние на формирование новой лексики и понятий в повседневной речи оказал период *локдауна* и *социальной дистанции*, получивший наименование, так называемой, «*новой нормальности*».

Л.А. Нефедова в статье «Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг.» указывает, что носители немецкого языка характеризуют означенный период *годами пандемии* (нем. *Pandemiejahre*) [20, с. 152].

Пандемия COVID-19 достаточно радикально меняет мир, порождая новые ЛЕ, назначение которых — номинация связанных с ней новых явлений и понятий. Известный германист Л.А. Нефедова в статье «О дискурсивной маркированности «коронной» лексики в современном немецком языке» пишет, что «особенность такой лексики — ее дискурсивная маркированность, функционирование в качестве маркеров дискурса *коронавирусной пандемии*» [18].

Так, сотрудники Института немецкого языка в Мангейме (IDS Mannheim) составили словарь новой лексики, отражающей современную аномальную *коронавирусную реальность* как в публичном, так и в разговорном дискурсе. ЛЕ, возникшие в немецком языке в период пандемии COVID-19, достаточно необычны и в плане выражения, и в плане содержания. В денотативном значении ЛЕ присутствует сема, указывающая на их принадлежность к периоду пандемии COVID-19, например: *nacktnase (m.)* — *досл. «голый нос» как обозначение человека, который носит во время пандемии коронавируса маску, закрывая только рот*. Данная ЛЕ возникла в немецком

языке, но отсутствует в русском, французском и английском. Глагольная ЛЕ *zoomen* — «*зумиться*» (данная единица появилась и в русском языке в адаптированном виде) имеет значение «*общаться и работать с программным обеспечением для видеоконференций Zoom*». Рассматриваемая ЛЕ возникла в европейских языках по причине широкого распространения видеоконференцсвязи в период режима *социальной дистанции* [19].

В период пандемии COVID-19, охватившей период двух лет (2020–2021 гг.), возникло огромное количество новых ЛЕ и словосочетаний, необходимых для обозначения изменившихся реалий современного мира. Основное влияние на формирование новой лексики оказал период *локдауна* и *социальной дистанции*, получивший наименование так называемой «*новой нормальности*».

Л.А. Нефедова в статье «Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг.» указывает, что в немецкой лингвокультуре означенный период называют *годами пандемии* (нем. *pandemiejahre*) [20, с. 152].

Немецкие исследователи также составили электронный словарь неологизмов *owid.de*, в котором зафиксированы новые ЛЕ, возникшие в речи носителей немецкого языка в период пандемии COVID-19 — «*Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*» [18]. Так, носители немецкого языка заимствовали целый ряд англицизмов, однако процент прямых заимствований в словаре неологизмов *owid.de* не столь высок и составляет лишь 7% от общего количества рассматриваемого лексического пласта (85 слов и 19 словосочетаний из 1458). Носителями немецкого языка были заимствованы следующие ЛЕ-англицизмы: *Breakoutroom (f.)* — «*комната отдыха*», *Homeworking (f.)* — «*работа на дому*», *Home-Work-out* —

«домашняя тренировка», **Onlineparty (f.)** — «онлайн-вечеринка», **Open-Air-Party (f.)** — «вечеринка на открытом воздухе», **overzoomed (m.)** — «человек, переработавший в Zoom», **Superspreader (m.)** — «суперраспространитель», **Smart-office (m.)** — «умный» офис», **Watchparty (f.)** — «вечеринка, проводимая с соблюдением ограничений, введенных в период пандемии коронавируса» [21].

Интерес для рассмотрения представляют ЛЕ, возникшие в речи носителей немецкого языка с целью номинации правил поведения, препятствующих распространению коронавирусной инфекции посредством чихания и кашля: **Niesetikette (m.)** досл. — «чихэтикет» (языковая игра), **Hustenetikette (m.)** — досл. — «кашель-этикет». ЛЕ **HustNies-Etikette (m.)** и **Hust-und-Nies-Etikette (m.)** предписывают чихать и кашлять так, чтобы не распространять коронавирусную инфекцию [20, с. 158].

Для носителей немецкого языка также характерно ироничное представление некоторых реалий периода пандемии COVID-19, что сближает их с носителями русского и французского языков: *маска*, которую носят на подбородке — **Kinnwärmer (m.)** — букв. «обогреватель для подбородка», шутивное обозначение самодельной маски — **Gesichtskondom (m.)** — букв. «лицевой презерватив»; нейтральное обозначение того же явления — **Communitymaske (f.)**, уничижительное — **Coronalappen (f.)** — букв. «коронавирусная тряпка», **Maulkorb (f.)** — «намордник» (в речи ковид-диссидентов), «необычная маска (с принтами, рисунками, дизайном)» — **Mask-have (f.)** [там же, с. 159].

Следует отметить, что носители немецкого языка в период пандемии COVID-19 посредством метафоризации стали создавать ЛЕ, отражающие подчеркнuto ироничное, высмеивающее

отношение к ограничительным мерам, например: **Seuchensheriff (m.)** — «политик, обвиняемый в принятии преувеличенных мер по сдерживанию и контролю пандемии COVID-19»; **Hygieneritter (m.)** — «человек, особенно тщательно соблюдающий правила гигиены во время пандемии COVID-19»; **Nacktnase (m.)** — досл. «голоносый», т. е. человек, носящий маску, закрывая только рот»; **Balkonklatscher (m.)** (пренебр.) — «тот, кто выражает солидарность или признательность другим людям, работающим на открытой площадке здания, хлопая в ладоши»; **Klopapierhamster (m.)** — «тот, кто делает огромные запасы туалетной бумаги в период локдауна» [там же].

Так, в речи носителей немецкого языка укореняются слова, нашедшие отражение и в сознании носителей русского и французского языков, например: **Panikdemie (f.)** — «паникдемия», **Covidiot (m.)** — «ковидиот», **Coronoia (m.)** — «коронойя» [там же].

В период пандемии COVID-19 в речи носителей немецкого языка возникли и новые ФЕ, представляющие собой атрибутивные словосочетания с определяющим компонентом **Corona: Jahrgang Corona, Generation Corona** — «поколение выпускников учебных заведений во время пандемии коронавируса» (**Coronageneration**), **Zeugen Coronas** — «свидетели коронавируса» (в речи ковид-диссидентов) [там же, с. 160].

ФЕ-цветообозначения существуют и в речи носителей немецкого и русского языков. Так, ФЕ с ЛЕ **Zone (f.)** (зона) сочетаются с устоявшимися колоронимами, обозначениями цветов светофора (зеленый = безопасный, красный = опасный): **grüne Zone** — «район с низким уровнем инфицирования» (в русском языке — *зелёная зона*), **gelbe Zone** — «район со средним уровнем инфицирования» (русск. *жёлтая зона*), **rote Zone** — «район с

высоким уровнем эпидемиологической угрозы, с высоким риском заражения» (русск. **красная зона** — также «ковидный госпиталь, несущий максимальную нагрузку по лечению и реабилитации больных коронавирусом»); **Grüner Pass** — «зеленый паспорт» — (электронный) паспорт, подтверждающий вакцинацию от COVID-19; **schwarze Stufe** — «черная ступень» — «момент в процессе массового заражения COVID-19, когда пороговое значение новых инфекций на 100 000 жителей в одном регионе составляет более 200 чел.»; **blaue Reise** — «голубой круиз» — круиз без выхода на берег в период пандемии COVID-19» [там же].

Таким образом, в период пандемии COVID-19 носители европейских языков, в частности, носители русского, французского, английского и немецкого языков небывалым образом пополнили свою речь новыми ЛЕ, а термины, ранее известные

лишь узкому кругу специалистов в области медицины, получают широкое распространение и в СМИ, при этом приобретая новые актуальные значения. Следует отметить, что сознание носителей русского языка отличается наибольшей восприимчивостью и продуктивностью в отношении ЛЕ-новообразований ироничного, шуточного характера в сравнении с языковой картиной мира французов и англоговорящих. Носители немецкого языка также включили в свою речь ЛЕ и словосочетания с ироничным оттенком.

Причинами появления огромного количества неологизмов в речи носителей рассматриваемых языков являются как необходимость номинации новых явлений и практик, с которыми приходится иметь дело в различных сферах жизни, так и потребность несколько смягчить, юмористически обыграть тяжелый характер кризисной ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко, М. Археология знания. М., 1996. 213 с.
2. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. 229 с.
3. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Х. Вальтер, Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, С.Д. Левина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
4. Овчинникова, И.Г. Диалог субкультур (концепты деньги и бизнес в сознании молодых россиян) // Я и другой в пространстве текста. Пермь-Люблина, 2009. № 2. С. 256–280.
5. Стернин, И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2010. С. 57–63.
6. Тогоева, С.И. Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. Тверь, 1999. С. 75–101.
7. Шанский М.Н. Лексикология современного русского языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 304 с.
8. Бузунов, Н.Н. Новая лексика и факторы ее появления во французском языке в период пандемии Covid-19 // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака. Сборник статей по итогам VI международной конференции. М., 2021. С. 103–107.
9. Tour d'horizon. Skypéro, positivité, présentiel... Les mots du(re)confinement. URL: <https://www.lecourriercauchois.fr/actualite-266265-tour-dhorizon-skypero-positivite-presentiel-les-mots-du-re-confinement> (дата обращения: 25.12.2021).

10. Les nouveaux mots nés pendant le confinement. URL: <https://www.consoglobe.com/nouveaux-mots-confinement-cg> (дата обращения: 25.12.2021).
11. Le Dicovid: un outil pour déchiffrer le vocabulaire de la pandémie. URL: <https://www.dicopathe.com/le-dicovid-un-outil-pour-dechiffrer-levocabulaire-de-lapandemie/> (дата обращения: 25.12.2021).
12. Les maux et les mots de la (du?) COVID-19. URL: <https://l-express.ca/lesmaux-et-les-mots-de-la-du-covid-19/> (дата обращения: 25.12.2021).
13. Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie. URL: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (дата обращения: 25.12.2021).
14. Кузина, М.А. Эволюция концептуальных метафор с областью-мишенью “Coronavirus/Pademic” в современном английском языке (на материале колонки главного редактора британской газеты “The Guardian”) / М.А. Кузина, Т.В. Бутенко, И.Н. Зиновьева, С.Ю. Степанова // Казанская наука. 2020. № 6. С. 60–62.
15. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/> (дата обращения: 25.12.2021).
16. Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (дата обращения: 05.01.2022).
17. Lundimanche, apérué, coronabdos... les nouveaux mots du confinement. URL: https://www.lemonde.fr/mperso/article/2020/04/27/lundimanche-aperue-coronabdos-les-nouveaux-mots-duconfinement_6037915_4497916.html (дата обращения: 25.12.2021).
18. Нефедова, Л.А. О дискурсивной маркированности «коронной» лексики в современном немецком языке // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: социокультурный контекст и динамика речевых практик. Тезисы докладов II Международной конференции. М.: МГЛУ, 2021. С. 95–96.
19. Нефедова, Л.А., Поляков, О.Г. Заимствованные устойчивые словосочетания из английского языка: прямые заимствования или кальки? (на материале современного немецкого и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–2 (46). С. 139–143.
20. Нефедова, Л.А. Активные процессы в лексике немецкого языка 2020–2021 гг. // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 3. С. 151–166.
21. Meriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriamwebster.com/> (дата обращения: 05.01.2022).

REFERENCES

1. Foucault, M. *Arheologiya znaniya* [L'Archéologie du Savoir]. Moscow, 1996, 213 p. (in Russ.)
2. Vajsgerber, J.L. *Rodnoj yazyk i formirovanie duha* [Native Language and the Formation of the Spirit]. Moscow, 1993, 229 p. (in Russ.)
3. *Slovar russkogo yazyka koronavirusnoj epohi* [Dictionary of the Russian Language of the Coronavirus Era], comp. H. Valter, E.S. Gromenko, A.Yu. Kozhevnikov, N.V. Kozlovskaya, N.A. Kozulina, S.D. Levina, V.M. Mokienko, A.S. Pavlova, M.N. Priemysheva, Yu.S. Rideckaya. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovanij Rossijskoj akademii nauk, 2021, 550 p. (in Russ.)
4. Ovchinnikova, I.G. Dialog subkultur (koncepty dengi i biznes v soznanii molodyh rossiyan) [Dialogue of Subcultures (The Concepts of Money and Business in the Minds of Young Russians)]. Perm-Lyublyana, 2009. No. 2, pp. 256–280. (in Russ.)

5. Sternin, I.A. K razrabotke psiholingvističeskogo tolkovogo slovary [On the development of a psycholinguistic explanatory dictionary]. In: *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of psycholinguistics]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, 2010, pp. 57–63. (in Russ.)
6. Togoeva, S.I. Novoe slovo: podhody i problemy [New word: approaches and problems]. In: *Psiholingvističeskie problemy funkcionirovaniya slova v leksikone čeloveka* [Psycholinguistic Problems of the Functioning of the Word in the Human Lexicon]. Tver, 1999, pp. 75–101. (in Russ.)
7. Shanskij, M.N. Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka [Lexicology of the Contemporary Russian Language]. M.: Izdatelstvo LKI, 2007. 304 p. (in Russ.)
8. Buzunov, N.N. *Novaya leksika i faktory ee pojavleniya vo francuzskom yazyke v period pandemii Covid-19* [New Vocabulary and Factors of Its Appearance in the French Language During the Covid-19 Pandemic]. In: *Yazyk i dejstvitel'nost. Nauchnye čteniya na kafedre romanskih yazykov im. V.G. Gaka* [Language and Reality. Scientific Readings at the Department of Romance Languages named after V.G. Gak]: Collection of Articles on the Results of the VI International Conference. Moscow, 2021, pp. 103–107. (in Russ.)
9. *Tour d'horizon. Skypéro, positivité, présentiel... Les mots du(re)confinement*. Available at: <https://www.lecourriercauchois.fr/actualite-266265-tour-dhorizon-skypero-positivite-presentiel-les-mots-du-re-confinement> (accessed: 25.12.2021).
10. *Les nouveaux mots nés pendant le confinement*. Available at: <https://www.consoglobe.com/nouveaux-mots-confinement-cg> (accessed: 25.12.2021).
11. *Le Dicovid: un outil pour déchiffrer le vocabulaire de la pandémie*. Available at: <https://www.dicopathe.com/le-dicovid-un-outil-pour-dechiffrer-levocabulaire-de-lapandemie/> (accessed: 25.12.2021).
12. *Les maux et les mots de la (du?) COVID-19*. Available at: <https://l-express.ca/lesmaux-et-les-mots-de-la-du-covid-19/> (accessed: 25.12.2021).
13. *Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*. Available at: <https://www.owid.de/docs/neo/listen/corona.jsp> (accessed: 25.12.2021).
14. Kuzina, M.A., Butenko, T.V., Zinoveva, I.N., Stepanova, S.Yu. Evolyuciya konceptualnyh metafor s oblasti-mishenyu “Coronavirus/Pademic” v sovremennom anglijskom yazyke (na materiale kolonki glavnogo redaktora britanskoj gazety “The Guardian”) [Evolution of Conceptual Metaphors with the Target Area “Coronavirus/Pademic” in Modern English (Based on the Column of the Editor-in-Chief of the British Newspaper “The Guardian”)], *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2020, No. 6, pp. 60–62. (in Russ.)
15. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/> (accessed: 25.12.2021).
16. *Oxford Languages*. Available at: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2020/> (accessed: 05.01.2022).
17. *Lundimanche, apérué, coronabdos... les nouveaux mots du confinement*. Available at: https://www.lemonde.fr/mperso/article/2020/04/27/lundimanche-aperue-coronabdos-les-nouveaux-mots-duconfinement_6037915_4497916.html (accessed: 25.12.2021).
18. Nefedova, L.A. O diskursivnoj markirovannosti “koronnoj” leksiki v sovremennom nemeckom yazyke [On the Discursive Labeling of the “Crown” Vocabulary in the Modern German Language]. In: *Lingvokulturnye aspekty globalizacionnyh processov: sociokulturnyj kontekst i dinamika rečevyh praktik* [Linguocultural Aspects of Globalization Processes: Sociocultural Context and Dynamics of Speech Practices: Abstracts of the II International Conference]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj lingvističeskij universitet, 2021, pp. 95–96. (in Russ.)

19. Nefedova, L.A., Polyakov, O.G. Zaimstvovannye ustojchivye slovosochetaniya iz anglijskogo yazyka: pryamye zaimstvovaniya ili kalki? (na materiale sovremennogo nemeckogo i russkogo yazykov) [Borrowed Stable Phrases from the English Language: Direct Borrowings or Tracing Paper? (Based on the Material of Modern German and Russian Languages)], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 2015, No. 4–2 (46), pp. 139–143. (in Russ.)
20. Nefedova, L.A. Aktivnye processy v leksike nemeckogo yazyka 2020–2021 gg. [Active Processes in the Vocabulary of the German language 2020–2021], *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk* = Crede Experto: Transport, Society, Education, Language, 2021, No. 3, pp. 151–166. (in Russ.)
21. *Meriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriamwebster.com/> (accessed: 05.01.2022).

Ананьина Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, ts.ananina@mpgu.su

Tatyana S. Ananina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University, ts.ananina@mpgu.su

Тимофеева Анастасия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра контрастивной лингвистики, Московский педагогический государственный университет, aa.timofeeva@mpgu.su

Anastasiya A. Timofeeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Contrastive Linguistics, Moscow Pedagogical State University, aa.timofeeva@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 25.02.2022. Принята к публикации 24.06.2022

The paper was submitted 25.02.2022. Accepted for publication 24.06.2022

СЛОВА-ЧЕМОДАНЫ КАК ПРОДУКТИВНЫЙ СПОСОБ
ОБРАЗОВАНИЯ «КОРОНЕОЛОГИЗМОВ»

О.А. Гливенкова, Е.В. Евенко, О.Н. Морозова

Аннотация. Работа посвящена вопросу выявления слов-чемоданов ковидной лексики английского языка. В статье рассмотрена типология новых слов, пополнивших словари и онлайн-коммуникацию эпохи коронавируса. Проведена систематизация слов-чемоданов, определивших тенденции словообразования периода коронавирусной пандемии. Представлена классификация новых слов английского языка, репрезентирующих сложившуюся в эпоху коронавируса ситуацию в мире политики, экономики и сетевой коммуникации; показаны семантическая изобретательность и терминологическое изобилие, которые обусловлены прагматическими интенциями носителей языка.

Ключевые слова: коронеологизмы, слова-чемоданы, языковая игра, лексикон, жаргон социальных сетей.

Для цитирования: Гливенкова О.А., Евенко Е.В., Морозова О.Н. Слова-чемоданы как продуктивный способ образования «коронеологизмов» // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 413–421. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-413-421

PORTMANTEAU AS A PRODUCTIVE WAY OF FORMING
“CORONEOLOGISMS”

О.А. Krivenkova, E.V. Evenko, O.N. Morozova

Abstract. The article deals with the issue of identifying covidic vocabulary words in the English language. The article examines the typology of new words that have been added to dictionaries and online communication in the period of the coronavirus. A systematization of portmanteau, which determined the trends of word formation in the period of the coronavirus pandemic, was carried out. The classification of new English words, which represent the situation in the world of politics, economics and online communication in the period of coronavirus is presented; semantic resourcefulness and terminological abundance, which are conditioned by pragmatic intensions of native speakers, are shown.

Keywords: coroneologisms, portmanteau, language game, lexicon, jargon of social networks.

Cite as: Krivenkova O.A., Evenko E.V., Morozova O.N. Portmanteau as a Productive Way of Forming “Coroneologisms”. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2022, No. 3, part 2, pp. 413–421. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-413-421

© Кривенкова О.А., Евенко Е.В., Морозова О.Н., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

В настоящее время, чрезвычайное положение, вызванное пандемией коронавируса, создало почву для создания новых слов, которые стали частью повседневного использования их людьми во всем мире. Новая пандемия продиктовала свои условия, заставляя людей адаптироваться к новой ситуации, используя определенные термины, которые позволяют им осмыслить перемены, внезапно ставшие частью нашей повседневной жизни. Появилось огромное количество словарей, в которых перечислены неологизмы эпохи коронавируса, что и дает повод для интересных филологических изысканий.

Язык как любой живой организм подвержен изменениям, развитию и эволюции. Динамическая природа языков позволяет им справляться с потрясениями, событиями и непредвиденными обстоятельствами.

Инновации, вызванные социальными и политическими событиями, типичны для любого времени, особенно во время войны, стихийных бедствий и т. д. Однако случай с COVID-19 заметно отличается тем, что он имеет глобальное распространение. В результате пандемии 213 стран серьезно пострадали от разрушительного воздействия опасного и очень заразного вируса.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, официально объявленная Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 года, и ее последствия (длительный карантин почти во всех странах мира, прекращение международного авиасообщения, закрытие театров, библиотек, музеев, стадионов, всех социальных объектов, а также социальные, экономические, культурные, психологические потрясения) оказались настолько шокирующими для общества, что русский язык (как и другие языки мира) мгновенно отреагировал на эти

изменения, создав за несколько месяцев 2020 года такой массив новаций, который в количественном отношении можно сравнить, пожалуй, с языковой динамикой революционной эпохи или периода перестройки.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты можно использовать в процессе преподавания следующих дисциплин: теория языка, лексикология, стилистика, теория перевода.

Как правило, большинство из неологизмов имеют недолгую жизнь. По мнению экспертов, среди слов, возникших в период пандемии коронавирусной инфекции, много игровых выражений, которые останутся словами-однодневками. Они помогают людям отнестись к ситуации с юмором, отсюда и вытекает подобное словотворчество. Но некоторые остаются в языке надолго, входят не только в живую обиходную речь, но и становятся неотъемлемой частью словесности.

Остановимся на определениях неологизма, которые дают словари и энциклопедии.

Неологизм (*греч. neos — новый + logos — слово*) — новое слово, выражение или новое значение у уже существующего слова, вновь появившееся в языке на определённом этапе его развития (в лингвистике) [1].

Неологизмы (от *нео... и греч. logos — слово*) — 1) новые слова и выражения, созданные для обозначения новых предметов или для выражения новых понятий. К неологизмам относятся и заимствования. 2) Новые слова и выражения, необычность которых ясно ощущается носителями языка [2].

Неологизм (от *neos — новый и logos — речь*) — название новообразований в речи, слов, вводимых в общее обращение каким-либо писателем [3].

Во всех определениях подчёркивается, что неологизмы — это новые слова. Свежесть и оригинальность такого слова, оборота речи или словосочетания четко ощущается носителями языка.

Современные языки обладают многими способами словообразования, которые, в частности, включают в себя аффиксацию, конверсию, словосложение, слияние, сокращение и др. Не все из этих способов используются в одинаковой степени, и доля каждого из них в процессе словообразования неодинакова.

Проанализировав найденные нами неологизмы, появившиеся в эпоху COVID-19, мы увидели, что большинство из них образовано с помощью слияния слов (так называемые «слова-чемоданы», или портмонта-языковая конструкция, созданная объединением двух слов). Кроме того, разными лингвистами используются также термины: словообразовательный блендинг, гибридизация, сращение, слияние, вставочное словообразование. Л.А. Липилина называет слияние «одним из самых неординарных и сложных словообразовательных процессов» [4]. Также она отмечает, что свежесть, неожиданность и благозвучие «слов-чемоданов» или «слов-слитков», а также стремление коммуникантов к сжатости, но при этом высокой информативности высказывания, объясняют большую популярность использования единиц данного типа в СМИ, рекламе и разговорной речи. Неологизмы, образованные способом слияния, иллюстрируют проявления принципа экономии языковых усилий.

Слова-чемоданы — причудливая смесь двух слов, при которой часть первого слова заменяется на часть другого, при этом от первого слова может быть взята одна или две буквы, а от второго — последняя его часть.

Слово “portmanteau” сформировано из двух французских слов: “porter” (нести) и

“manteau” (манто, плащ). Его создал Л. Кэрролл, чтобы обозначать авторские слова в книгах «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Его персонаж Шалтай-Болтай сравнивает такие слова с бумажником, где есть два отдела, потому что «в одном слове собраны два значения» [5]. Л. Кэрролл отлично показал, как подобные «слова-чемоданы» работают в литературе. Но интересно то, что в реальной жизни мы тоже используем много подобных слов и зачастую даже не замечаем этого.

«Зачемоданивание» слов (оно же, как упоминалось выше, словослияние, словостяжение) как явление существует и в других языках. В немецком языке оно называется «слово-чемодан», в итальянском — «слово-салат» (итал. *Parola macedonia*), в румынском и норвежском — «слово-телескоп» (норв. *teleskopord*, рум. *cuvânt telescopat*), во французском — «слово-бумажник» (фр. *mot-valise*). Они же — слова-композицы, слова-слитки, слова-матрёшки.

«Зачемоданивание» слов — это особое лингвистическое творчество, цель которого обогатить язык, придать ему больше выразительности. Этот способ образования новых слов не является новостью, поскольку это было обычной практикой в другие периоды истории. Такой тип словообразования чрезвычайно распространён в английском языке, этим способом образованы такие широко употребительные заимствованные из английского языка слова, как *мотель* (от *motel* = *motor* + *hotel*), *смог* (от *smog* = *smoke* + *fog*), *бранч* (от *brunch* = *breakfast* + *lunch*).

Такие лексические инновации являются частью языковых изменений. Язык отражает то, как мы взаимодействуем с миром. Например, недавно, в разгар скандала по поводу выхода Великобритании из Европейского Союза, в английский

язык вошло слово-чемодан «брекзит» (англ. *brexite* — *Britain + exite*). Слово «брекзит» не только прижилось в английском языке, но и вошло в другие европейские языки, в том числе в русский. Поскольку Великобритания провела референдум о выходе из ЕС в 2016 году, но сам выход все откладывался, появился шуточный глагол *to brexite* (брекзитить) — прощаться, но не уходить.

В эпоху пандемии слова-чемоданы получили новую волну популярности в СМИ, и многие «коронеологизмы» (англ. “*coroneologisms*”) — слова, которые сами по себе представляют собой сложение двух слов “*corona + neologism*” были придуманы журналистами британской прессы, соревнуясь за читательскую аудиторию. Например, слово *coronaverse* (*corona + universe*) впервые было использовано в газете “*The Guardian*”, *lockstalgia* (*lockdown + nostalgia*) впервые появилась в газете “*The Times*”, *coronopticon* (*corona + reporticon*) был создан журналистами из “*The Economist*”, а *COVIDpreneurs* (*COVID + entrepreneurs*) — журналистами из “*The Irish Times*”.

Изучая перлокутивные намерения создателей слов-чемоданов, необходимо отметить их игривый характер. Такие неологизмы остроумны и включают игру слов, каламбуры и аллюзии. Считается, что когда воспринимающий расширяет предполагаемое значение, он развлекается и в то же время чувствует себя умным и испытывает гордость за то, что успешно выяснил предполагаемое значение слова-чемодана. Это порождает позитивное отношение к речевому событию, а также создает определенную социальную связь между участниками коммуникации, которую можно считать одной из основных функций слов-чемоданов. Используя «коронеологизмы», носители любого языка разделяют определенное чувство

товарищества, единства, пребывания «в одной лодке». Этот юмористический и беззаботный способ рассказать об опасной и часто трагической реальности, возможно, стал механизмом выживания для многих пользователей языка.

Приведем примеры таких неологизмов, собранных из английской прессы и интернет сайтов. Разделим их на тематические группы.

Группа 1. Слова-чемоданы, описывающие новую реальность, созданную COVID-19 и паузу в деятельности человека.

Coronageddon (*corona + armageddon*) — неизбежный конец времен, созданный либо фактическим вирусом COVID-19, либо массовым социальным, финансовым и политическим опустошением, вызванным глобальной истерией.

Coronapocalypse (*corona + apocalypse*) — шутливый термин для обозначения конца света из-за COVID-19.

Coronaverse (*corona + universe*) — название, данное человеческому обществу после COVID-19.

Anthropause (*anthropos + pause*) — (временное) исчезновение человека из естественной среды.

Quarantimes (*quarantine + times*) — период эпидемии коронавируса.

Группа 2. Слова-чемоданы, описывающие жизнь в условиях изоляции и ее однообразие.

Blursday (*blur + Thursday*) — когда из-за локдауна границы между днями недели расплываются, и вы уже не можете точно сказать, что за день сегодня.

Boreout (*boredom + burnout*) — сильная усталость и депрессия, вызванные скукой на работе в течение длительного периода времени;

Cluttercore (*clutter + normcore*) — творческий хаос или бардак в комнате.

Infits (*inside + outfit*) — одежда, которую носят, когда остаются дома.

Ronavation (rona, slang for 'corona' + renovation) — обновление во время пандемии.

Группа 3. Слова-чемоданы, относящиеся к информационной перегрузке или распространению ложной информации о пандемии COVID-19.

Coronaspiracy (theory) (corona + conspiracy) — теория заговора, связывающая страну, человека или технологию с кризисом коронавируса.

Coronawashing (coronavirus + whitewashing) — продажа с целью прибыли обычных товаров как помогающих предотвратить заражение коронавирусом или излечить от него.

Infodemic (information + epidemic) — ускоренное распространение дезинформации о COVID-19.

Mockdown (mock + lockdown) — термин, указывающий на локдаун, который недостаточно соблюдается и/или широко игнорируется.

Twindemic (twin + epidemic) — сценарий, при котором эпидемия (COVID), сопровождается вспышкой второго инфекционного заболевания, например, гриппа.

Quaranzine (quarantine + magazine) — совместный виртуальный ресурс, документирующий жизнь и мысли во время COVID-19.

Группа 4. Слова-чемоданы, описывающие технический прогресс, помогающий людям во время карантина и социального дистанцирования.

Quarantech (quarantine + technologies) — гаджеты и приложения, помогающие убить время в самоизоляции.

Coronopticon (corona + panopticon) — понятие национальной или глобальной системы наблюдения и контроля.

Covideo (COVID + video) (party) — социальное мероприятие, проводимое с использованием видеоконференцсвязи.

Homeference (home + conference) — онлайн-конференция, например, через Zoom, проводимая из дома.

Phygital (physical + digital) — стык цифрового и физического пространств.

Homeference (home + conference) — онлайн-конференция, проведенная из дома.

Quarandating (quarantine + dating) — стремление к романтическим отношениям при одновременном признании социального дистанцирования.

Hyflex (hybrid + flexible) — способ обучения, при котором уроки проводятся face to face в классах, а также доступны online.

Группа 5. Слова-чемоданы, описывающие симптомы или последствия COVID-19 и стресса, вызванного COVID-19.

A. Слова-чемоданы, описывающие чувства тревоги или страха, которые люди испытывают во время пандемии:

coronacoaster (corona + rollercoaster) — резкие перепады настроения, испытанные во время коронавируса.

Coronallusional (corona + delusional) — чувство ошеломления и замешательства из-за COVID-19.

Coronanoia (corona + paranoia) — вызванная страхом реакция на COVID-19, часто доходящая до абсурда и/или заблуждения.

Coronasomnia (corona + insomnia) — недостаток сна из-за пандемии COVID-19.

Lockstalgia (lockdown + nostalgia) — ностальгия по времени, когда страна находилась в изоляции.

Coronaphobia (coronavirus + phobia) — страх перед коронавирусом.

B. Слова-чемоданы, называющие другие симптомы/проблемы, вызванные COVID-19:

inflammageing (inflammation + ageing) — старение, вызванное воспалительными процессами.

Maskne (mask + acne) — акне, вызванное ношением масок для лица.

Quaransheen (quarantine + sheen) — блестящий нос и/или лоб, видимый во время видеоконференцсвязи.

Группа 6. Слова-чемоданы, шутливо называющие способы справиться с тревогой и страхом, вызванными COVID: алкоголь, употребляемый в лечебных целях.

Locktail (lockdown + cocktail) — коктейль, который пьют во время локдауна с использованием джина Warner's.

Coronarita (corona + margarita) — коктейль, который пьют во время коронавируса.

Quarantini (quarantine + martini) — коктейль, который пьют во время социального дистанцирования.

Группа 7. Слова-чемоданы, связанные с демографическими тенденциями, типами людей и их отношениями.

A. Имена людей, которые не соблюдают правила COVID-19:

covidiot (COVID + idiot) — человек, который раздражает других людей, отказываясь подчиняться правилам социального дистанцирования, разработанным для предотвращения распространения COVID-19.

Corona-uber (quarantine+Uber) — люди, которые не принимают коронавирус всерьёз, выходят на улицы и распространяют заразу подобно приложению Uber.

Coronaogamers (coronavirus+roamers) — эгоистичные типы, пренебрегающие правилами самоизоляции.

Covidol (Covid-19 + idol) — образцовый гражданин, соблюдающий социальное дистанцирование, покупающий разумное количество туалетной бумаги, антисептических средств и продуктов длительного хранения. Тип противоположный «ковидиоту».

Quarantrolls (quarantine + trolls) — люди, нагоняющие в соцсетях тоску своими

рассказами о том, как им тяжело в самоизоляции.

Mogona (corona + moron) — человек, который отказывается подчиняться правилам, связанным с COVID-19.

B. Названия молодых людей:

coronallennial (coronavirus + millennial) — поколение детей, зачатых в период самоизоляции.

Quaranteens (quarantine + teens) — дети, родившиеся между 2001 и 2007 гг., которые становятся тинэйджерами в период коронавируса 2020 г.

C. Названия других типов людей:

quaranteam (quarantine + team) — люди, с которыми вы находитесь вместе на карантине, или общий чат, в котором обсуждаются вопросы, связанные с пандемией.

Zoombie (zoom + zombie) — человек, измученный бесконечными конференциями в Zoome.

Covidpreneur (COVID + entrepreneur) — лицо или организация, которые используют панику, связанную с пандемией COVID-19, путем покупки и перепродажи предметов домашнего обихода лицам, не способным самостоятельно собирать «предметы первой необходимости».

Quaranqueens (quarantine + queen) — женщина, преуспевающая во время изоляции, особенно чрезмерно убирающая и прибирающаяся.

D. Проблемы в отношениях между людьми, вызванные пандемией:

covidivorce (COVID + divorce) — разрыв из-за невозможности быть вместе в замкнутом пространстве. Отправившись с рабочих мест домой, не все выдержали круглосуточную жизнь с женой или мужем. Пары перестали понимать друг друга, поняли, что они вообще чужие люди, и решили расстаться.

Группа 8. Слова-чемоданы с указанием типов праздников, которые люди про-

входят во время пандемии COVID-19.

Coronavacation (quarantine + vacation) — пребывание в самоизоляции по причине эпидемии коронавируса.

Homecation (home + vacation) — отпуск, проведенный дома.

Drivecation (drive + vacation) — время, проведенное в трейлере или автофургоне, припаркованном дома во время локдауна.

Safecation (safe + vacation) — отпуск в пункте назначения, который считается безопасным, в то время как пандемия продолжается в другом месте.

Schoolcation (school + vacation) — семейный отпуск, во время которого дети проходят онлайн-обучение.

Workation (work + vacation) — отпуск, когда человек останавливается в гостинице или другом месте проживания и работает оттуда.

Группа 9. Слова-чемоданы, описывающие экономические последствия пандемии COVID-19.

Sh recession (she + recession) — экономический спад, от которого страдают в основном женщины.

Pancession (pandemic + recession) — экономическая рецессия, связанная с пандемией.

Группа 10. Слова-чемоданы, относящиеся к новому языку, созданному под влиянием COVID-19.

Coronacronym (corona + acronym) — акроним, относящийся к COVID-19.

Coroneologism (corona + neologism) — неологизм, связанный с COVID-19.

Loxit (lockdown + exit) — выход из локдауна.

Covidictionary (COVID + dictionary) — словарь COVID-19.

Группа 11. Слова-чемоданы, называющие ожидаемый конец карантина COVID-19.

Covexit (COVID + exit) — процесс постепенного ослабления и снятия

ограничений на общественную жизнь, введенных правительствами в ответ на кризис с коронавирусом.

Loxit (lockdown + exit) — процесс выхода из режима локдауна.

Основные изменения, происходящие в обществе, и особенно социальные кризисы, катастрофы и войны всегда отражаются в языке. Пандемия COVID-19, которая принесла убытки и разрушения людям во всем мире, также вызвала огромный всплеск лингвистического творчества. Слова-чемоданы можно считать одним из самых оригинальных видов неологизмов, связанных с COVID-19. Среди английских «коронеологизмов» есть слова, описывающие изменившийся образ жизни людей во время изоляции, чувство тревоги и стресса, пережитое людьми во время пандемии, новые технологии, помогающие в удаленной работе и дистанционном обучении и многое другое. Вопрос о том, как долго неологизмы COVID-19 останутся в употреблении после постпандемической эры, остается неизвестным.

Многие из этих неологизмов были созданы журналистами или использовались в социальных сетях. Эти лексические образования часто бывают игровыми и остроумными, и их основная функция — привлечение внимания читателя или слушателя. Использование определенного общего жаргона, юмора для повествования о пугающей или трагической реальности может помочь людям справиться со страхом и горем, создать чувство единства и связи между участниками общения.

Таким образом, слова-чемоданы и другие «коронеологизмы» выполняют важную социальную функцию. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что неологизмы обогащают язык, но, помимо этого, они также создают определенные

трудности. Проблема понимания и перевода новых слов связана с тем, что слова-ри не успевают за словообразованием.

Полученные результаты не только демонстрируют особенности лексики

эпохи коронавируса, но и позволяют в качестве дальнейших перспектив представить сравнительно-сопоставительное исследование ковидного лексикона на материале других европейских языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
2. Большой энциклопедический словарь. М., 2002.
3. *Брокгауз, Ф.А.* Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2009.
4. *Липилина, Л.А.* Лексические слияния в современном английском языке. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sliyaniya-v-sovremennom-anglijskom-yazyke> (дата обращения: 31.10.2021).
5. *Демулова, Н.М.* Льюис Кэрролл. Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1999. 89 с.
6. *Катермина, В.В., Липириди, С.Х.* Covidictionary. Словарь коронавирусной лексики. М.: Издательский дом «ВКН», 2021. 80 с.
7. Словарь коронавирусной эпохи. URL: <https://www.letemps.ch/opinions/neologisme-covidiot-dit-bien-quil-veut-dire> (дата обращения: 08.10.2021).

REFERENCES

1. Efremova, T.F. Novyj slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyj [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Formation]. Moscow, 2000. (in Russ.)
2. Bolshoj enciklopedicheskiy slovar [Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2002. (in Russ.)
3. Brokgauz, F.A. Illyustrirovannyj enciklopedicheskiy slovar [Illustrated Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2009. (in Russ.)
4. Lipilina, L.A. *Leksicheskie sliyaniya v sovremennom anglijskom yazyke* [Lexical Mergers in Modern English]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-sliyaniya-v-sovremennom-anglijskom-yazyke> (accessed: 31.10.2021). (in Russ.)
5. Demurova, N.M. *Lewis Carroll. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Lewis Carroll. Essay of Life and Creativity]. Moscow, Nauka, 1999, 89 p. (in Russ.)
6. Katermina, V.V., Lipiridi, S.H. *Covidictionary. Slovar koronavirusnoj leksiki* [Covidictionary. Dictionary of Coronavirus Vocabulary]. Moscow, Izdatelskiy dom "VKN", 2021, 80 p. (in Russ.)
7. *Slovar koronavirusnoj epohi* [Dictionary of the Coronavirus Era]. Available at: <https://www.letemps.ch/opinions/neologisme-covidiot-dit-bien-quil-veut-dire> (accessed: 08.10.2021). (in Russ.)

Гливенкова Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Тамбовский государственный технический университет, olga-glivenkova@rambler.ru

Olga A. Glivenkova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University, olga-glivenkova@rambler.ru

Евенко Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Тамбовский государственный технический университет, nazarova33-1975@mail.ru

Elena V. Evenko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University, nazarova33-1975@mail.ru

Морозова Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации, Тамбовский государственный технический университет, morozova-on@mail.ru

Olga N. Morozova, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Tambov State Technical University, morozova-on@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.11.2021. Принята к публикации 09.07.2022

The paper was submitted 22.11.2021. Accepted for publication 09.07.2022

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ТЕРМИНОВ В ТЕКСТАХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА С НЕМЕЦКОГО НА РУССКИЙ

А.Н. Мамедов

Аннотация. В статье кратко освещаются вопросы, связанные с возможностью тактических действий переводчика для воссоздания функционально-семантического аналога немецкоязычного исходного текста по теме „Erwerb der Staatsbürgerschaft/получение гражданства“, включающего однокомпонентные термины и многокомпонентные терминологические сочетания. Поиск нужного эквивалента при переводе затрудняется сложностью структуры таких единиц и многозначностью их составляющих компонентов. Необходимо провести структурно-семантический анализ каждой единицы с целью установления ее семантической природы, грамматического статуса и системной принадлежности. Выбор того или иного тактического действия переводчика в каждом конкретном случае зависит от лексического наполнения однокомпонентных терминов и многокомпонентных терминологических сочетаний, а также от информационной нагрузки всего контекста. Автор придерживается точки зрения, согласно которой понимание внутренней структуры термина является необходимым условием качественного перевода, поскольку позволяет правильно раскрыть значение термина и определить смысловые связи между его корнями или компонентами. Переводчик, осуществляющий передачу иноязычного текста, включающего однокомпонентные термины и многокомпонентные терминологические сочетания, потенциально способствует воссозданию функционально-семантического аналога немецкоязычного исходного текста по теме “Erwerb der Staatsbürgerschaft/получение гражданства”.

Ключевые слова: тексты общественно-политической тематики, однокомпонентные термины, многокомпонентные терминологические сочетания, функционально-семантический аналог исходного текста, переводческие преобразования на лексическом и грамматическом уровнях.

Для цитирования: Мамедов А.Н. Структурно-семантические типы терминов в текстах общественно-политической тематики и способы их перевода с немецкого на русский // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 422–428. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-422-428

© Мамедов А.Н., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

STRUCTURAL AND SEMANTIC TYPES OF TERMS IN SOCIO-POLITICAL TEXTS AND WAYS OF THEIR TRANSLATION FROM GERMAN INTO RUSSIAN

A.N. Mamedov

Abstract. *The article highlights the issues related to the possibility of the translator's tactical actions to reconstruct the functional-semantic analogue of the German-language source text on "Erwerb der Staatsbürgerschaft/obtaining citizenship", which includes single-component terms and multi-component terminological combinations. The difficulty of finding the right equivalent in translation is due to the complex structure of such units and the multiple meanings of their constituent components. It is necessary to conduct a structural-semantic analysis of each unit in order to establish its semantic nature, grammatical status, and system affiliation. The choice of one or another tactical action of the translator in each case depends on the lexical content of single-component terms and multi-component terminological combinations, as well as on the information load of the entire context. The author believes that understanding the internal structure of a term is a prerequisite for a high-quality translation, since it makes it possible to correctly reveal the meaning of the term and determine the semantic connections between its roots or components. A translator who translates a foreign-language text that includes single-component terms and multi-component terminological combinations potentially contributes to recreating a functional-semantic analogue of the German-language source text on "Erwerb der Staatsbürgerschaft/obtaining citizenship", topic "Erwerb der Staatsbürgerschaft/obtaining citizenship".*

Keywords: *texts of socio-political topics, single-component terms, multi-component terminological combinations, functional-semantic analog of the source text, translation transformations at the lexical and grammatical levels.*

Cite as: Mamedov A.N. Structural and Semantic Types of Terms in Socio-Political Texts and Ways of Their Translation from German into Russian. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 3, part 2, pp. 422–428. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-422-428

423

В настоящее время отмечается повышенный интерес лингвистов к изучению терминологической лексики, которая не только обслуживает особые сферы профессиональной деятельности, но и распространяется в коммуникативных ситуациях за ее пределы. Постоянное появление в СМИ не зафиксированных в словарях терминов создает известные трудности при их переводе.

В этой связи переводчику при передаче немецкоязычных однословных терминов и многокомпонентных терминологических сочетаний необходимо вырабатывать определенные тактические действия для воссоздания функционально-семан-

тического аналога исходного текста. Поиск нужного эквивалента при переводе затрудняется сложностью структуры таких единиц и многозначностью их составляющих компонентов. Необходимо провести структурно-семантический анализ каждой единицы с целью установления ее семантической природы, грамматического статуса и системной принадлежности.

В данной статье использовался корпус немецкоязычных текстов из интернет-источников, посвященных информации о получении гражданства в ФРГ (*Erwerb der Staatsbürgerschaft*) в количестве 100 единиц (<https://www.bamf.de>; <https://www.bmi.bund.de>).

Целью исследования является рассмотрение структурно-семантических типов терминов (200 единиц) и выработка тактических действий переводчика на лексико-семантическом уровне при их передаче с немецкого на русский язык.

Композиты, многосоставные термины широко распространены в общественно-политической терминосистеме. Однокомпонентные многокорневые немецкоязычные термины способны к номинации и дифференцированию сложных составных понятий [1]. К исследуемым нами сложным словам относятся однокомпонентные термины, в состав которых входят две, три и более корневых морфем, например:

- **двухкорневые термины:** *das Abstammungsprinzip* — принцип происхождения; принцип «права крови» — приобретение гражданства ФРГ родившимся за границей ребенком граждан ФРГ; *die Aufenthalts/ genehmigung* — вид на жительство; *der Einbürgerungstest* — тест на получение гражданства; *die Ermessungs/einbürgerung* — дискреционная натурализация (это способ получить гражданство иностранного государства за определенный вклад в иностранное государство);

- **трехкорневые термины:** *das Staatsangehörigkeitsgesetz* — Закон о гражданстве; *das Staatsangehörigkeitsverfahren* — процедура получения гражданства; *der Renten/versicherungs/nachweis* — свидетельство пенсионного страхования; *das Freizügigkeits/abkommen* — соглашение о свободном перемещении граждан (между ЕС и Швейцарией).

Продуктивным способом образования современной терминологической лексики текстов общественно-политической тематики являются многокомпонентные терминологические сочетания. Роль многокомпонентной терминологии повышается,

т. к. однокомпонентные термины не всегда способны номинировать возникающие сложные понятия.

По мнению современных исследователей, многокомпонентные термины — это номинативные единицы особого типа, выражающие наименования научных понятий и явлений действительности, способные обеспечить точную эксплицитную передачу основного содержания текста [2].

Двух- и трехкомпонентные терминологические сочетания состоят из ядерного элемента, указывающего на родовой признак понятия и тематическую группу, и атрибутивного элемента, передающего отличительный видовой признак понятия [3, с. 36].

Структурная формула продуктивных моделей образования однокомпонентных терминов и многокомпонентных терминологических сочетаний в текстах, посвященных информации о получении гражданства в ФРГ, представляется следующим образом:

Substantiv 1 + Substantiv 2 (существительное 1 + существительное 2). В этом случае первое существительное, как правило, только определяет и конкретизирует последнее: *das Bundesamt* — федеральное ведомство, *die Anlaufstelle* — координационный пункт (для подачи заявления), *die Beibehaltungsgenehmigung/ die Beibehaltungsurkunde* — документ (свидетельство) о сохранении гражданства ФРГ; *Antrag auf Einbürgerung* — заявка на получение гражданства, *die Einwanderungs- und Staatsangehörigkeitsbehörde* — Федеральное ведомство по вопросам (делам) миграции и гражданства, *Nachweis über Wehrdienst* — свидетельство о военной службе (справка о прохождении военной службы).

Adjektiv + Substantiv (прилагательное + существительное): *die Neufassung* —

новая редакция (закона), die Neuausstellung — переоформление документов, das Freizügigkeitsabkommen — соглашение о свободном перемещении граждан (между ЕС и Швейцарией), der Zweitwohnsitz — второе место жительства; erleichterte Einbürgerung — упрощенное получение гражданства, die doppelte Staatsbürgerschaft — двойное гражданство, eine unbefristete Aufenthaltserlaubnis — бессрочный вид на жительство, Europäischer Referenzrahmen — европейские компетенции владения иностранным языком.

Adverb + Substantiv (наречие + существительное): die Mehrstaatigkeit — множественное гражданство, die Erstberatung — первичная консультация.

Переводчик при передаче исходного текста по теме „Erwerb der Staatsbürgerschaft/получение гражданства“, включающего однокомпонентные термины и многокомпонентные терминологические сочетания, сталкивается с рядом трудностей, которые обусловлены такими причинами, как полисемантический характер терминологических единиц, их многокомпонентный состав.

Итак, понимание внутренней структуры термина является необходимым условием эквивалентного перевода, поскольку позволяет правильно раскрыть значение термина и определить смысловые связи между его корнями [4, с. 68].

Наряду с основными способами передачи однокомпонентных терминов и многокомпонентных терминологических сочетаний — **калькирование** (die Gesamtbevölkerung — все население, die Straftat — преступное действие (деяние), преступление, die Mehrstaatigkeit — множественное гражданство (принадлежность лица к двум и более государствам), die Neufassung — новая редакция (закона), die Minderjährigen — несовершеннолетние), **транслитерация/транс-**

крипция (Schengen-Visum — шенгенская виза, das Grenzdurchgangslager Friedland — лагерь по приему переселенцев Фридланд), **описательный перевод** (Europäischer Referenzrahmen — европейские компетенции владения иностранным языком, der Ehegattennachzug — переезд одного из супругов к другому (в результате заключения брака, воссоединение семьи), die Vorrangprüfung — проверка приоритета при трудоустройстве на вакантные рабочие места (такой приоритет имеют граждане ФРГ, затем Евросоюза, и только потом других стран) — нами используются и дополнительные переводческие преобразования на лексико-семантическом и грамматико-синтаксическом уровнях. Например:

- **прием перестановки** (инверсия), в ходе которого трансформируется структура словосочетания ИЯ в ПЯ, например: die Eheschließung — заключение брака, die Unionsbürgerschaft — гражданство Евросоюза, Erziehungsgeldbescheid — справка о получении пособия по уходу за ребенком;

- **использование причастных и де-епричастных оборотов** при переводе многокомпонентных терминов позволяет уточнить значение определяемого слова: das Passersatzpapier — документ, заменяющий паспорт, die staatlichen Migrationsbehörden — органы государственной власти, ведающие вопросами миграции;

- **гиперо-гипонимические преобразования:** das Reisedokument — загранпаспорт, das Kindergeld — детские пособия, пособие на ребенка, die Lebenspartnerschaft — гражданский брак, die Wohngegend — жилой район, городской квартал, die Ausländerbehörde — служба/ведомство по делам иностранных граждан, отдел виз и регистраций иностранных граждан.

Таким образом, немецкие **однокомпонентные многокорневые термины** (*die Ermessungseinbürgerung* — дискреционная натурализация, *Erziehungsberechtigte* — законные опекуны, *der Arbeitsnachweis* — справка с прежнего места работы, *die Einbürgerungsurkunde* — документ о получении гражданства, *свидетельство о натурализации*, *die Geburtsurkunde/Sterbeurkunde* — свидетельство о рождении/смерти, *die Beibehaltungsgenehmigung* — разрешение на сохранение гражданства/сертификат, выданный правительством ФРГ в соответствии со ст. 25 (2) закона о гражданстве) передаются на русский язык сочетаниями, состоящими из двух и более компонентов, что довольно часто сопровождается перестановкой компонентов, частеречной заменой, лексическими добавлениями, например, введением предлога, приемом конкретизации. Ввиду того, что термины являются сложными смысловыми и структурными единствами, многие из вышеупомянутых переводческих приемов используются одновременно.

426

В случае наличия нескольких эквивалентных вариантов перевода одного термина целесообразно выявлять частотность употребления того или иного термина в профессиональной речи.

Тактические действия переводчика при передаче **многокомпонентных терминологических сочетаний** (*nach Ablauf der Gültigkeit* — по истечении срока действия, *die Ausstellung einer Beibehaltungsgenehmigung ist gebührenpflichtig* — услуга по оформлению разрешения на сохранение гражданства (статья 25(2) Закона о гражданстве ФРГ) подлежит оплате) затрагивают следующие аспекты: порядок следования компонентов термина и перевод непосредственно компонентов.

При переводе многокомпонентных терминов не всегда сохраняется тождественность их структуры. Так, например, двухкомпонентные терминологические сочетания могут передаваться трехкомпонентными: *gültiges Einreisevisum* — действующая виза на въезд. В некоторых терминологических сочетаниях исходного языка и переводящего языка, имеющих одинаковый набор компонентов, прослеживаются морфологические различия: перестановка компонентов или введение предлога: *das Einreise* — *oder Aufenthaltsverbot* — запрет на въезд или пребывание/проживание, *kraft Gesetzes* — в силу закона.

При переводе субстантивных словосочетаний с дефисным написанием („*Schengen-Land/Staat* — страна/государство Шенгенской зоны“, *EU-Bürger* — граждане ЕС, *B1-Niveau* — уровень B1) мы используем сочетание нескольких приемов — транслитерации, калькирования, перестановки компонентов, частеречной замены и лексического добавления. Дефис, связывая компоненты сочетания, способствует образованию смыслодифференцирующей группы в структуре термина, что упрощает процесс перевода [5].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, отметим, что переводчик, осуществляющий передачу иноязычного текста, включающего однокомпонентные термины и многокомпонентные терминологические сочетания, потенциально способствует воссозданию функционально-семантического аналога немецкоязычного исходного текста по теме „*Erwerb der Staatsbürgerschaft/получение гражданства*“.

Исследуемые нами термины характеризуются структурным и морфологическим несоответствием компонентов на исходном языке и переводящем языке, а также отсутствием словарных

эквивалентов, что предполагает проведение различных переводческих трансформаций.

Доминирующие приемы перевода (калькирование, экспликация) сопровождаются целым комплексом трансформаций, таких как инверсия, частеречная замена, добавление/опущение.

Семантико-синтаксический анализ исследуемых единиц способствует выбору того или иного тактического действия переводчика, который в каждом

конкретном случае зависит от лексического наполнения однокомпонентных терминов и многокомпонентных терминологических сочетаний, а также от информационной нагрузки всего контекста.

При существовании нескольких эквивалентных вариантов перевода одного термина целесообразно выявлять постоянную/относительную частотность употребления того или иного термина в профессиональной речи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудинова, Т.А. К вопросу и природе многокомпонентного термина (на примере английского подъязыка биотехнологий) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2 (14). С. 58–62.
2. Ткачева, Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Томского университета, 1987. 198 с.
3. Дегтяренко, К.А. Структурно-семантические особенности и способы перевода терминологической лексики военного дискурса (на материале англоязычных периодических изданий) // Научный диалог. 2017. № 5. С. 33–42.
4. Васильева, С.Л., Савинцева, М.Е. Способы перевода многокомпонентных терминов строительной сферы (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). С. 68–71.
5. Мамедов, А.Н. Стилистико-синтаксические приемы экспансии немецкоязычного рекламного предложения при переводе на русский язык: монография. М.: Прометей, 2011. 134 с.

REFERENCES

1. Kudinova, T.A. K voprosu i prirode mnogokomponentnogo termina (na primere anglijskogo podyazyka biotekhnologij) [On the Question and Nature of a Multicomponent Term (Using the Example of the English Sublanguage of Biotechnology)], *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* = Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology, 2011, No. 2 (14), pp. 58–62. (in Russ.)
2. Tkacheva, L.B. *Osnovnye zakonomernosti anglijskoj terminologii* [Basic Laws of English Terminology]. Tomsk, Tomskij universitet, 1987, 198 p. (in Russ.)
3. Degtyarenko, K.A. *Strukturno-semanticheskie osobennosti i sposoby perevoda terminologicheskoy leksiki voennogo diskursa (na materiale angloyazychnyh periodicheskikh izdaniy)* [Structural and Semantic Features and Ways of Translating Terminological Vocabulary of Military Discourse (Based on the Material of English Periodicals)], *Nauchnyj dialog* = Scientific Dialogue, 2017, No. 5, pp. 33–42. (in Russ.)
4. Vasileva, S.L., Savinceva, M.E. *Sposoby perevoda mnogokomponentnyh terminov stroitelnoj sfery (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Methods of Translation of Multicomponent Terms of the Construction Sphere (Based on the Material of Russian and English Languages)],

Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 2017, No. 5 (71), pp.68–71. (in Russ.)

5. Mamedov A.N. *Stilistiko-sintaksicheskie priemy ekspansii nemeckoyazychnogo reklamnogo predlozheniya pri perevode na russkij yazyk* [Stylistic and Syntactic Techniques of Expansion of a German-Language Advertising Offer when Translated into Russian: Monograph]. Moscow, Prometej, 2011, 134 p. (in Russ.)

Мамедов Артур Нарманович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и практики перевода и коммуникации, Московский педагогический государственный университет, arturnm@yandex.ru

Arthur N. Mamedov, PhD in Philology, Associate Professor, Theory and Practice of Translation and Communication Department, Moscow Pedagogical State University, arturnm@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.04.2022. Принята к публикации 05.08.2022

The paper was submitted 15.04.2022. Accepted for publication 05.08.2022

МЕТАФОРА И ЖАНР СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ (на примере произведения Л. Улицкой «Медея и ее дети»)

Аль Абдали Юсра Акрам

Аннотация. *Статья посвящена роли метафор в формировании сюжета семейной хроники Л. Улицкой «Медея и ее дети». Автором статьи описаны результаты очередного этапа исследований, связанных с творчеством Людмилы Евгеньевны Улицкой — представителя современной российской прозы. Для изучения современного состояния русского языка как самостоятельной системы имеет значение анализ тропов и фигур произведений, написанных на рубеже XX–XXI вв. «Медея и ее дети» — одно из творений Л. Улицкой (год написания — 1996), которое, как и другие ее произведения, отличается неповторимый стиль изложения, богатый лексический состав, лексическое, семантическое и стилевое разнообразие авторского слова, что является откликом на особенности менталитета общества описываемого периода в целом и определяет актуальность исследования. Научная новизна материала представлена как одна из частей общего исследования роли метафор в текстах произведений Л. Улицкой и состоит в том, что изучение роли метафор, используемых автором для формирования сюжета семейной хроники через призму взаимоотношений и характеристик героев, проводится на материале романа «Медея и ее дети». Основной целью статьи является рассмотрение метафор, с помощью которых автор формирует общую сюжетную линию произведения посредством отражения взаимоотношений Медеи, хранительницы тайн и идеологических основ семейного клана, с другими героями и их характеристики. В ходе исследования были решены следующие задачи: рассмотрены метафоры, формирующие общую сюжетную линию семейной хроники «Медея и ее дети», неразрывно связанные с образом Медеи как основополагающего элемента и выразителя авторской позиции в комплексе общей линии героев произведения, и распределены по группам и подгруппам в соответствии с взаимосвязью отношений с главной героиней людей из семейного клана Синопли и их близкого окружения.*

Ключевые слова: *метафоры, типы языковых метафор, образы героев, ассоциативные связи, семейная хроника, сюжет.*

Для цитирования: *Аль Абдали Юсра Акрам. Метафора и жанр семейной хроники (на примере произведения Л. Улицкой «Медея и ее дети») // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 429–440. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-429-440*

Al Abdali Yusra Akram

Abstract. *The article deals with the role of metaphors in forming the plot of L. Ulitskaya's family chronicle "Medea and Her Children". The author of the article describes the results of the next stage of research related to the works of Lyudmila Evgenievna Ulitskaya, a representative of modern Russian prose. The analysis of tropes and figures in the works written at the turn of the XXth – XXIth centuries is of importance for the study of the modern state of Russian language as an independent system. "Medea and Her Children" is one of the works by L. Ulitskaya (written in 1996), which, like her other works, is characterized by a unique style of narration, rich in vocabulary, lexical, semantic and stylistic diversity of the author's word, which is a response to the features of mentality of the described period in general and determines the relevance of the research. Scientific novelty of the material is presented as one part of the general study of the role of metaphors in the texts of L. Ulitskaya's works and consists in the fact that the study of the role of metaphors used by the author to form the plot of the family chronicle through the prism of relationships and characteristics of the characters is conducted on the material of the novel "Medea and Her Children". The main purpose of the article is to consider the metaphors with which the author forms the general plot line of the work by reflecting the relationship of Medea, the keeper of secrets and ideological foundations of the family clan, with other characters and their features. Over the course of the research the author examined the metaphors forming the general plot line of the family chronicle "Medea and Her Children", inseparably connected with the image of Medea as the fundamental element and the voice of the author's position in the complex of the general line of the characters of the work, and allocated into groups and subgroups according to the relationship with the main character of people of the family clan Sinopley and their close environment.*

Keywords: *metaphors, types of language metaphors, images of heroes, associative links, family chronicle, plot.*

Cite as: Al Abdali Yusra Akram. Metaphor and Genre of Family Chronicle (On the Example of L. Ulitskaya's "Medea and Her Children"). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2022, No. 3, part 2, pp. 429–440. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-3-429-440

430

Использование метафор при создании общей сюжетной линии произведения (в особенности жанра семейной хроники) довольно часто встречающийся прием. Это явление можно увидеть в произведениях писателей современности, к которым относится и Людмила Улицкая. Несомненно, данное жанровое воплощение формирует у читателя заинтересованность, довольно яркий в плане развития событий и смены поколений сюжет не оставляет равнодушным никого. «...Исследование писателями семейной темы

выливается в создание особого типа романной прозы — семейной хроники, отличительной особенностью которой является движение (смена) поколений в контексте эпох» [1, с. 25]. Обычно, по мнению Е.В. Никольского, жанр семейной хроники развивается во временных рамках, охватывающих жизнь 2–4 поколений, и «занимает значительный период в истории общества, что формирует еще одну специфичную черту жанра — соотношение истории страны с историей семьи» [там же, с. 26].

Произведение Л. Улицкой «Медея и ее дети» построено по классической схеме жанра семейной хроники: отражена событийная составляющая во временном периоде жизни 5 поколений (дед Медеи, ее родители, поколение Медеи, ее братьев и сестер, племянники, внучатые племянники Медеи, их дети), жизненные перипетии героев представлены в разрезе соответствующих исторических эпох, семейная история переключается с драматическими событиями в жизни страны («...революции, смена правительства, красные, белые, немцы, румыны, одних выселяли, других, пришлых, безродных, вселяли...») [2, с. 227].

Общая канва художественных произведений, выстраивающихся посредством схемы семейной хроники, часто формируется с помощью включения метафор, которые являются проекцией уникального восприятия мира автором, его преподнесением героев и эпохи читателю, обыгрыванием ситуации.

Изучение метафор нашло свое отражение в работах В.Н. Телия [3], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4], Н.Д. Арутюновой [5; 6], Г.Н. Склярёвской [7], Л.В. Калашниковой [8–10], Е.В. Поляковой [11] и др.

Творчеству Л. Улицкой посвящены работы таких современных филологов, как В.А. Алексютина [12], Э.В. Лариева [13], С.И. Тимина [14], О.В. Побивайло [15], Э.Ф. Маслова [16], К. Тхаплиял [17] и др.

Лингвисты к метафоре относят «вид тропа, употребление слова в переносном значении; словосочетание, характеризующее данное явление путем перенесения на него признаков, присущих другому явлению (в силу того или иного сходства сближаемых явлений), которое таким образом его замещает» [18]. В основе любой метафоры лежит образ [там же].

Одним из наиболее ярких видов метафор, встречающихся на страницах

произведений Л. Улицкой, являются метафоры образные (по классификации Н.Д. Арутюновой) [5].

Объектом исследования, взятым для анализа автором статьи, являются метафоры как способ формирования общей сюжетной линии семейной хроники Л. Улицкой «Медея и ее дети» через призму образов героев во взаимосвязи с главной героиней; предметом исследования — специфика их тематической разнонаправленности, нашедшая свое воплощение в образах людей из семейного клана Синопли и их близкого окружения.

Научная новизна материала представлена как одна из частей общего исследования роли метафор в текстах произведений Л. Улицкой и состоит в том, что изучение роли метафор, используемых автором для формирования сюжета семейной хроники через призму взаимоотношений и характеристик героев, проводится на материале романа «Медея и ее дети».

В филологии выделяются следующие типы языковых метафор:

- образная метафора — следствие перехода идентифицирующего (многопризнакового, описательного) значения в предикатное (характеризующее) — служит развитию синонимических средств языка;
- номинативная метафора (перенос названия) — замена одного описательного значения другим, служит источником омонимии;
- когнитивная метафора (возникает в результате сдвига в сочетаемости предикатных (признаковых слов), прилагательных и глаголов), создает полисемию;
- генерализующая метафора (конечный результат когнитивной метафоры), стирает в значении слова границы между логическими порядками и создает предикаты более общего значения [18].

При анализе материала семейной хроники были использованы следующие

методы: методы наблюдения и описания, сравнительного анализа, метод сплошной выборки.

Малоизученность тропов и фигур, с помощью которых формируется сюжетная линия произведений современной российской прозы, в частности, семейной хроники «Медея и ее дети», и важность их изучения для анализа общего состояния русского языка на рубеже XX–XXI вв. как отклика на особенности менталитета общества описываемого периода в целом и определяют актуальность исследования.

Основной целью статьи является рассмотрение метафор, с помощью которых автор формирует общую сюжетную линию произведения посредством отражения взаимоотношений Медеи, хранительницы тайн и идеологических основ семейного клана, с другими героями и их характеристики.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- всестороннее рассмотрение метафор, формирующих общую сюжетную линию семейной хроники «Медея и ее дети», неразрывно связанных с образом Медеи как основополагающего элемента и выразителя авторской позиции в комплексе общей линии героев произведения;
- распределение их по группам и подгруппам в соответствии с взаимосвязью отношений с главной героиней (Медей Мендос) и людей из семейного клана Синопли и их близкого окружения.

За основу проведенного исследования, результаты которого будут изложены в данной статье, была взята, как уже говорилось выше, семейная хроника «Медея и ее дети» Л. Улицкой, где были подвергнуты анализу метафоры, связанные с сюжетной линией произведения, что, на наш взгляд, наиболее ярко проявляется через призму взаимоотношений «Медея — родные и близкие».

Само название произведения «Медея и ее дети» говорит о том, что краеугольным камнем клана Синопли, такого богатого на потомков, разъехавшихся по разным концам СССР, на данный момент времени является женщина, бездетная, вдова, но при этом она по сути мать всем своим близким и родным, хранительница очага, семейных традиций и тайн, живущая в родовом доме в Крыму, куда приезжают все родственники с началом открытия сезона. *«Родом она была из Феодосии, вернее, из огромного, некогда стройного дома в греческой колонии... Ко времени ее рождения дом потерял изначальную стройность, разросся пристройками, террасами и верандами, отвечая этим ростом на бурное увеличение семьи, случившееся в первое десятилетие так весело начинавшегося века»* [2, с. 8].

Клан Синопли отличался обилием потомков и особой силой крови и генов предка-грека Харлампия: *«...кровь его оказалась сильной, не растворялась в других потоках, и те из его потомков, которых не перемолотило кровожадное время, унаследовали от него и крепость натуры, и талант, а всем известная его жадность в мужской линии проявлялась большой энергией и страстью к строительству, а у женщин, как у Медеи, оборачивалась бережливостью, повышенным вниманием к вещи и изворотливой практичностью»* [там же, с. 9].

Метафоры, с помощью которых автор формирует сюжетную линию семейной хроники через образы героев в восприятии Медеи как символа рода, их восприятие читателями можно условно распределить по нескольким тематическим группам, которые будут рассмотрены в статье далее.

При анализе текста было установлено, что основа повествования неразрывно связана с главным образом, формирующим сюжет произведения, — образом Медеи,

и во многом строится посредством ее взаимоотношений с другими героями, что, в свою очередь, проявляет себя через метафоры. Она, ее мысли, чувства, душевные порывы и переживания, как бы отстраненный взгляд со стороны на происходящее — вот основа мироздания клана. Медея никого не обсуждает и не осуждает, просто воспринимает все так, как есть, констатируя факты. Например, о своих родственниках она отзывается следующим образом: «Жизнь послевоенного поколения, особенно тех, кому было сейчас по двадцать, казалась ей несколько игрушечной. Ни в браках, ни в материнстве не чувствовали они...ответственности» [там же, с. 60].

Метафоры, использованные Л. Улицкой при формировании сюжетной линии семейной саги и связанные с образом Медеи и ее восприятия окружающей реальности, нами в ходе анализа были распределены по группам в соответствии с взаимосвязью отношений с главной героиней Медеей Мендос и людей из семейного клана Синопли и их близкого окружения.

Особую группу представляют собой метафоры, использованные автором при формировании сюжета семейной хроники, характеризующие окружающее пространство Медеи — Крым, который неразрывно связан с образом жизни героини и часто воспринимается ею как живое существо: «Для местных жителей Медея Мендос давно уже была частью пейзажа» [там же, с. 6]. Она очень внимательно к окружающему пейзажу, знает о нем все, пропитана им: «Вся округа, ближняя и дальняя, была известна ей, как содержимое собственного буфета» [там же, с. 7]. Так, нами в процессе сплошной выборки были отмечены следующие метафоры этой группы:

- образная метафора:

- основанная на сходстве внешнего вида: *зеленая одежда* (о природном покрове земли); *далекий лоскут моря, складчатая долина с бороздой давно ушедшей реки; блеклые столовые горы в мелких лишайниках пасущихся отар; проплешины старых обвалов; каменная корка гор плавает в синей чаше моря, огромное кольцо гор хранит в себе продолговатую каплю Черного моря;*

- основанная на сходстве представления действия: *заросли горной мяты спускаются, вымирает барбарис, цикорий идет в подземное наступление, корневища его душат цветы* (о том, как меняется со временем наполненность холмов разнотравьем); *крымская земля всегда была щедра к Медее, дарила ей свои редкости; на взлобке холма дымился розово-лиловый тамариск; солнце пробило блестящую дымку; дорога вилась большим полукольцом, проходила мимо распадка, откуда бросалась вниз трудной тропой; жили своей подземной жизнью военные объекты; горка, на которой устроилась когда-то татарская деревишка; плавное движение гор, ритмичные вздохи моря, протекание облаков; речка ушла, но во время таяния снегов она оживала тонким ручейком мутных талых вод; картины художника Богаевского отталкивались от этих скальных причуд; тропа опасливо отрывалась от скалы и разбегалась на несколько извилистых, бегущих к морю; бухточки довольно глубоко врезались в берег; относительная вечность, которая мягко плескалась у самых ног* (о море).

- основанная на сходстве представления в структуре оценок: *своими подошвами она чувствовала благосклонность этих мест;*

- когнитивная метафора, формирующая абстрактное значение слова: *в этом месте ландшафт отказывался от обязательного следования оптическим законам*

и раскидывался выпукло, обширно, держась на последней грани перехода плоского в объем и соединяя чудесным образом прямую и обратную перспективу; жилища умерших камней на самых вершинах.

В данной группе нами были обнаружены такие виды метафор, как образные и когнитивные. Образные метафоры преобладают, среди них были выявлены подгруппы метафор, основанные на сходстве внешнего вида, представлений действия, структуре оценок.

В ходе анализа текста были также выявлены метафоры, связанные с образом Георгия (племянника Медеи), еще одного человека, которому близка природа в общем и природа Крыма в частности. Так, нами в процессе сплошной выборки были отмечены следующие метафоры этой группы:

- образная метафора:
- основанная на сходстве представления действия: *солнце клонилось к западному хребту, нацеливаясь в ложбинку между двумя круглыми горками Близнецами; течение медленной овечьей реки (о движении отары овец);*
- основанная на сходстве представления в структуре оценок: *странная особенность его восприятия;*
- когнитивная метафора, формирующая абстрактное значение слова: *сентябрьское солнце уходило за горизонт, распарывая себе брюхо о шлык Киян-горы; и только профили гор держали облик этого края, и Георгий любил их, как можно любить лицо матери или тело жены, — наизусть, с закрытыми глазами, навсегда; недописанная диссертация, которая всасывала его в себя, как злая тряпина, как только он к ней приближался; все в мире делилось на твердое и мягкое, мягкое ласкало чувства, было связано с эмоциональными реакциями, твердое*

определяло сущность явления, было его скелетом; песни Окуджавы казались ему мякотью, сплошной мякотью (он их не любил); приверженность семейной мифологии; волнующий воздух, который вскипал пузырьками, раздражал, возбуждал (о начале чувств к Норе).

В данной группе нами были обнаружены такие виды метафор, как образные и когнитивные; когнитивные метафоры преобладают.

Также нами в ходе анализа была выявлена группа метафор, связанных с сюжетной линией развития событий «Медея и ее муж Самуил». У них был довольно спокойный брак, из тех, что заключаются на основе общих интересов и общих взглядов на жизнь, без страстей, на основе больше чисто человеческих отношений, а не отношений мужчины и женщины.

Образ мужа и их взаимоотношений формируется Л. Улицкой с помощью следующих метафор, распределенных по группам и подгруппам:

- образная метафора:
- основанная на сходстве внешнего вида: *склонность к этому типу кузнечиков, худых, подвижных (о еврейских мужчинах, которым Медея симпатизировала);*
- основанная на сходстве представления действия: *две глубокие залысины подняли вверх его невысокий лоб, усы поскромнели и увяли (о том, как изменился со временем муж внешне); развел в санатории несусветный базар (о любвеобилии Самуила); трещал беспрерывно; пришепывая по-гурмански губами; источал из себя благодарность, направленную на весь божий свет, и в особенности на нее, Медею (состояние Самуила перед уходом в мир иной);*
- основанная на сходстве представления в структуре оценок: *обряжен в чоновскую кожу; встреча с дантистом для Медеи, находящейся в подсыхающей стадии;*

- когнитивная метафора, формирующая абстрактное значение слова: *переменчивая душа его не выдержала, пока насиженные яйца намерений проклюнутся совершенными деяниями.*

В данной группе нами были обнаружены такие виды метафор, как образные и когнитивные. Образные метафоры преобладают, среди них были выявлены подгруппы метафор, основанные на сходстве внешнего вида, представлений действия, структуре оценок.

Следующая группа метафор, отмеченных нами при построении семейной хроники, связана с сюжетной линией взаимоотношений Медеи и ее младшей сестры Александры, или Сандрочки, как называла ее Медея. Так, в ходе анализа были выявлены следующие метафоры:

- образная метафора:
- основанная на сходстве внешнего вида: *с ржавчиной в волосах* (проявление знаменитой рыжести династии);
- основанная на сходстве представления действия: *от природы легкомысленная, но вовсе не дурочка, раздувала эту простительную слабость, как воздушный шар, и казалось, вот-вот улетит куда угодно и невесть зачем; мелькала локтями и длинными голенями;*
- основанная на сходстве представления в структуре оценок: *у Сандрочки все в прекрасной простоте соединялось;*
- когнитивная метафора, формирующая абстрактное значение слова: *рассказывала Медее о своей жизни..., оставляя в закрытых наглухо скобках свою бурную личную жизнь; ловит свои жемчужины в любой воде и собирает медок со всех цветов (мнение Медеи о бурной личной жизни сестры); всегда легкая на любовь; огонь ее волос.*

В данной группе нами были обнаружены такие виды метафор, как образные и когнитивные, представленные в равных

долях в процентном соотношении. Образные метафоры представлены следующими подгруппами: основанными на сходстве внешнего вида, на сходстве представления действия, на представлении в структуре оценок.

Сандрочка — крайне легкомысленное создание, порхающее, счастливо принимающая от жизни все, во всем в жизни до определенного периода полагающаяся на Медею, большая любительница блеска, радости во всех проявлениях, постоянно ищущая мужского внимания. Бесчисленное количество ее романов («*были у нее разные блестящие связи*» [там же, с. 153]), несколько браков не оставили в душе Сандры каких-то сложных переживаний, не заставили ее сделать какие-то выводы: отношения распались сами собой, браки «заминались» [там же, с. 153].

Любимая младшая сестра Медеи, Сандрочка, которой та стала матерью во всех смыслах после ухода родителей, нанесла старшей сестре удар в спину — после легкомысленной связи с Самуилом родила дочку Нику.

Позже похожая история измены нашла свое повторение в следующем поколении, затронула отношения Ники и Маши, и закончилась она очень трагично.

Ника — младшая дочь Александры, плод запретной и легкомысленной любви. С ее рождением связана семейная тайна, которая стала яблоком раздора между Медеей и Александрой на целую четверть века. История рождения Ники всплыла на свет волей случая через год после смерти Самуила — Медея, разбирая вещи мужа, нашла адресованное ему письмо сестры с новостью о рождении их общей дочери. Ника с очень ранних лет пользовалась успехом у мужчин, с молчаливого одобрения матери отдавалась страсти во всех ее проявлениях: «*Обеими руками гребла к себе Ника удовольствия, большие и*

малые, а горькие ягоды и мелкие камушки легко сплевывала, не придавая им большого значения» [там же, с. 185].

Так, в ходе анализа были выявлены следующие метафоры, связанные с образом Ники:

- образная метафора:
- основанная на сходстве внешнего вида: *стайка мелких прыщиков в середине лба* (о раннем проявлении в Нике женственности и чувственности);
- основанная на сходстве представления действия: *не было у нее выше минуты, чем та, когда она разворачивала к себе мужчину, пробивалась через обыкновенную, свойственную мужчинам озабоченность собственной, в глубине протекающей жизнью; расставляла маленькие приманки, силки, протягивала яркие ниточки к себе;*
- когнитивная метафора, формирующая абстрактное значение слова: *обольщение — потребность ее души, пища, близкая к духовной.*

В данной группе нами были обнаружены такие виды метафор, как образные и когнитивные, преобладают образные метафоры. Образные метафоры представлены следующими подгруппами: основанными на сходстве внешнего вида, на сходстве представления действия.

Также нами была отмечена группа метафор, связанных с образом внучки Сандры (Маши), еще одной родной для Медеи души. Она — представитель четвертого поколения семейной саги. Жизнь Маши — трагическое стечение обстоятельств. В раннем возрасте она осталась сиротой (родители погибли в автомобильной катастрофе); воспитывалась в доме безумной бабки по материнской линии, которая внушила маленькой девочке комплекс вины за смерть родителей, что не могло не остаться без последствий для детской психики, которые так страшно и

фатально привели Машу к добровольному уходу из жизни (вторая попытка увенчалась успехом).

Маша — тонко чувствующий поэт с ранимой душой. С одной стороны, она отдает себя своей семье — мужу, умнице-медику, человеку безусловного таланта и склонности к постижению знаний любого формата, и сыну, где в основе любви лежит душевная привязанность, дружба, интеллектуальная и духовная составляющие: *«Близость их была столь редкой и полной, выявлялась она и в общности вкусов, и в строе речи, и в тональности юмора» [там же, с. 289].* С другой стороны, она испытывает самую настоящую, всепоглощающую страсть к красивому мужчине психотипа нарцисс, бутону, который никогда при всей его тщеславной составляющей личности не сможет стать полноценным цветком. И эта страсть как первобытная эмоция открывает перед Машей вновь врата безумия, закрывшиеся перед ней в раннем возрасте благодаря пластичности детской психики.

Так, в ходе анализа метафор, связанных с образом Маши при построении сюжета произведения были выявлены следующие группы и подгруппы:

- образная метафора:
- основанная на сходстве внешнего вида: *холодные косточки пальцев; два перевернутых полумесяца темных веснушек выступили от скул к носу; сугубая теснота ее детского тела;*
- основанная на сходстве представления действия: *холод шел по ее костям через черно-белые зубья ненавистной клавиатуры* (игра на пианино под неусыпным взором психически больной бабки); *слова, строчки одолевали ее, и она едва успевала закрепить их в памяти* (после любовной встречи с Бутоновым); (Бутонов) *заполнял собой все Машино тело вместе с душой; с тонкими руками, которые*

жили в воздухе рядом с ее стриженной головой независимой и несколько нелепой жизнью; улыбка еле помещалась на узком лице;

- когнитивная метафора, формирующая абстрактное значение слова: *тонкий слух к мистике, чувство к миру и художественное воображение; незаконченные строчки появлялись в пузырястом пространстве, поворачивались боком и уплывали, мелькнув неровным хвостом* (о самовыражении духовности Маши как поэта после любовных встреч с Бутоновым); *спала дырчатым заячьим сном, полным звуками, строками, тревожными образами (после возвращения из Крыма)*.

- В данной группе нами были обнаружены такие виды метафор, как образные и когнитивные, преобладают образные метафоры. Образные метафоры представлены следующими подгруппами: основанными на сходстве внешнего вида, на сходстве представления действия.

«Медея/семейный клан» — особая группа метафор, которая формирует отдельные образы героев в качестве вкраплений в общую картину генетической линии семейной саги. Это образные метафоры, основанные на сходстве представления действия: *выскакивал иногда укороченный дедов мизинец, бабушкина приросшая мочка уха. «Семья была столь благословенно велика, что являла бы собой прекрасный объект для генетика, интересующегося распределением наследственных признаков»* [там же, с. 9]. Отличительной чертой всех потомков Матильды, матери Медеи, была рыжесть всех оттенков и мастей, что не могло не обратить на себя внимание.

На основании вышесказанного были сделаны следующие выводы:

- метафоры являются одним из основных способов формирования общей сюжетной линии семейной хроники Л.

Улицкой «Медея и ее дети» в ракурсе взаимоотношений главной героини и ее близкого окружения;

- при анализе текста было установлено, что общая основа повествования неразрывно связана с главным образом, формирующим сюжет произведения, — образом Медеи;

- в ходе анализа метафоры, связанные с образом Медеи как краеугольного камня семейного клана, были распределены нами по следующим группам в соответствии с взаимосвязью отношений с главной героиней Медей Мендос и людей из рода Синопли и их близкого окружения: Медея и ее окружающее пространство (Крым); Медея и ее племянник Георгий; Медея и ее муж Самуил; Медея и ее сестра Александра; Медея и Ника, Медея и Маша, Медея и семейный клан;

- метафоры, связанные с образом Медеи и ее окружения, относятся к разным типам языковых метафор;

- нами в ходе анализа текста семейной саги были выявлены группа (подгруппы) образных метафор и группа когнитивных метафор;

- в тематических группах чаще преобладают образные метафоры;

- одна из тематических групп представлена большим количеством когнитивных метафор — метафоры, связанные с образом Георгия, племянника Медеи; она из групп представлена в процентном соотношении в равных долях образными и когнитивными метафорами — метафоры, связанные с сюжетной линией взаимоотношений Медеи и ее младшей сестры Александры;

- образные метафоры представлены следующими подгруппами метафор: основанными на сходстве внешнего вида, на сходстве представления действия, на сходстве представления в структуре оценок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Никольский, Е.В.* Жанр романа семейной хроники в русской литературе рубежа тысячелетий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 25–28.
2. *Улицкая, Л.* Медя и ее дети. М.: Изд-во АСТ, 2021. 352 с.
3. *Телия, В.Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 74–98.
4. *Лакофф, Дж., Джонсон, М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. *Арутюнова, Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343.
6. *Арутюнова, Н.Д.* Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–25.
7. *Скляревская, Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 151 с.
8. *Калашикова, Л.В.* Приоритетная роль метафоры в процессе познания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2 (2). С. 49–51.
9. *Калашикова, Л.В.* Метафора – один из факторов отражения этнокультурной специфики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 1. Ч. 1. С. 142–144.
10. *Калашикова, Л.В.* Метафора – инструмент познания и установления реальных связей между элементами мироздания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 75–77.
11. *Полякова, Е.В.* Когнитивная метафора в этических концептах как явление вторичного семиозиса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1. Ч. 2. С. 94–96.
12. *Алексютина, В.А.* Мотивные комплексы, воплощающие тему семьи в рассказах Л. Улицкой // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). С. 114–116.
13. *Лариева, Э.В.* Концепция семейственности и средства ее художественного воплощения в прозе Л. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2009. 19 с.
14. *Тимина, С.И.* Ритмы вечности. Роман Л. Улицкой «Медя и ее дети» // Русская литература XX века в зеркале критики: Хрестоматия / сост. С.И. Тимина, М.А. Черняк. СПб.: Академия, 2003. С. 537–549.
15. *Побивайло, О.В.* Мифология семьи в прозе Л. Улицкой // Филология и человек. 2010. № 1. С. 145–151.
16. *Маслова, Э.Ф.* Структурные особенности антропонимов в романах Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» и «Искренне Ваш Шурик» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2011. № 25. С. 95–99.
17. *Тхаплия, К.* Лингвистический анализ художественного текста и сравнительное изучение рассказов современных русских женских писателей (на материале произведений В.Токаревой, Л. Улицкой и Т. Толстой) // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2018. № 4 (2). С. 60–70.
18. Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет». URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/METAFORA.html?page=0,2 (дата обращения: 06.01.2022).

REFERENCES

1. Nikolskij, E.V. Zhanr romana semejnoy hroniki v russkoj literature rubezha tysyacheletij [The Genre of the Family Chronicle Novel in Russian Literature at the Turn of the Millennium], *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta, Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie* = Bulletin of the Adygea State University, Series 2: Philology and Art History, 2011, No. 4, pp. 25–28. (in Russ.)
2. Ulickaja, L. *Medeja i ee deti* [Medea and Her Children]. Moscow, AST, 2021, 352 p. (in Russ.)
3. Teliya, V.N. Metaforizaciya i ee rol v sozdanii yazykovoj kartiny mira [Metaphorization and Its Role in Creating a Linguistic Picture of the World]. In: *Rol chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and the Picture of the World]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 74–98. (in Russ.)
4. Lakoff, J., Johnson, M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 256 p. (in Russ.)
5. Arutyunova, N.D. Funkcionalnye tipy yazykovoj metafory [Functional Types of Language Metaphor], *Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija literatury i jazyka* = Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series, 1978, vol. 37, No. 4, pp. 333–343. (in Russ.)
6. Arutyunova, N.D. Metafora i diskurs. Vstupitel'naja stat'ja [Metaphor and Discourse. Introductory Article]. In: *Teorija metafory: sbornik* [Theory of metaphor: collection], ed. by N.D. Arutyunova and M.A. Zhurina. Moscow, Progress, 1990, pp. 5–25. (in Russ.)
7. Sklyarevskaya, G.N. *Metafora v sisteme jazyka* [Metaphor in the Language System]. St. Petersburg, Nauka, 1993, 151 p. (in Russ.)
8. Kalashnikova, L.V. Prioritetnaya rol metafory v processe poznaniya [The Priority Role of Metaphor in the Process of Cognition], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 2008, No. 2 (2), pp. 49–51. (in Russ.)
9. Kalashnikova, L.V. Metafora — odin iz faktorov otrazheniya etnokulturnoj specifiki [Metaphor is One of the Factors Reflecting Ethno-Cultural Specificity], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 2010, No. 1, part 1, pp. 142–144. (in Russ.)
10. Kalashnikova, L.V. Metafora — instrument poznaniya i ustanovleniya realnyh svyazej mezhdu elementami mirozdaniya [Metaphor is a Tool for Cognition and Establishing Real Connections between the Elements of the Universe], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 2012, No. 1, pp. 75–77. (in Russ.)
11. Polyakova, E.V. Kognitivnaya metafora v eticheskikh konceptah kak yavlenie vtorichnogo semiozisa [Cognitive Metaphor in Ethical Concepts as a Phenomenon of Secondary Semiosis], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 2008, No. 1, part 2, pp. 94–96. (in Russ.)
12. Aleksyutina, V.A. Motivnye komplekсы, voploshchayushchie temu semi v rasskazah L. Ulickoj [Motive Complexes That Embody the Theme of the Family in the Stories of L. Ulitskaya], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo State University, 2014, No. 1 (57), pp. 114–116. (in Russ.)
13. Larieva, Je.V. *Koncepciya semejstvennosti i sredstva ee hudozhestvennogo voploshcheniya v proze L. Ulickoj* [The Concept of Nepotism and the Means of Its Artistic Embodiment in the Prose of L. Ulitskaya]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology). Petrozavodsk, 2009, 19 p. (in Russ.)
14. Timina, S.I. Ritmy vechnosti. Roman L. Ulickoj “Medeya i ee deti” [Rhythms of Eternity. Roman L. Ulitskaya “Medea and Her Children”]. In: *Russkaya literatura XX veka v zerkale kritiki*:

- Hrestomatiya* [Russian Literature of the Twentieth Century in the Mirror of Criticism: A Textbook], comp. S.I. Timina, M.A. Chernyak. St. Petersburg, Akademija, 2003, pp. 537–549. (in Russ.)
15. Pobivajlo, O.V. Mifologiya semi v proze L. Ulickoj [The Mythology of the Family in the Prose of L. Ulitskaya], *Filologija i chelovek* = Philology and Man, 2010, No. 1, pp. 145–151. (in Russ.)
  16. Maslova, E.F. Strukturnye osobennosti antroponimov v romanah L. Ulickoj “Daniel Shtajn, perevodchik” i “Iskrenne Vash Shurik” [Structural Features of Anthroponyms in L. Ulitskaya’s Novels “Daniel Stein, Translator” and “Sincerely Yours Shurik”], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Serija: Filologija. Iskusstvovedenie* = Bulletin of the Chelyabinsk State University, Series: Philology. Art History, 2011, No. 25, pp. 95–99. (in Russ.)
  17. Thapliyal, K. Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta i sravnitelnoe izuchenie rasskazov sovremennyh russkih zhenskih pisatelej (na materiale proizvedenij V. Tokarevoj, L. Ulickoj i T. Tolstoj) [Linguistic Analysis of the Literary Text and Comparative Study of the Stories of Contemporary Russian Women’s Writers (Based on the Works of V. Tokareva, L. Ulitskaya and T. Tolstoy)], *Mirovaja literatura na perekrestke kultur i civilizacij* = World Literature at the Crossroads of Cultures and Civilizations, 2018, No. 4 (2), pp. 60–70. (in Russ.)
  18. *Universalnaya nauchno-populyarnaya enciklopediya “Krugosvet”* [Universal Popular Science Encyclopedia “Circumnavigation”]. Available at: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/METAFORA.html?page=0,2 (accessed: 06.01.2022). (in Russ.)

Аль Абдали Юсра Акрам, преподаватель, кафедра русского языка и литературы, Багдадский университет, yusraakrammustafa@gmail.com

Yusra Akram Al Abdali, Lecturer, Russian Language and Literature Department, Baghdad University, yusraakrammustafa@gmail.com

Статья поступила в редакцию 25.02.2022 Принята к публикации 17.05.2022

The paper was submitted 25.02.2022. Accepted for publication 17.05.2022

ПАМЯТИ
МАРКА ЯКОВЛЕВИЧА БЛОХА
(16.08.1924 – 16.09.2022)

16 сентября 2022 года ушел из жизни Марк Яковлевич Блох, выдающийся советский и российский ученый-лингвист, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой грамматики английского языка МПГУ, Почётный профессор МПГУ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, почётный член Российской академии естественных наук, почётный академик Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Нью-Йоркского клуба русских писателей (литературный псевдоним: Марк Ленский).

Марк Яковлевич родился 16 августа 1924 г. в Киеве. Окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза в 1951 г. и аспирантуру МГПИ им. В.И. Ленина в 1961 году. В 1951—1957 гг. преподавал в Иркутском государственном педагогическом институте иностранных языков. В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию «К вопросу о рамочной конструкции предложения (на материале английского и немецкого языков)», в 1978 г. — докторскую диссертацию «Проблемы парадигматического синтаксиса». С 1988 г. заведовал кафедрой грамматики английского языка факультета иностранных языков, а затем института иностранных языков МПГУ.

Марк Яковлевич Блох основал известную научную школу Коммуникативно-парадигматической лингвистики, ввёл в языкознание понятие «ДИКТЕМА», элементарную ситуативно-тематическую единицу текста, что явилось научным прорывом в лингвистике и позволило изучать текст на более качественном уровне. Открытие диктемы много лет назад позволило на современном этапе развития науки о языке рассматривать двухчастную грамматику, состоящую из морфологии и синтаксиса, как трехчастную – морфология (слово) – синтаксис (предложение) – дискурс (текст). Марк Яковлевич всегда подчеркивал, что именно грамматика языка позволяет человеку мыслить.

Марк Яковлевич имеет более 200 научных работ, под его руководством более 100 человек защитили кандидатские и докторские диссертации. Его талантливые ученики работают в каждом уголке России и за рубежом. В канун 90-летнего юбилея М.Я. Блоху была вручена Почетная грамота Президента РФ В.В. Путина «за большой личный вклад и развитие принципиальных положений общей теории языка, создание научно-лингвистической школы и руководство целой плеядой ученых».

Марк Яковлевич – истинный патриот своей великой родины России и родного МПГУ. Торжественно звучит его ода, посвященная нашей великой Родине!

Великая Родина наша, Россия,
Ты духом и волей народа сильна.
Заветы отцов выполняя святые,
Ты правде, свободе и миру верна.

Друзей ты в беде никогда не бросаешь,
Радушно встречаешь ты добрых гостей.
Врагов сокрушаешь, в трудах умножаешь
Богатство земли необъятной своей.

Победно развернуто знамя державное,
Дорогою чести ведя нас вперед.
Живи, процветая, Отечество славное!
Живи, процветая, Российский народ!

Победно развернуто знамя державное,
Дорогою чести ведя нас вперед.
Живи, процветая, Отечество славное!
Живи, процветая, Российский Народ!

Марк Ленский

Можно еще долго перечислять звания и заслуги Марка Яковлевича, но нет таких слов, чтобы передать то, как он бережно относился к людям, как ценил их чувства, как любил их. Марк Яковлевич прошел Великую Отечественную войну, познал все ее горести, поэтому очень ценил и любил жизнь, не тратя ее на обиды и зависть, гордыню и разочарования. Говорят, что невозможно постичь душу человека, но душа поэта поет в его стихах, превращаясь в МУЗЫКУ СЛОВА.

НАКАЗ Заветное слово

442

Когда, в свой чертог принимая,
Сомкнется земля надо мной,
У свежей могилы, родная,
С моими друзьями постой.

И дальше прекрасной и гордой
Дорогою жизни иди.
Невзгода постигнет - будь твердой.
Знай: счастье твое впереди.

Ты с ними чуть-чуть – и довольно! –
Тогда обо мне погрузи.
И если обидел невольно,
От щедрого сердца прости.

А в отблеске грезы порою
Мелькнет ли весны нашей свет,
Не горькой, не жгучей слезою –
Улыбкой пошли мне привет!

Марк Ленский

Дорогой наш Марк Яковлевич Блох навсегда останется в наших любящих душах, плачущих сердцах и наших улыбках!!!